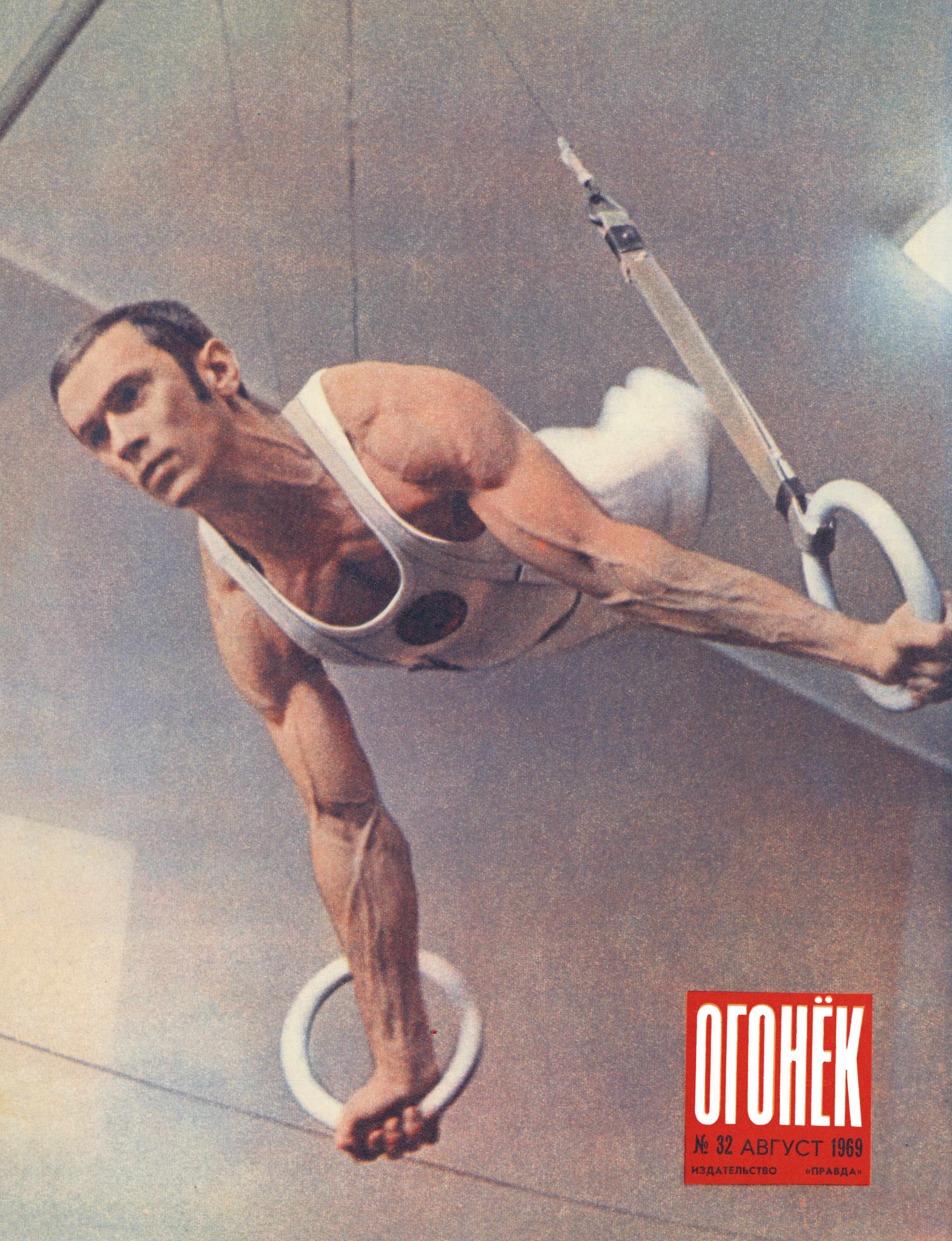

ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Задумались старые солдаты. Вспоминают и тех, кто жив, и тех, кто не вернулся с войны.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 32 (2197)

9 АВГУСТА 1969

ТРИ ГЕРОЯ

А. БЕКАСОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Дом С. С. Дегтева стоит на этой улице.

Полные кавалеры ордена Славы Сергей Сергеевич Дегтев (слева), Михаил Кузьмич Шамин (в центре) и Николай Ефимович Родимов.

У Жигулей, под горой Манчихой, притулилось небольшое сельцо Подгоры. Здесь отделение совхоза. Управляющего мы застали на ферме. Он и рассказал нам о Сергее Сергеевиче Дегтеве:

— Мастер на все руки. Никакой работы не чурается. Куда ни поставь — везде пример. Я восемь лет управляющим отделения работаю. Сколько мы построили за эти годы! Сергей Сергеевич все время строительную бригаду возглавляет. В тяжелую минуту к нему за советом. Отличный мужик. Заслуженный, уважаемый человек. Небось, когда въезжали в село, видели на

Село Подгоры.

самом краю улицы зеленый дом с резными наличниками? Там дощечка прибита: здесь живет ветеран труда. Так вот из всего села только пятерым мы присвоили это звание. Да вот он и сам идет!

...Невысокий, плотно сбитый человек. На скулах серебристая вчерашняя щетина, небольшие карие глаза смотрят уверенно, открыто, мудро.

Беседовали мы с Сергеем Сергеевичем дома. Потом пришла его жена Матрена Артемовна. Присела. Внимательно слушала, не вмешиваясь в беседу, только по спокойному миловидному лицу пробегали тени воспоминаний. А в раскрытую дверь передней поминутно заглядывали две пары горящих глаз — младшие Дегтевы. Пришел старший сын, Виктор,

Письмо от сына Геннадия, который служит действительную,— радость для матери Матрены Артемовны Дегтевой. Слева — сельский почтальон Нина Гущина.

Здесь живет Николай Ефимович Родимов.

Верный спутник на войне и в мирной жизни — солдатский кисет.

Захватила ребят солдатская бывальщина...

недавно демобилизованный моряк Северного флота. Заглянули на огонек и Михаил Кузьмич Шамин и Николай Ефимович Родимов, тоже полные кавалеры ордена Славы. Разговор шел о прошлом. Стали в памяти события двадцатипятилетней давности.

«...Орудийный расчет гвардии старшего сержанта Дегтева уничтожил 6 танков, 3 бронетранспортера, 12 орудий прямой наводки, 30 пулеметных точек, разбил 8 повозок, уничтожил более 150 солдат противника...»

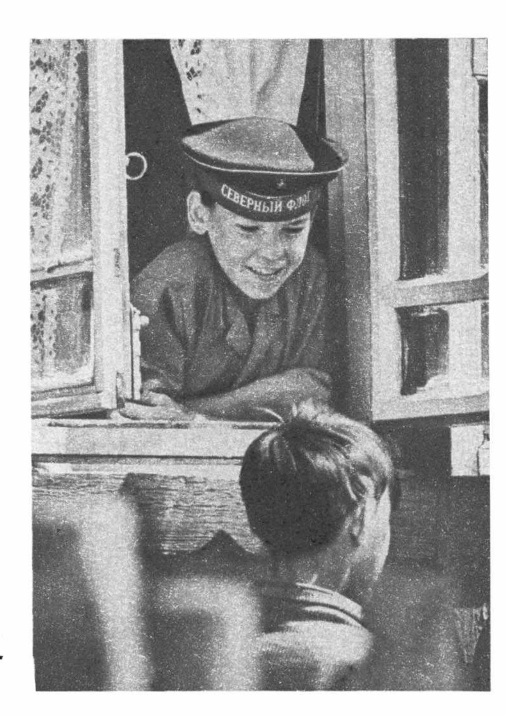
Это — слова из боевой характеристики.

— Я рождения тринадцатого года. Прошел действительную, финскую и с первых же месяцев Отечественную.

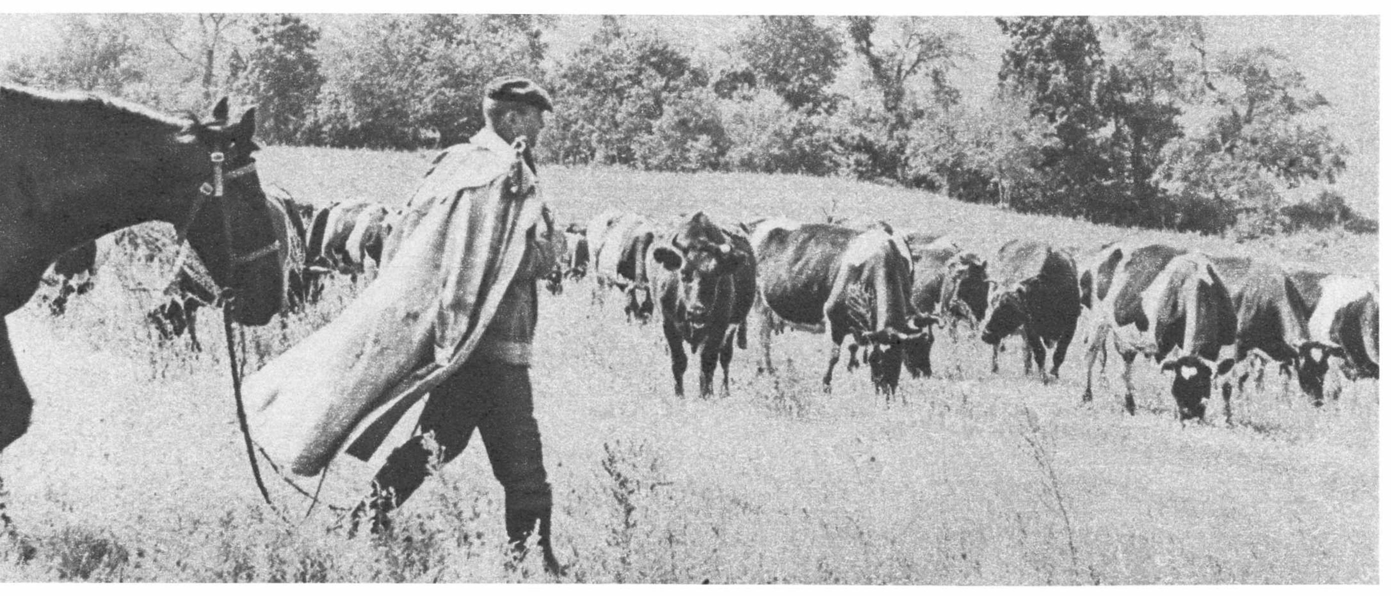
В ноябре сорок первого года наш 480-й стрелковый полк попал в окружение. Выбирались отдельными группами и в одиночку. Повезло: прошел весь немецкий тыл,

Сергей Сергеевич Дегтев.

Младший Дегтев мечтает о море.

Дело совхозного скотника Михаила Кузьмича Шамина начинается с рассветом.

Любит Михаил Кузьмич посидеть вечерком на крылечке в кругу семьи. На снимке в первом ряду (слева направо): сын героя Михаил, глава семейства М. К. Шамин, его жена Татьяна Ивановна и дочь Анна. Во втором ряду: муж Анны Константин, дочери Таня и Лида.

благополучно миновал передний край, добрался до своих.

А потом направили меня в противотанковый батальон. Стал командовать сорокапяткой. Всю войну боролся с танками, рядом с пехотой, а иногда и впереди нее. Курская дуга, Сандомирский плацдарм, Берлин, Прага... А рек не перечесть. Сначала русские — Десна, Днепр, потом польские и немецкие. Везло мне, конечно, необыкновенно. Человек сто прошло через орудийный расчет. Некоторых и не запомнил. Придет пополнение, не успеешь познакомиться — и в бой. А после снова другие люди.

Помню, в ноябре 1943 года заняли мы небольшой плацдарм на правом берегу Двины. Тяжело нам стало. Прут и прут немецкие танки... Обошли с правого фланга, смяли роту ПТР, а нас не заметили, боками повернули к бугорку, на котором стояли наши орудия. Ну, мы и вдарили. Передний вспыхнул свечкой, остальных тоже подпустили и почти в упор расстреляли. Наш орудийный расчет шесть танков подбил!..

Боевые награды отца показал нам младший сын Дегтева — шестиклассник Толя. Он осторожно разложил на столе длинный ряд орденов, медалей и в том числе полный набор ордена Славы.

Бывший сержант Михаил Кузьмич Шамин работает тоже на МТФ:

— Давно все было, а вспомнишь, и взволнуется сердце, погонит по жилам кровь, и вроде строже становишься к себе...

Михаил Кузьмич на десять лет моложе Дегтева. Я смотрю на него, на морщинки у глаз, светлые поредевшие волосы, зачесанные набок, и представляю невысокого деревенского паренька, сероглазого, пухлощекого, с вздернутым коротким носом. Тысячи таких парней шли на фронт весной в 1942 году.

— Пехотинец я,— заговорил Шамин,— пешком и бегом, частично на брюхе, но до Берлина добрался. Был рядовым, командиром отделения, помкомвзвода, а однажды даже командиром роты. Тяжелые шли бои. Когда роту отозвали с передовой, старшим по чину оказался я. А в роте осталось четыре человека. Пока не пополнили роту и не прислали офицеров, так я и командовал.

Однажды стояли мы в обороне, готовились в наступление. А языка нет и нет. Вот он, немец-то, близко, нейтральная полоса всего 60 метров, а не возьмешь. По ночам в разведку боем ходили, одиночные группы исползали вдоль и поперек весь передний край,— нет языка! И тропку между минами знаем, а пройти не можем...

Но был у нас такой лихой командир. Помню, фамилия Радченко. Собирает нас и говорит: «С противником, хлопцы, надо быть понахальней. Привыкли фашисты, что к ним по ночам ходят. А если днем? Встанет солнышко, подогреет, а мы тут как тут!» Подумали да так и решили. Ночью сделали ложную вылазку, немцы устроили фейерверк, мы усмехаемся, а ровно в 11 утра, как сейчас помню, без выстрела, единым духом ворвались в траншеи. Немцы даже охнуть не успели. Часовой отложил винтовку к стенке окопа, а сам сидит на корточках, пишет письмо. Мы его мигом скрутили, потом бросились в землянку, а они все спят после трудов ночных. Захватили еще самого крайнего — оказался унтером. Не утерпели: дали несколько очередей, кинули гранаты — и обратно. Ни одного человека не потеряли, а двух языков привели. Немцы спохватились, когда мы уже были на своей стороне.

...На территории Германии захватили мы огромные склады с фаустпатронами. Куда их девать? Командование благоразумно поступило: бей врага его же оружием. Обучили нас стрелять из фаустов. Оказалось, наука нехитрая. Стал я командиром отделения фаустников. И, ничего не скажу,— сослужили они нам добрую службу на Одере. Тогда на нашу роту двинулись немецкие танки. Ротный

выдвинул наше отделение вперед. Эх, и жарко было! Но танкам прорваться мы не дали. Только я уничтожил два танка, да и ребята не подвели, хотя некоторые так и остались там.

Медленно и как-то нехотя, недомолвками рассказывал Михаил Шамин.

Тяжел и труден был путь к победе. И тем более славен тот, кто с честью выполнил долг перед Отчизной. Михаил Шамин награжден за ратные подвиги медалями, орденом Красной Звезды и тремя орденами Славы.

Но не полный был бы рассказ, если бы мы не представили еще одного односельчанина и тоже полного кавалера ордена Славы (есть у него, конечно, и другие ордена) — Николая Ефимовича Родимова. Человек он улыбчивый и говорливый. Был он, наверное, среди солдат весельчаком и балагуром, ведь на войне не обойдешься без смеха и шуток. Доставалось ему иногда от командиров за кое-какие проступки. Дело прошлое, и он с улыбкой говорит о них теперь. Рассмеялся, когда спросили, где работает. «Ночным директором, — ответил, — сторожем.— Потом посерьезнел, добавил: — Здоровье не то, сдавать стал. Ранения, что ли, сказались?»

— Действительную я служил на востоке. Там и война застала. В конце сорок первого погрузили в эшелоны — и под Москву.

Вскоре пошли в наступление. Были потери, но радовались: вперед идем, на запад. Брали пленных, а они выглядели жалкими и несчастными. В ботиночках, грязными шарфами укутанные. Смотреть противно, и ничего больше. Первым крупным населенным пунктом, в который мы вошли, был Волоколамск. Мы уже, конечно, многое видели. Гибель товарищей, смертельные ранения. Но ненависть к врагу настоящую почувствовали только после Волоколамска. На центральной площади немцы повесили восемь партизан. Смотрим, висят в красноармейских шинельках. Качает их ветер. А неподалеку горит госпиталь...

От домов одни пепелища остались, кое-где торчат черные печные трубы. И страшнее еще: в маленьком домике молодая женщина, совсем девочка, с грудным ребенком лежит, истерзанная. Чуть-чуть снегом припорошило.

Вот когда мы поняли-то, что такое фашисты. А какие лица были у солдат. Был у нас в роте старший сержант Кливцов, кажется, он из Коломны. Когда шли в наступление, мы с ним заблудились где-то у передовой. А тут еще буран, где наши, где немцы — одна белая кутерьма. Вдруг смотрим: цепочка серо-зеленых фигур прошмыгнула мимо и исчезла где-то внизу, будто в землю провалились. Догадались — немецкие дзоты. Я потянул Кливцова: давай, мол, обойдем! Слышишь пулеметные очереди — там наши. Он как зыркнул глазами! Потом положил руку на плечо и шепчет: «Мы их сейчас мигом. Только меня слушайся!»

Забросали мы оба дзота гранатами. Оставшиеся в живых сдались. А тут и наша рота подошла. За это я и получил первую награду — медаль «За отвагу».

Поздним весенним вечером мы уезжали из Подгор, небольшого волжского села, где живут три полных кавалера солдатского ордена Славы. А сейчас лето. Пятого июля у Шаминых была помолвка. Старшая дочь Анна, студентка-первокурсница, дождалась своего нареченного — он отслужил положенный срок и возвратился домой. Скоро свадьба. Сидят сватья, смотрят на молодых, вспоминают свою юность. А на крыльце мальчишки спорят о достоинствах транзисторов, ловят мелодии далеких концертов.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЛОВА И ДЕЛА

Владимир НИКОЛАЕВ

Когда была объявлена программа недавнего азиатского турне американского президента Никсона, заезда во Вьетнам там не значилось. Тем не менее тридцатого июля такой визит состоялся. Хотя его официально и не планировали, экспромтом он, разумеется, не был. «Цель поездки Никсона в Сайгон, — пишет «Нью-Йорк дейли ньюс», — состоит в том, чтобы подчеркнуть, что планы вывода части американских войск из Южного Вьетнама не означают, что Соединенные Штаты выходят из войны или бросают сайгонский режим на произвол судьбы».

Что ж! Лаконичный, но довольно верный анализ. Вот только слишком громко сказано о выводе «части американских войск». Факты свидетельствуют, что это пока еще не вывод войск, а лицемерный жест, рассчитанный на обман общественного мнения. В самом деле, что представляют собой несколько тысяч изрядно потрепанных оккупантов по сравнению с более чем полумиллионной американской армией, остающейся во Вьетнаме! Кстати, американский сенатор Альберт Гор на днях сказал, что, несмотря на многократные заявления о выводе американских войск из Южного Вьетнама, их фактическая численность увеличилась на три с половиной тысячи со времени прихода к власти нынешнего американского правительства. Итак, по свидетельству сенатора, между некоторыми декларациями и делами американского правительства существует, мягко говоря, разрыв.

Тот же сенатор назвал «совершенно невероятным» заявление Никсона перед американскими солдатами во Вьетнаме. Президент США сказал, что эта война, «пожалуй, является самым блистательным временем в истории Америки». После такого заявления нельзя не согласиться с той оценкой поездки Никсона в Сайгон, которую ей дал представитель делегации Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам на четырехсторонних переговорах в Париже: «Эта поездка предпринята с целью поднять боевой дух американских войск и марионеточной администрации. Поездка Никсона свидетельствует о том, что американское правительство намерено продолжать свою агрессию в Южном Вьетнаме и поддерживать сайгонский режим».

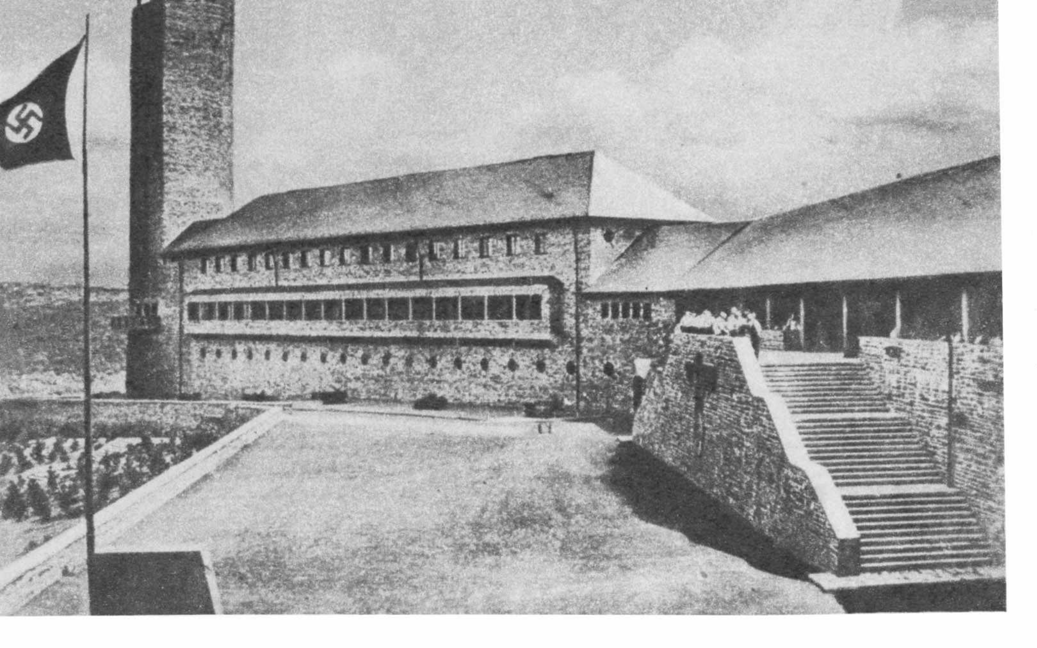
Во время своего азиатского турне Никсон произнес немало слов о мире, но слова словами, а дела делами. Поездке Никсона сопутствовал не только изложенный выше сайгонский эпизод. В Маниле, например, было подтверждено, что «американские базы на Филиппинах следует сохранить», а вопрос о выводе филиппинского контингента войск из Южного Вьетнама вообще не обсуждался. В тот самый день, когда началось азиатское турне Никсона, вступило в силу снятие некоторых ограничений, касающихся Китайской Народной Республики (западная пресса отмечает, что выбор момента был не случаен). Приоткрывается дверь в Китай для новых долларовых поступлений, разрешается выезд в Китай более широкому кругу американских граждан. Направленность этих мер становится вполне очевидной, если учесть, что снятие ограничений в отношении Китая не затрагивает ограничений в отношении КНДР, ДРВ и Кубы.

В последние дни поездки Никсона состоялся визит государственного секретаря Роджерса в Южную Корею, где обсуждался вопрос о создании нового военного блока под названием «Азиатско-Тихоокеанский союз» (ПАТО). Государственный секретарь назвал Южную Корею «оплотом антикоммунизма в Азии и кровным союзником США», за что Соединенные Штаты обещали «непрестанно оказывать помощь в модернизации вооружения южнокорейской армии». Уже стало известно, что Соединенные Штаты поставят своим сеульским марионеткам новейшие реактивные истребители-бомбардировщики.

Советский Союз, будучи одновременно европейской и азиатской державой, заинтересован в том, чтобы все народы Азии жили в мире. В выступлении товарища Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в качестве важной долговременной задачи поставлена задача создания систем коллективной безопасности в тех районах, где концентрируется угроза развязывания вооруженных конфликтов. При этом было подчеркнуто, что ход событий выдвигает вопрос о создании системы коллективной безопасности и в Азии.

Эта идея уже получила широкий международный отклик, особенно в азиатских странах. Разумеется, она требует всестороннего обсуждения и консультаций между заинтересованными государствами. Советское правительство заявило, что оно готово будет в ходе таких консультаций высказать свои конкретные соображения с учетом большой важности этого вопроса.

Советский Союз твердо и последовательно выступает за разрядку напряженности во всем мире и не может быть безучастным к тому, что происходит сегодня в Азии. Американские государственные деятели не раз заявляли о том, что они якобы стремятся к ослаблению напряженности в Азии. Но их конкретные дела, их политика в этом районе мира расходятся с их же словами. Они по-прежнему пытаются запугать азиатские страны «коммунистической опасностью» и вовлечь их в русло своей агрессивной политики. Такой курс американского империализма не сулит ничего хорошего ни Азии, ни всему миру. Для подлинного спокойствия в этом районе, для подлинного обеспечения национального суверенитета стран Азии необходима система коллективной безопасности, созданная самими азиатскими народами.

Так выглядел гитлеровский центр в Фогельзанге в годы третьего рейха.

На автодорожной карте ФРГ 1968 года этот округ, известный как гитлеровский полигон и кузница кадров третьего рейха,— снова закрытая территория. Тут готовится к планируемым захватам на Востоке наследник вермахта—бундесвер.

«МАЛАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА» НА ЗАПАДЕ ФРГ

Леопольд НОВАК

Автор этой корреспонденции — поляк, родившийся в Германии,— решил недавно навестить знакомые ему с детства места. Благодаря случайности он попал на полигон бундесвера, предназначенный специально для учений в условиях, схожих, по мнению боннских стратегов, с условиями Польши и России.

Покидая Ахен, я решил ехать в направлении Люксембурга не через Бельгию, а по гористому Эйфелю. Путь этот много длиннее, но мне хотелось навестить знакомых, живущих в маленькой горной деревушке Вользайфен.

Когда я приехал в лежащее в долине местечко Моншау, меня охватила какая-то тревога: воспоминания, сопоставление прошлого с настоящим всегда волнуют. Вользайфен я помнил с детства.

Наконец я миновал деревню Айнрур и по дороге, вьющейся крутыми серпантинами, приближался к Вользайфену. Деревушка лежит в двух километрах от главного шоссе, на вершине горы. На полпути я въехал в густой туман. В нескольких шагах уже нельзя было ничего разобрать. Я вспомнил, что здесь, на северных склонах, мгла — частое явление, а на вершине горы, на плато,— почти всегда чудесная погода и превосходная видимость, именно поэтому там и построили аэродром.

За серпантинами начались первые укрепления и блиндажи старой линии Зигфрида, соответствующей французской линии Мажино. А вот и хорошо знакомое строение — бетонированный артиллерийский блиндаж, замаскированный под деревенский домик. Я свернул от него налево, на узкую лесную дорогу, значительно сокращающую путь к Вользайфену. Было похоже, будто ею уже давно не пользовались. Проехав несколько сот метров, я остановил машину: дальнейшее продвижение было невозможно.

Старую лесную дорогу пересекала в этом месте новая, которой раньше здесь не было. Она тянулась в поперечном направлении, по дну ущелья. На мягкой, болотистой почве виднелись четкие следы гусениц. «Откуда здесь тракторы?» — подумал я и, оставив машину в лесу, стал взбираться в гору, чтобы сориентироваться, как ехать дальше.

До деревушки отсюда было не более 300—400 метров. Выйдя из лесного тумана, я очутился на поле, заросшем кустами и высокой травой, давно не паханном. Мгновение — и я увидел деревню. Издалека в дождливый, серый день она была похожа на декорацию к фильму о духах. Все кругом было разрыто, как после ожесточенной бомбежки. Подойдя ближе, я содрогнулся: торчавшие развалины напоминали в тумане чудовищ. Деревня была полностью уничтожена. Заросшие травой улицы, воронки от взрывов, скелет колокольни. Глазницы пустых магазинных витрин и следы старой дороги, ведущей к шоссе,— о ее существовании говорили лишь деревья, высаженные когда-то вдоль нее. Разбитая мостовая, поперек которой протянута была колючая проволока, совершенно заросла травой. Невольно я отметил: и асфальт может зарасти...

Я не мог постичь, что же все-таки случилось. Увиденное было так далеко от того, что запечатлелось в памяти, и от того, что я надеялся встретить, что для сравнений не было места. Вользайфен не был разрушен во время войны. Бомбили окрестности. Да и фронт прошел стороной. Когда я доехал до шоссе, туман уже рассеялся, и я свернул в гору. За поворотом меня ждал сюрприз: дорогу преграждала колючая проволока, на больших табличках по-немецки и по-английски было написано: «Путь закрыт. Переход через ограждение грозит смертью». Для вящей выразительности рядом, на маленьких табличках, были изображены черепа со скрещенными костями. Повернув в Моншау, я встретил по дороге больше десятка таких табличек — прежде в тумане они были не заметны. Окружной дорогой, через Брайборн, я добрался до деревни, расположенной на другой стороне плато, по соседству с Вользайфеном. Здесь-то я и узнал правду о Вользайфене. Деревня и прилегающие окрестности были превращены в «ВОСТОЧНЫЙ военный полигон». ВОСТОЧНЫЙ полигон на западе Германии? Я не мог понять, о чем идет речь. Но мне обстоятельно объяснили.

— Ведь вы живете в Польше... У вас нет дорог, как, впрочем, и в России. И зимы у вас жестокие. Подобный климат у нас только в этих горах. Снегу, как известно, здесь выпадает столько, что Эйфель даже называют Снежным Эйфелем. Вот почему и устроили здесь полигон со специфическими территориальными и климатическими особенностями, напоминающими условия Польши и России.

Из дальнейшего разговора я узнал, что создание этого полигона вызвало волну протестов. Однако они были безрезультатны. Удалось добиться только одного: бундесвер обязался не обстреливать местное кладбище, что делалось раньше и вызвало возмущение в ФРГ, в особенности когда одному из журналистов удалось проникнуть в деревушку, сделать фотографии и потом опубликовать их. Мне показали старую газету с одной из этих фотографий: на ней я увидел кладбище в Вользайфене с развороченными могилами и разбросанными скелетами.

Потрясенный, выехал я из деревни. Миновал аэродром, огороженный высоким земляным валом, чтобы нельзя было узнать, что за ним делается. Через каждые несколько десятков метров таблички — черепа со скрещенными костями и предостерегающие надписи: «Вход в зону грозит смертью». Я хотел еще заглянуть в находящийся поблизости старый гитлеровский центр Фогельзанг. Руководили им национал-социалисты. Во время войны он был закрыт для посторонних. Я попал туда случайно, ребенком, когда меня, тяжело раненного, с гангреной, оперировали в тамошнем госпитале, ближайшем в окрестностях.

Путь в Фогельзанг (вблизи Вользайфена), как и в давние времена, закрыт шлагбаумом. Возможно, что и надписи, запрещающие въезд, сохранились с тех времен. Прибавились лишь английские.

Подумалось: только случаю и счастью я обязан тем, что оказался в центре Вользайфена в момент затишья. Сейчас до меня доносились гулкие раскаты взрывов в «малой восточной Европе» на западе Германии. От Фогельзанга тянулась длинная вереница грузовиков, прикрытых брезентом. Знакомое зрелище — в детстве я уже видел это

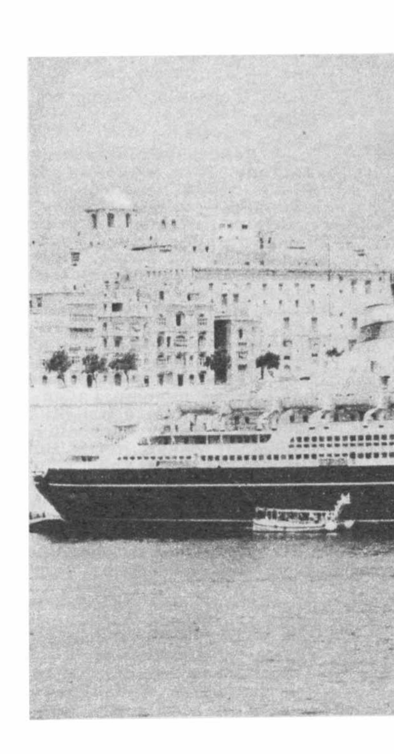
Польское агентство Интерпресс

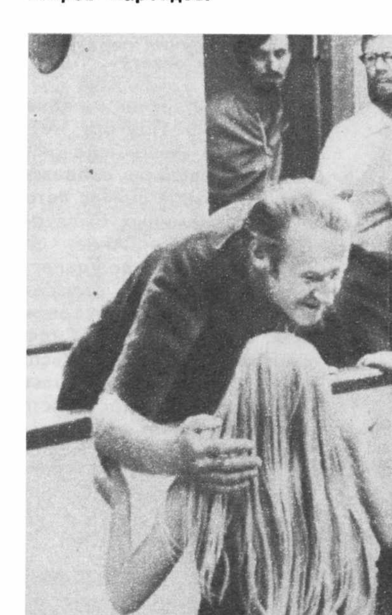
Фото ЮПИ, ТАСС, журнала «Пари-матч».

→

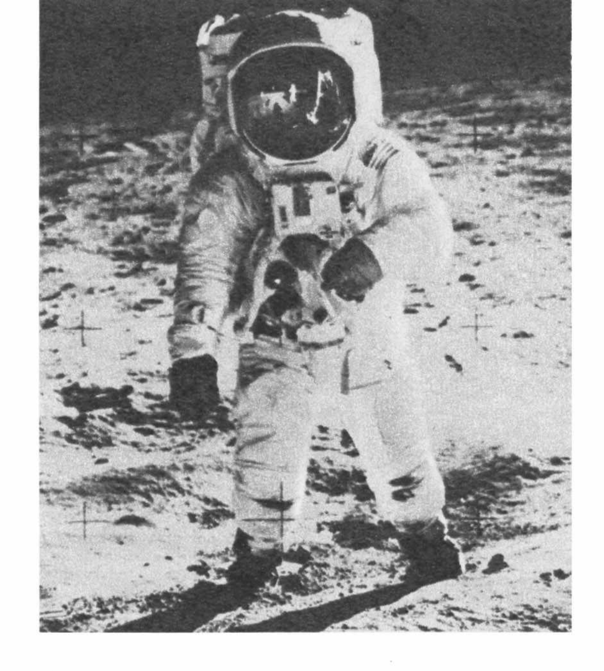
Народную Республику Болгарию посетил с визитом дружбы флагман флота Московского городского клуба юных моряков, речников и полярников—теплоход «Москва». Пройдено пять тысяч километров. Предстоит пройти еще столько же по Черному и Азовскому морям, Дону и Волге. Поход посвящен 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В порту Варна состоялась встреча юных моряков со школьниками и комсомольцами города. Комиссар похода А. А. Благоразумный передал представителям молодежных организаций портрет В. И. Ленина и книги, посвященные Ильичу.

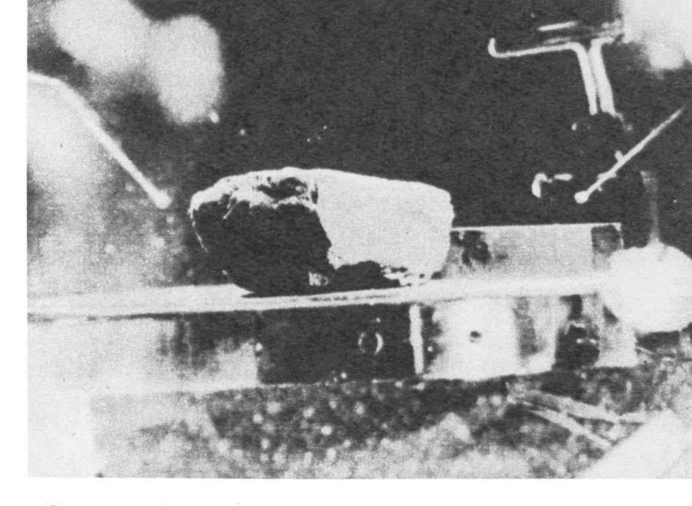
Отважный исследователь Тур Хейердал обнимает жену и дочерей Беттину, Аннету и Марианну сразу же после прибытия на остров Барбадос.

Эдвин Олдрин шагает по Луне. Снимок сделан Нейлом Армстронгом.

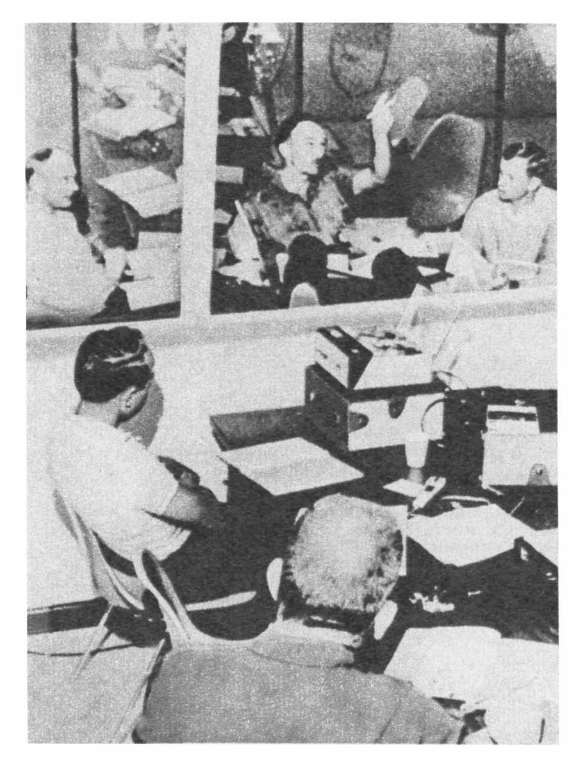
Это один из лунных камней, доставленных «Аполлоном-11». Предварительное обследование говорит о том, что по меньшей мере часть лунных образцов напоминают по своему составу камни, обнаруженные на Земле близ старых вулканов. Отсюда можно сделать вывод, что лунные породы образовались в результате вулканических процессов на Луне.

Самый крупный в Соединенных Штатах электронный микроскоп даст возможность ученым детальным образом исследовать лунную почву и лунную породу и, как надеются, получить точное представление о лунном веществе в его естественном состоянии.

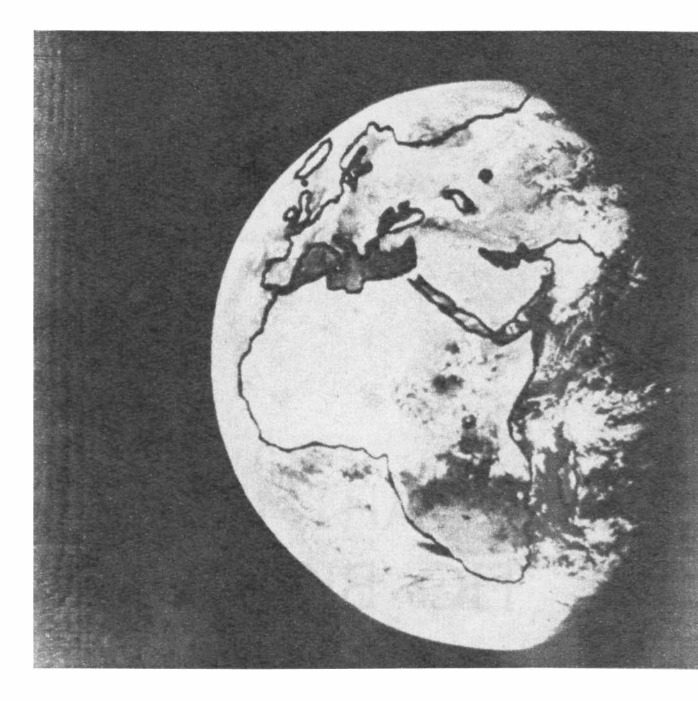

У причалов Ла-Валлетты (Мальта)— советское пассажирское судно «Тарас Шевченко». «Это один из трех роскошных русских лайнеров, которые прибыли сюда за последнее время»,— сообщает агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Корабли Черноморского пароходства «Тарас Шевченко», «Иван Франко» и «Шота Руставели» перевозят огромное количество отдыхающих на Средиземном море.

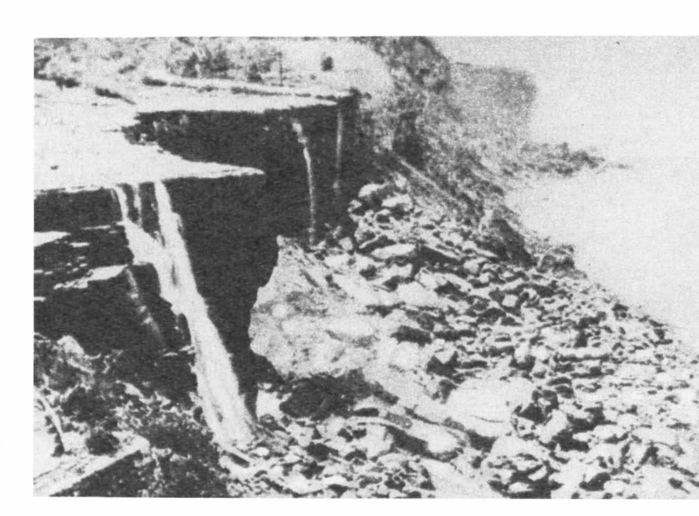

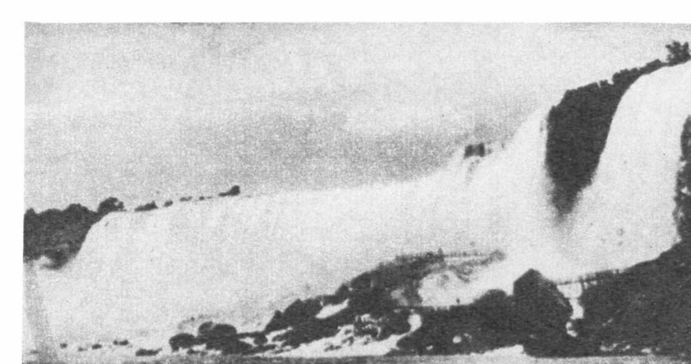
«Приятно быть дома»,— сказал Коллинз после того, как космонавты перешли в лунную приемную лабораторию из серебристого прицепа, который служил им жильем с тех пор, как они приводнились на Тихом океане. В лаборатории они пробудут в течение 15 дней. Слева направо: Олдрин, Коллинз и Армстронг за «бактериологическим барьером».

Вся Африка, Европа и большая часть Азии видны на снимке, сделанном экипажем «Аполлона-11» в момент, когда он находился на расстоянии 112 тысяч миль от Земли.

«За́крыто на ремонт» — такую подпись можно было бы сделать под верхним снимком. На нем изображен водопад Ниагара... без воды. Шесть тысяч кубометров в секунду обрушивает гигантский поток на скалы, которые постепенно разрушаются. Чтобы ликвидировать возможную опасность, было решено «закрыть Ниагару на ремонт». Поток воды отведен в сторону.

Этот проект, прежде чем он был приведен в исполнение, 19 лет находился в стадии изучения. Хозяев близлежащих отелей он привел в ужас: три миллиона туристов приезжают ежегодно полюбоваться чудом природы. Вдруг вместе с Ниагарой остановится и поток доходов? Но опасения оказались напрасными. Желающих полюбоваться «выключенным» водопадом оказалось не меньше.

Этот уголок Волгограда совсем недавно был строительной площадкой.

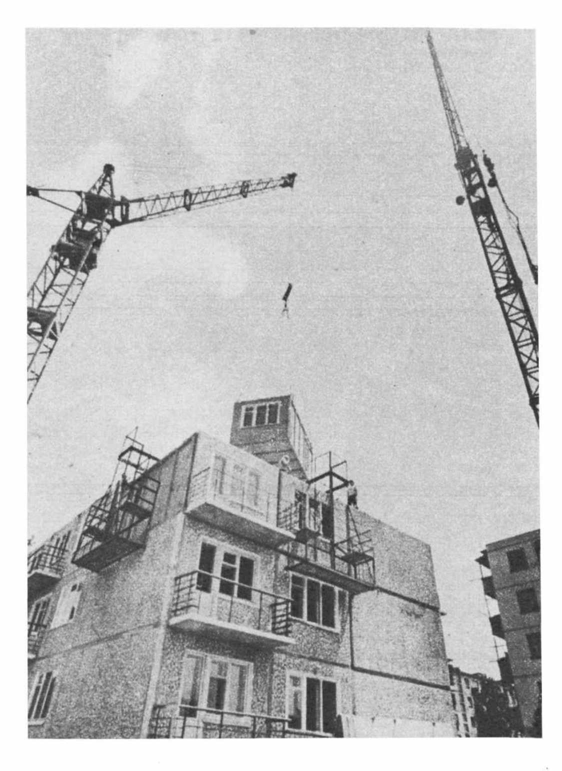
Фото Дм. Бальтерманца

10 августа — День строителя

КВАРТИРА ПО ВКУСУ

Строитель — профессия, которая всегда на виду, профессия, имеющая самое непосредственное отношение к каждому из нас. Потому что всякая хорошая новинка в строительстве приносит радость миллионам людей.

Мы рассказываем об одной из этих новинок.

Монтаж девятиэтажного дома из объемных блоков в Краснодаре.

Вы приходите в выставочный зал и выбираете себе подходящую по отделке и планировке квартиру. Заманчиво? Пока это мечта, но она не столь уж далека от реальности. Во всяком случае, шаг в этом направлении сделан — дома из объемных блоков. Они уже строятся в Краснодаре, Сочи и других местах.

Объемный блок — это сделанная из керамзитобетона готовая комната, которую привозят на стройки с домостроительного комбината.

Строительство таких зданий имеет ряд преимуществ. Упрощается транспортировка — автомашина с прицепом доставляет сразу три блока. Облегчается погрузка и разгрузка — на эти операции нужно всего по пять минут. В труднодоступные районы, скажем, на Дальний Север, блоки можно доставлять вертолетами. В порядке эксперимента такой дом был отвезен поездом из Краснодара в Ростов и там собран. Целая улица построена в кубанской станице Платнировской — туда объемные блоки прибыли по шоссе. Есть выигрыш и в весе: такой дом в два раза легче панельного и в четыре — кирпичного.

При всем преимуществе типового строительства архитектура этих зданий может быть самой разнообразной, непохожесть достигается иным расположением блоков и отделкой лицевой панели — иной формой окон, применением различных облицовочных материалов.

Уже разработаны проекты высотных зданий из объемных блоков в двадцать, двадцать пять этажей. А можно и в сорок! В этом случае применяется способ скользящей опалубки — каждый блок нанизывается на бетонную колонну.

Архитектура и метод сооружения всех этих зданий разработаны отделом объемно-блочного домостроения Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования лечебных и курортных зданий под руководством Петра Ивановича Бронникова.

Скоро эти здания будут для нас привычными: скоро в различных городах начнется строительство заводов для изготовления объемных блоков.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Беседа с Есениным

Эта небольшая книга, безусловно, привлечет внимание любителей нашей отечественной литературы. Ведь автор ее — Сергей Есенин. Называется она «Отчее слово», и разговор в ней ведет поэт о призвании художника, о секретах истинной поэзии, о своих любимых писателях, наконец, о неиссякаемом богатстве русской речи. В книге удачно подобраны составителем и автором предисловия С. Кошечкиным статьи и отрывки из автобиографических заметок и писем Есенина, а также воспоминаний его современников.

«В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах». Теперь прошло уже много времени, и можно с полной уверенностью сказать, что все течение и развитие русской советской поэзии трудно представить без животворного влияния светлых есенинских традиций. Сергей Есенин неоднократно подчеркивал, что его поэзия выросла на ниве народной жизни, народного словотворчества. «Чувство родины,— говорил он,— основное в моем творчестве». Кстати, этими словами озаглавлен целый раздел сборника, в котором угадывается путь Есенина в поэзии, его литературные симпатии и привязанности, его стойкий интерес к «душе народа», ко времени, в котором он жил.

Естественно, поэт большого народного звучания стремился понять грандиозность происходивших революционных потрясений, его отношение к новому, рождающемуся миру было более чем сочувствующим. «Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах, — я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве».

В сборнике можно найти немало интересных, порой противоречивых высказываний Есенина о Горьком, Блоке, Брюсове, Демьяне Бедном, об имажинистах. Круг знаний поэта был очень широк (ведь еще до сих пор ходят легенды об Есенине как «о малосведущем в литературе»), достойным удивления было и его упорство в работе и трудолюбие.

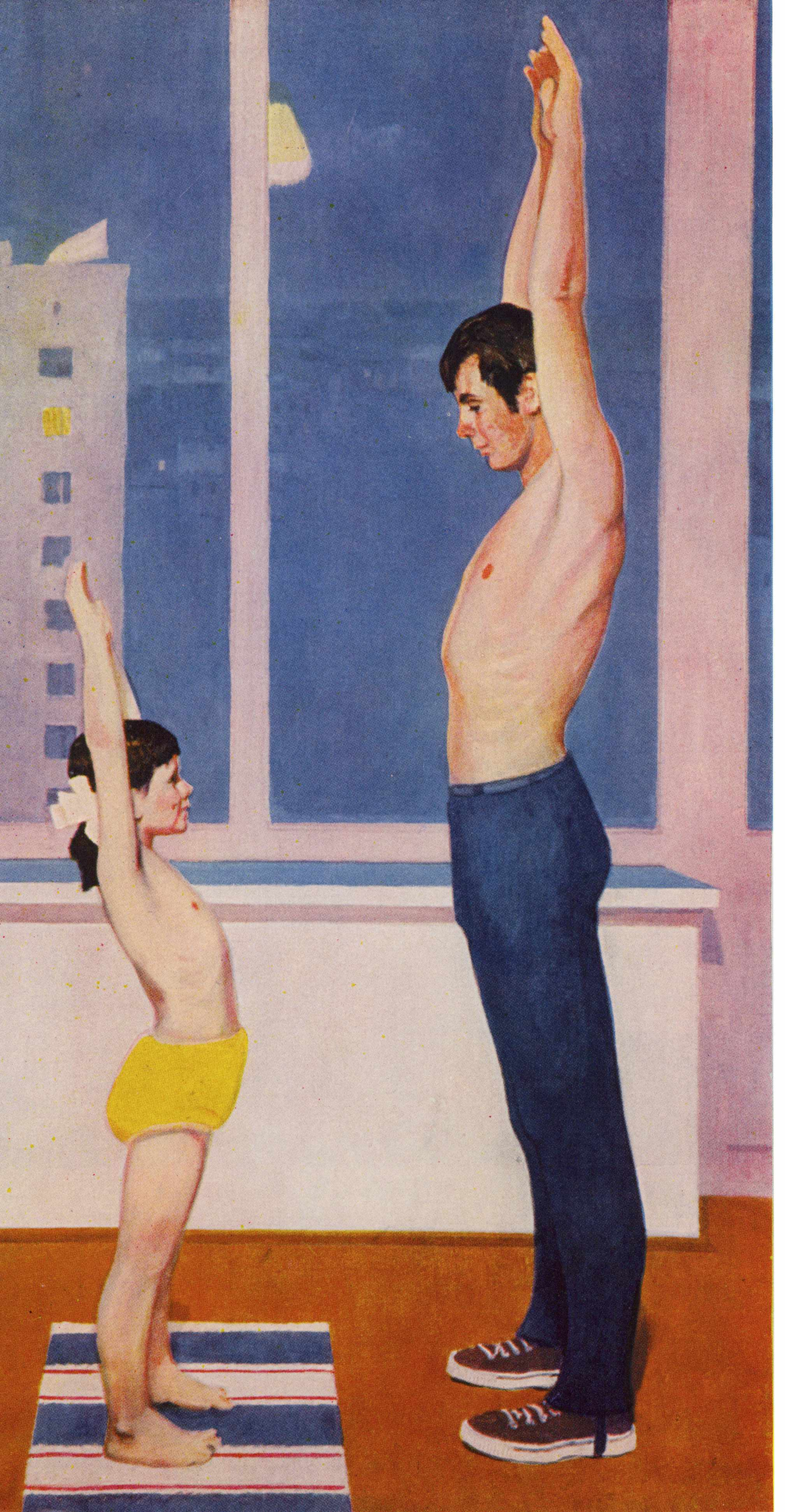
Книга «Отчее слово» как бы дает возможность побеседовать с великим поэтом о родной литературе.

Н. МИХАЙЛОВ

Сергей Есенин. Отчее слово. Составитель С. Кошечкин. Издательство «Советская Россия», 1968.

Э. Калниньш (Рига). РЕГАТА.

А. Левитин (Ленинград). НОВАЯ СМЕНА.

Близкое сердцу

Иван ИСАЕВ

ВМЕСТО ПИСЬМА

Жадные до дела,
скупы на слово,
пишут мамам только из чувства долга.
Матери читают письма так, словно
слушают:
со вкусом,
медленно,
долго...
Ждут они,
как водится,
строк о хорошем.
Только что поделать с ребячьим ражем?
«Мама! Я женился!» —
огорошим.
«Мама, развелась я...» — ошарашим.
И — «Пока! До встречи... в самом ближайшем»,
до которой годы и годы катим.
На лесах растущим,
в лесах мужающим,
в общем,
не до писем Ваням да Катям.
Мамы, не тревожьтесь!
Под звездным душем
пусть они побродят,
себя поищут,
испытают мягкость хвойных подушек...
Скоро,
очень скоро
они
вам
напишут.

* * *

Снег и солнце,
И я с тобой.
Сказка леса—
для нас одних.
Видишь ели —
бери
с любой
горностая на воротник.
Снег и солнце
и явь и сны —
все смешалось, в сердца стучась.
Хочешь —
шубку
с плеча сосны
я тебе подарю сейчас?
Я с тобой — и тобой богат.
А снега-то,
снега — в лучах!..
Льдинки солнца, звеня, дрожат
в очень русских твоих очах.

Что же ты?
Улыбнись, запой!
Громче, звонче —
на всю тайгу!
Снег и солнце.
И я с тобой,
нарисованной на снегу.

* * *

...А клены
первыми
сдаются.
Сдаются, словно сознаются,
что зажились они в зеленых
и... такова порода кленов.
Когда леса, играя в прятки,
сдают по листику, по прядке,
они —
целехоньки намедни —
пылают — золото на меди!
Подъявши факельные кроны,
уходят в осень наши клены,
уходят, зрелость освящая,
другим дорогу освещая...

* * *

Славься, разгульность гроз,
славься, весенний ливень!
Тот, кто под ливнем рос,
будет весь век счастливым!
Гасни к чертям, костер!
Мокрый,
в простор уставясь,
слушаю, как растет
лугом трава густая.
Буйством,
борьбой за хлеб
смяты земли устои...
Солнца и гроз взахлеб —
жить
только так и стоит!
Кто там
былинкой сник?
Цепко,
упрямо,
крепко
встань и тесни, тесни
всех сухостойных предков!
Запах борьбы остер,
в воздухе вьется, тая...
Слышишь —
трава растет,
новая,
молодая!

* * *

Все ближе ты.
Покой все дальше.
Волненье, прочь — в табачный чад!
Напрасно!
Мысли скачут...
Даже
колеса сбивчивей стучат.
Экспресс, быстрей!
Морозный вечер.
В снегу мелькание кустов...
Весь путь
готовился я к встрече...
Притормозите —
не готов!

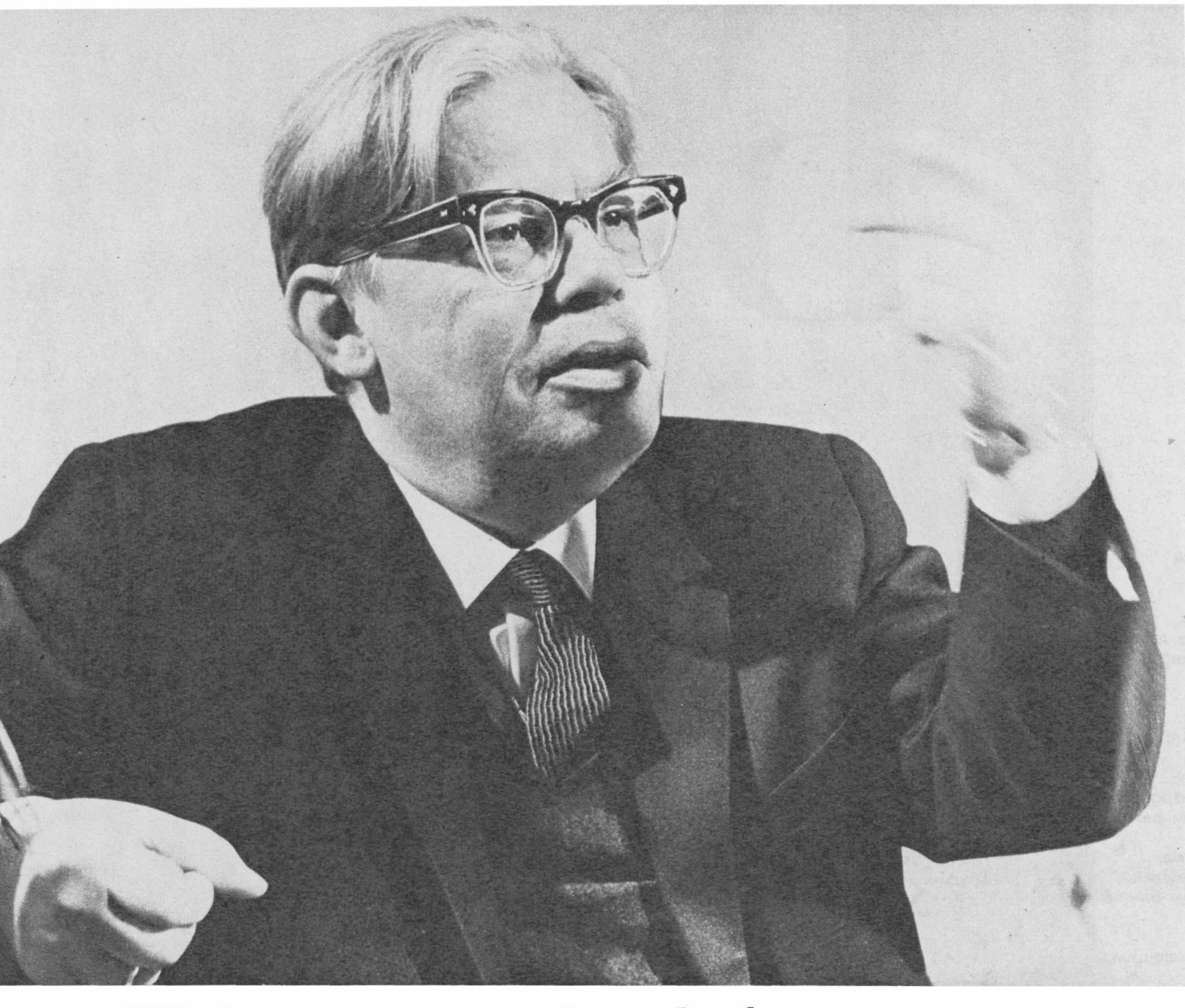
МАТЕРИ О МАТЕРИ

Глаза, глаза...
Как образа,
покойные, простые.
Я знаю:
ими в небеса
глядится мать-Россия.
Ладонь, широкая ладонь,
шершавая, как пемза...
Была, была ты молодой,
росла-цвела под Пензой.
Бывало,
ночь...
Бочком-бочком
за дверь — и полетела!
И пахли губы табаком,
и сердце холодело,
и было жарко и темно,
и рядом был Санёка...
Эх, годы,
где вы?
Как в кино:
и близко и далеко!
Бывает, глянешь с высоты,
жизнь облетая птицей:
на всем пути
кресты, кресты
маячат вереницей.
О, сколько их, лихих годин,
тяжелых, как налоги,
осталось там,
в чаду кадил
и свеч на аналое!
Мне видится заката мак
и вечер синий-синий.
Седая, сгорбленная мать
идет-бредет Россией,
вдоль нестерпимо молодых,
вдоль старых грузных сосен,
как воду
на плечах худых,
жизнь медленно проносит.
Уж ничего почти на дне,
все выплескала годы...
Идет старуха.
А над ней
не ангелы —
пилоты.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

...И землею цвета вешнего
шла, прислушиваясь чутко,
начинающая женщина,
ожидающая чуда.
Шла — и радуясь и радуя
мир собою, как обновой.
А над ней сияла радуга
и фатою и подковой.
А над ней сквозили молодо,
растворяя туч осадок,
небеса в серпах и молотах
хороводивших касаток...

М. ЛЕБЕДЕНКО

Николай Николаевич Боголюбов. Фото Ю. Туманова.

Союз физики и математики

Одно время среди зарубежных математиков возникла легенда о том, что академик Николай Николаевич Боголюбов — это не реально существующее лицо, а псевдоним, под которым публикуют свои труды несколько крупных ученых. Подобный пример всем известен. Ряд видных математиков скрывается под псевдонимом Н. Бурбаки. Что же касается Н. Н. Боголюбова, то такое предположение хотя и ошибочно, но причины его возникновения вполне понятны. Трудно, не зная его, представить, что один человек может создать такой огромный комплекс разнообразных по тематике и фундаментальных работ, проникающих в самую сущность дотоле не познанных явлений и влекущих за собой широкие шлейфы исследований во многих странах мира.

* * *

Его творческий путь начался рано. Четырнадцати лет он опубликовал свою первую научную работу, написанную под руководством академика Н. М. Крылова, за год до того пригласившего юного математика в свой семинар.

Академик Крылов открыл Н. Н. Боголюбова для науки. Позднее они плодотворно сотрудничали как соавторы, разрабатывая совершенно новую отрасль математической физики, так называемую нелинейную механику.

Ученые сразу же признали своего молодого коллегу и охотно приняли в свою среду. В 1925 году он поступил в аспирантуру Украинской Академии наук. Уже через год его статьи начали появляться в академических журналах Киева и Парижа. А в 1928 году он защитил диссертацию и стал научным сотрудником Украинской Академии, где два года спустя был удостоен звания доктора математики без защиты диссертации. Такой исключительный порядок присуждения степени называют «honoris causa». Эти слова потом много раз сопутствовали имени Н. Н. Боголюбова в почетных дипломах, которые присуждали академии и институты Европы, Азии, Америки.

Первые работы Н. Н. Боголюбова относились к различным вопросам математики как теоретического, так и прикладного характера. Впоследствии он интересуется вопросами теоретической физики. Здесь, используя разработанные им математические методы, он добился выдающихся результатов. Мы не сможем даже бегло рассказать о его работах. Вот лишь некоторые из направлений научного поиска. Он получил важные результаты в теории жидкостей и в гидромеханике, в квантовой статистике и вопросах поведения электронов в металле, в теории ферромагнетиков и в квантовой теории поля. Тонкая интуиция физика в сочетании с могучим острием математического ланцета позволила Н. Н. Боголюбову проникнуть в тайны сверхтекучести. Созданная им последовательная теория сверхтекучести — результат огромного труда многих лет. Она помогла ему позднее рассеять пелену неизвестности еще над одним чудом природы. Речь идет о сверхпроводимости — явлении, экспериментально открытом около полувека тому назад.

Академик Боголюбов в своих изящных построениях рассматривал сверхпроводимость как сверхтекучесть электронного газа. В результате длительной и последовательной работы теория сверхпроводимости была создана. (Одновременно и независимо были опубликованы работы американских ученых Бардина, Шриффера и Купера.)

* * *

Избрание почетным членом ряда иностранных академий, Ленинская и Государственная премии, звание Героя Социалистического Труда... Такую высокую оценку получил вклад академика Н. Н. Бо-

Владимир Ильич Ленин, узнав о том, что выдающийся математик В. А. Стеклов принял предложение сотрудничать с молодой Советской властью, воскликнул: «Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перевернется!»

Ныне именем В. А. Стеклова назван ордена Ленина Математический институт Академии наук СССР. Это лишь один из большой группы математических институтов нашей страны.

Труды советских математиков составили эпоху в развитии соответствующих областей науки и надолго определили пути исследования. После Великой Октябрьской социалистической революции возникли и расцвели новые направления и школы. Математика, которая раньше концентрировалась в трех-четырех крупных центрах России, распространилась по всей нашей стране, в союзных республиках возникли первоклассные школы, их возглавили замечательные ученые. В Тбилиси это — Н. И. Мусхелишвили, в Ереване — А. Л. Шагинян, в Ташкенте — С. Х. Сираджинов, в Вильнюсе — И. П. Кубилюс. Киев превратился в признанный научный центр; Новосибирск наряду с Москвой и Ленинградом стал одной из крупнейших математических столиц. В последние годы серьезные, глубокие исследования ведутся в Свердловске, Минске, Баку, Воронеже, Горьком, Харькове. Нет ни одного фундаментального направления поиска ученых, в который советские математики не сделали бы важный вклад.

На Международном конгрессе математиков в Москве — крупнейшем событии в мировой научной жизни — советским ученым принадлежит более тысячи докладов и сообщений.

Математику называют становым хребтом науки. Ее идеи и методы оплодотворяют не только физику, но химию и биологию, экономику и лингвистику. От степени математизации наук зависит их уровень. Это поистине архимедов рычаг. Формула прогресса. Источник научно-технических чудес XX века.

«Советская математика занимает передовое место в мировой математической науке». Эти слова принадлежат академику Н. Н. Боголюбову и взяты из книги «Советская математическая школа», написанной им вместе с членом-корреспондентом АН СССР С. Н. Мергеляном. В ней десятки имен выдающихся советских математиков, но, пожалуй, именно в трудах самого академика Н. Н. Боголюбова концентрируются успехи советских ученых.

21 августа 1969 года Н. Н. Боголюбову исполняется 60 лет

голюбова. Его основополагающие исследования относятся к разнообразным и как будто очень далеко отстоящим друг от друга научным областям... Но в действительности все работы Н. Н. Боголюбова, принесшие ему мировую известность, тесно связаны между собой в единую логическую цепь. В самом деле, нелинейная механика нашла свое естественное продолжение в развитии статистической физики. А столь же естественным продолжением этих работ Николая Николаевича стало создание и развитие им ряда направлений теории элементарных частиц — квантовой теории поля.

Здесь упомянем еще лишь об одной области его творчества — о теории дисперсионных соотношений. Она позволяет физикам проникать в тончайшие и недоступные для других методов области физики элементарных частиц и элементарных взаимодействий. Теория дисперсионных соотношений дает возможность предсказывать закономерности микромира и предлагает пути для экспериментальной проверки этих предсказаний.

Доказательство справедливости теории дисперсионных соотношений — триумф союза математики и физики. Это единодушно признали участники Международного конгресса математиков 1956 года в Сиэттле: основой конгресса было выступление Боголюбова.

* * *

1964 год. Автору этих строк довелось присутствовать при единогласном избрании академика Боголюбова на пост директора Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Один за другим брали слово выдающиеся ученые — представители науки социалистических стран. Они говорили о большом международном научном авторитете Николая Николаевича. Академик Георгий Наджаков из Болгарии рассказал тогда, между прочим, такой случай. Группа профессоров из разных стран однажды посетила Норберта Винера. Родоначальник кибернетики, видимо, был очень занят, его ждали срочные дела. Однако, узнав, что среди приехавших Боголюбов, он сразу направился к нему и так увлекся беседой, что совсем забыл о времени.

Академик Н. Н. Боголюбов — глава большой научной школы. Ее созданию способствовала не только эрудиция и требовательность ученого, но и его творческая щедрость, доброта и доброжелательность.

Доброта и доброжелательность — главные стороны характера Николая Николаевича. Это постоянно чувствуют все работающие с ним ученые, сотрудники института, которым он руководит.

* * *

Как же все-таки могла так сложиться творческая жизнь этого человека? Такой вопрос невольно задаешь себе, думая об огромном вкладе, внесенном им в науку, о всеобщем признании, постоянно проявляемом учеными многих стран. Что это — следствие блестящей одаренности? Да, конечно. Но это и результат огромного, постоянного, многолетнего труда. Я бы сказал, результат любви к труду и умения трудиться, любви к науке, умения посвятить свою жизнь служению ей и человечеству.

Дубна.

ПОЧЕРК МАМАДЖАНА

Вячеслав КОСТЫРЯ

Большими заботами живет сегодня Голодная степь. Все новые и новые тысячи гектаров получают животворную воду. Земля требует умелых рук.

Партия и правительство установили льготы для переселенцев. И сотни семей хлопкоробов из Ферганской долины и Самаркандского оазиса едут на новые земли Голодностепья. Наш сегодняшний репортаж из совхоза-первогодка — совхоза имени В. И. Ленина.

В свои одиннадцать лет Мамаджан уже пахал землю, да не сидя на тракторе, а держась ручонками за чапыги конного плуга. И не детской забавой это было, а самым настоящим трудом ради хлеба насущного: шел 1942 год, отца уже не было.

Знакомые трактористы из МТС, хотя и отличили парнишку за трудолюбие, к рулевому колесу не допускали. И не потому, что им не хотелось отдохнуть: просто боялись за своих одряхлевших железных коней. Вот водоносом — пожалуйста: радиаторы продырявились, требовали сотни ведер воды.

Мамаджан и на это был согласен, лишь бы поближе быть к машинам. Как зачарованный, глядел он на эти рокочущие, по-мужски попыхивающие сизым дымком «ХТЗ» и «СТЗ». За руль бы!..

Мечта Мамаджана осуществилась только после войны. Учился в андижанской школе механизаторов, потом работал помощником бригадного механика, механиком. Любая сельскохозяйственная машина подчинялась ему. Все ценили в нем знание, и мастерство, и чуть ли не аптекарскую точность в технологической разработке задания для каждого члена бригады. Так и говорили: почерк Мамаджана Дададжанова.

Примечательно, что и теперь, став директором совхоза, он сохранил этот свой почерк рабочего человека, управляющего сложным механизмом. Не услышать от него округленных, в среднем, чисел. Сколько земли под хлопком? Абсолютно точно: 3 958 гектаров, под пшеницей — 462, под садом и виноградником — 57, под бахчевыми и огородными культурами — 88.

На вопрос, какое расстояние от штабного полевого вагончика совхоза имени Ленина до усадьбы совхоза «Андижан», где начиналась его голодностепская жизнь, директор ответил:

— 39 километров и 200 метров. Метры — это если до самого дома...

За три дня до приезда в Голодную степь Мамаджан Дададжанов участвовал в совещании механизаторов-хлопкоробов, посвященном годовщине ленинского декрета об орошении Голодной степи. Именно там он призвал своих коллег показать на целинном просторе, на что они способны, и незамедлительно приехал сюда сам.

Работал директор Мамаджан так: днем занимался пахотой целины, а ночью уборкой хлопка на бригадном участке, или наоборот. Причем не только руководил, но нередко и сам сиживал за рычагами трактора, за штурвалом хлопкоуборочной машины.

Здешнему «Андижану» было очень далеко до утопающих в зелени, радужно цветистых старых андижанских кишлаков, и в «почерке Мамаджана» появился особый, явно голодностепский характер: хлопок хлопком — это закон, но, чтобы он по-настоящему здесь восторжествовал, надо одновременно растить и андижанскую оснастку — карагачи и яблони (помните песню «Наманганские яблоки»?), тополя и цветы, иначе дехканин-переселенец заскучает по земле отцов... Начало положено: разбежались по степи тысячи саженцев, разлапились кустами розы двадцати пяти сортов.

Конечно, для горожанина, привыкшего ко всем коммунальным удобствам, к парку культуры и отдыха с аттракционами и кафе, до которого всего 15—20 минут езды, к многолюдству столичного стадиона, эти места не покажутся раем. Но ведь земли этого совхоза совсем недавно были невзрачны и совершенно пустынны. И хотя до хлопкоробов здесь поработали и водники, и мелиораторы, и строители, невольно обращаешься мыслью к тем, кто первым пришел сюда ЖИТЬ. Попробуй-ка отыщи их среди сотен нынешних жителей совхоза, переселившихся из коренных земледельческих областей — Андижанской, Ферганской, Наманганской, Самаркандской.

Сентябрьским днем прошлого года трактор с прицепленным к нему полевым вагончиком впервые свернул с магистрального шоссе в неположенном месте и, углубившись в степь, после нескольких маневров вдруг оторвался от груза. Это колеса вагончика попали в специально вырытые щели. Приехали! Тракторист Гулям Муйдинов и его сменщик Касым Тухтасинов в тот же день начали пахоту. За исправностью машин зорко следили и главный инженер ташкентец Анвар Рахимов и механик андижанец Махаммаджан Алиханов.

Через два месяца здесь работали уже 110 человек, в начале 1969 года — 250, а сейчас — 810!

Подобный рост населения за последнее время типичен и для других совхозов. Чем это объяснить?

Спросить было у кого. Большинство ответственных работников Госкомитета Совета Министров Узбекской ССР по использованию трудовых ресурсов в эти дни находятся в совхозах Голодной степи. Да и как иначе, если поток переселенцев не ослабевает, наоборот, вон в совхоз № 18 из Ферганской долины пожаловал весь кишлак Нусук — сразу 27 семей.

Председатель Госкомитета Якуб Тургунович Закиров радуется:

— Голодная степь такого еще не знала. Вместо предполагавшихся полутора тысяч семей будет не менее двух тысяч. И наша задача сделать все, чтобы каждый новосел был доволен. И, главное, поскорее удовлетворить потребность в жилье!..

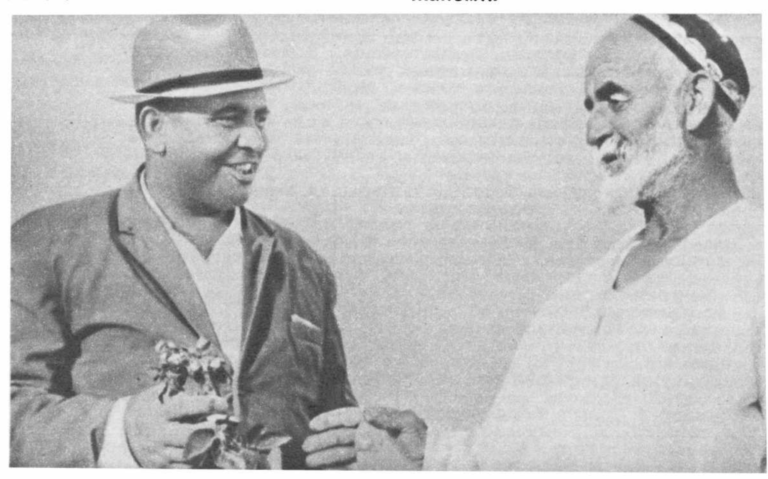
Директор Мамаджан Дададжанов тоже считает жилье главной проблемой, торопит строителей и приглядывается к новым людям.

Наверняка, например, бывший самаркандец Икрам Усманов получит квартиру в первую очередь: вместо нормативных 70 гектаров он засеял 250, да так, словно искусный портной прострочил зелеными нитками ватное светло-коричневое одеяло целинного поля. Всходы хлопчатника — лучший контролер качества работы. А ведь парень до этого был чабаном, и вдруг такая механизаторская хватка! Однако, конечно же, не вдруг. Мамаджан еще зимой потратил немало времени на обучение сеяльщиков, растолковывал каждую мелочь, но никто из них не превзошел достижения Икрама Усманова. В ознаменование этого Икрам скоро поставит в новой квартире телевизор «Аврору» — премию за посевную, и пусть тогда приходят друзья справлять одно из самых первых самаркандских новоселий.

Особые отношения у директора с переселенцами из Андижанской области. Зная Мамаджана лично и оберегая его авторитет, они, как правило, сами напрашиваются на трудные работы.

Как-то Мамаджан побывал в родных местах, и колхозники Ходжаабадского района попросили его рассказать на собрании о Голодной степи. И там вдруг под смех собравшихся раздался вопрос:

— Скажите, а как стать Мамаджаном?..

Мамаджан Дададжанов (слева) и садовод Ашурмамат Мадумаров.

Фото В. Лейзеровича.

— Очень просто, — подавив смущение, не без иронии ответил директор. — Прежде всего надо приехать вместе с семьей к нам в Голодную степь и взять самый тяжелый участок земли...

Сказал правду, но не думал, что именно так и поступит спрашивавший, как потом выяснилось, Юлчибай Иргашев. Он приехал не только с семьей, но и с готовой бригадой. Семья Иргашева устроилась в эту жаркую пору неподалеку от поля — у бетонного лотка с водой. Его жена Хавахон — тоже член бригады, и, право же, она никогда так ревностно не ухаживала за всходами, как в эту весну.

Мамаджан увидел ее как-то за этим занятием и понял, что у нее такой же надежный почерк, как и у Юлчибая, который и теперь не скрывает своего желания стать Мамаджаном.

Сергей БОНДАРЧУК,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

ИСКУССТВУ

РАЗДУМЬЯ КИНОРЕЖИССЕРА

Начну с признания: за то время, что я осваивал для перевода на экран «Войну и мир», Толстой стал для меня чем-то значительно большим, чем просто одним из великих русских писателей.

Я, конечно, знаю все те слабые стороны в творчестве Толстого, на которые в свое время указывал В. И. Ленин. Но я знаю и то, что не случайно Ленин подчеркивал мировое значение Л. Н. Толстого как художника и его мировую известность как проповедника. Владимира Ильича восхищала безбоязненная, открытая, беспощадно резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов своего времени.

Многие из этих вопросов сняла жизнь, сняла революция.

«Умер Толстой,— писал Ленин,— и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника».

Однако в наследстве Толстого и сегодня, говорит Владимир Ильич, есть то, что «не отошло в прошлое, что принадлежит будущему»... Принадлежит будущему, бесспорно, постановка Толстым важнейших для нас вопросов искусства, творчества, их значения в духовной жизни человека. Прислушиваться к этим советам — обязанность каждого художника.

В своих статьях об искусстве Л. Н. Толстой задумывался над тем, что люди — вследствие потери способности заражаться произведениями искусства — растут, воспитываются и живут без смягчающего действия искусства. Поэтому они не только не двигаются к совершенству, не добреют, как говорил Толстой, но, напротив, «при высоком развитии внешних средств становятся все дичее, грубее и жесточе».

Не правда ли, этот упрек звучит как нельзя более современно, если вспомнить о забвении высоких задач, подлинных идей искусства многими высокоразвитыми — с точки зрения «внешних средств» — странами нынешнего буржуазного Запада. Одичание, грубость, жестокость, насилие не только не считаются там безнравственными, но прививаются, насаждаются всем строем общества, всей духовной его атмосферой.

Ну, а мы, художники, люди творчества советской земли? Как и в какой мере мысли Толстого касаются нас, наших задач, нашей работы?.. Мы ведь живем по другим законам, установленным в октябре 1917 года революцией, Лениным...

Все это так. Но живем мы не в безвоздушном пространстве, а на земле. Живем в эпоху, когда идеи пересекают границы, сталкиваются и воюют, иной раз заменяя огнестрельное оружие.

Именно поэтому, думается мне, так важно для нас и сегодня возвращаться к урокам Толстого, заставляющего снова и снова решать нелегкий вопрос: отчего же теряет человек драгоценную способность «заразиться» произведением искусства, его великой силой, смягчающей, очеловечивающей душу?.. Если это случается в наши дни, то кто виноват в этом — человек или искусство?..

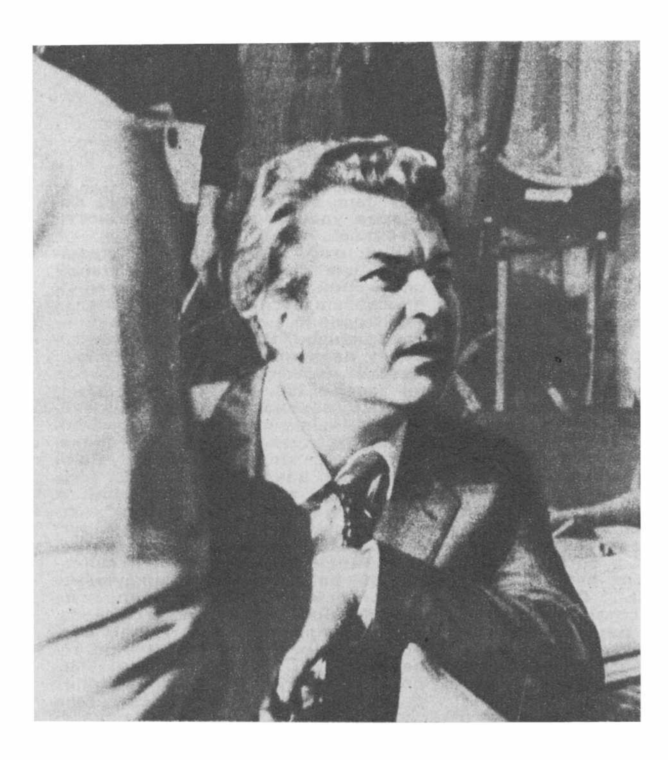
Горькие размышления Толстого были обращены к судьбе русского народа, к судьбе русского общества, где народ вообще был насильственно отторгнут от искусства, от облагораживающего воздействия искусства. Мы знаем, что и сам Толстой, его гениальное творчество, его мысли, образы оставались за семью печатями от сплошь неграмотных, темных людей. «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием **всех**,— утверждал В. И. Ленин,— нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

Социалистический переворот в России, осуществленный под руководством партии Ленина, открыл для народа доступ к истинному искусству. Тот просторный, широкий доступ, об отсутствии которого так сокрушался, так гневно сетовал Толстой. А ведь он, будучи «зеркалом русской революции», еще не знал, не мог знать, что революция вызовет к жизни и другое, небывалое, молодое и полное сил новое искусство, чьим главным героем станет сам народ, люди труда и борьбы. Искусство, которое обратит взор человека к Будущему, поможет человеку сильнее и глубже полюбить жизнь, познать законы ее развития, ее поражений и побед.

Искусство социалистического реализма взрастило своими образами, своими идеями целое поколение героев — людей богатой души и больших чувств. Беззаветно, с рыцарской храбростью дрались эти люди за освобождение отчизны, а потом нашли в себе силы и терпение, чтобы залечить бессчетные раны войны... Каждый из них — по-своему — образец человечности, образец совершенства. Такой образец, о котором мог только мечтать Толстой для своего народа! И такой образец, который ясно провидел Ленин, провидела партия большевиков, перестроившая жизнь, отстоявшая ее от врага... Шолоховская «Судьба человека» как раз поэтому означала для меня — как, впрочем, означает и теперь — продолжение великолепных гуманистических традиций, идущих от великого русского искусства, а потом и развитие традиций новых, накопленных искусством советским, социалистическим...

Не скрою, однако, что рядом с фильмом «Судьба человека», который мы тогда сделали по удивительному рассказу М. А. Шолохова, не имеющему себе равных по суровой сдержанности, богатству и масштабности чувств, по всеобъемлющей, заражающей и воспитывающей человечности, душевности,— хотелось бы видеть еще и многие другие наши фильмы.

Хотелось бы, чтоб кино рассказывало больше и чаще, шире о судьбах многих других «человеков», не менее удивительных, чем герои Шолохова, имеющих такую же великую душу, такое же мужественное и нежное сердце. Разве не они возродили и продолжили жизнь на земле по законам добра и справедливости, разве не они сохранили человеч-

НА СЪЕМКАХ «ВАТЕРЛОО»

Примерно на половине пути между Ужгородом и Мукачевом на шоссе есть указатель: «Ватерлоо». Вдали виднеются стройные ряды солдат в незнакомых глазу красных и синих мундирах. Когда подъезжаешь ближе, видишь, что это манекены. Кругом раскиданы в беспорядке кивера, обломки оружия... Долина в Закарпатье превратилась в поле сражения Наполеона Бонапарта, чьи печально знаменитые сто дней уже не могли вернуть французскому императору былой славы и величия.

...Сыплет мелкий, нудный дождь. В порывах резкого ночного ветра мечется дым угасающих костров. Сражение окончено. Одинокий Наполеон с непокрытой головой идет, в отчаянии простирая руки к небу... Шаг его тяжел и неверен...

Мы присутствуем на съемках фильма «Ватерлоо». Сейчас снимался один из последних эпизодов, хотя до конца работы съемочной группы еще далеко... Кругом звучит разноязыкая речь — итальянская, украинская, английская, русская...

Известная итальянская фирма «Дино да Лаурентис Чинематографика» пригласила возглавить создание фильма «Ватерлоо» народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Сергея Бондарчука, удостоенного за «Войну и мир» премии Оскара.

При участии Сергея Бондарчука написан и сценарий фильма. Его авторы — французский драматург Жан Ануйль и английский сценарист Гарри Крэг.

В Италии, где долго работал съемочный коллектив, отснята и смонтирована значительная часть фильма. В совместных съемках итальянской фирмы и Мосфильма участвуют многие известные актеры мира. Состав создателей картины поистине интернационален: англичанин Орсон Уэллес снимается в роли Людовика XVIII; канадский артист Кристофер Пламмер играет Артура Веллингтона. Ирландец Дан О'Херли, исполняющий в фильме роль маршала Нея, приехал в Ужгород с детьми: его сыновья 9 и 10 лет будут играть маленьких барабанщиков французских войск. Итальянских и французских актеров, участвующих в «Ватерлоо», и не перечислишь. Ну и, конечно, здесь много русских актеров, не говоря уж о том, что русские войска играют и роялистских солдат, и старую гвардию Наполеона, и воинов союзных армий, сражавшихся против Франции близ местечка Ватерлоо на бельгийской земле.

...Темную закарпатскую ночь прорезают блики юпитеров. Раздается команда режиссера Владимира Досталя: «Приготовиться к съемке!» Мигом затихает на площадке рабочий шум.

— Армандо! Пронто? Мотор!..

Армандо Наннуци, к которому обращен вопрос «пронто?» — готов ли он? — оператор-постановщик фильма.

Медленно следует объектив за каждым шагом Наполеона. Роль Бонапарта исполняет Род Стайгер, крупнейший американский киноартист. Не будем предварять событий, скажем лишь, что в съемках он необычайно выразителен...

Вместе с военным консультантом генералом армии Михаилом Ильичом Казаковым возвращаемся ночью в Ужгород.

Впечатления от всего увиденного огромны.

— Да! Конец Наполеона...— говорит Михаил Ильич. И, помолчав, добавляет: — А ведь безнадежно-то Наполеон был поражен все-таки в России!..

—ЛЕНИНСКУЮ ГЛУБИНУ

ность, доброту, красоту для идущих вслед за нами поколений?..

И разве не наш прямой долг воевать в искусстве, утверждая доброту и гуманизм социалистических, коммунистических отношений, против идей жестокости, насилия, бесчеловечности, порнографии, когда они проникают к нам из-за рубежа и пытаются здесь, у нас, привить свои нравы... Чаще всего подобные попытки обречены на неудачу. Но порою отдельные зловредные ростки дают всходы. Их, конечно, корчуют, но этого мало. Против искусства бессердечного, злого, культивирующего дикость, насаждающего зло в душу человека, должно бороться искусство кино образами советских людей, героев, исполненных душевного света, силы и добра.

Эрнест Хемингуэй в письме к русскому советскому литератору И. А. Кашкину писал: «Мы знаем, что война — это зло. Однако иногда необходимо сражаться. Но все равно война — зло, и всякий, кто станет отрицать это,— лжец. Но очень сложно и трудно писать о ней правдиво... В Итальянскую кампанию, когда я был юнцом, я очень боялся. В Испании через несколько недель страха уже не было, и я был очень счастлив. Но для меня не понимать страха у других или отрицать, что он вообще существует, было бы плохо, особенно как для писателя. Просто я сейчас лучше понимаю все это. Если война начата, единственно, что важно,— это победить...» (подчеркнуто мною.— С. Б.).

Воспитание читателя, зрителя образами войны **необходимой,** или, как мы теперь говорим, **справедливой** войны (и еще более справедливой победы!) — это отнюдь не воспитание «злом войны» или «страхом войны». Вот ведь о чем писал Хемингуэй. И, я думаю, для нас это тоже очень важно.

Мы тоже никогда не отрицали зла войны. Но главное для нас, советских людей, заключалось в **необходимости сражаться,** когда иного выхода просто не оставалось. Сражаться и побеждать.

Однако ж оказывается, что даже Хемингуэю — с его-то талантом!— было «сложно и трудно» писать **правдиво** о войне...

Увы, думается, не было и следа художественной, жизненной правды во многих наших фильмах о Великой Отечественной войне, слепленных без глубокой мысли, на скорую руку.

Сложность и трудность военных событий, освободительная, благородная суть Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровских агрессоров порою были подменены приблизительным, слащаво-сентиментальным правдоподобием, а порою просто даже и неправдой пацифистского толка, замаскированной под нений «вообще антивоенный» фильм. Но истина всегда конкретна. И когда речь идет о такой тяжкой «конкретности», как война, в которой советскому народу единственно, что было важно,— это победить, нашей задачей остается утверждать идею справедливости борьбы, искать ее воплощение в героических образах.

Кино было для Маяковского, как он сам говорил, «почти мировоззрение». Вероятно, для всех нас, людей современных, кино становится, выражаясь столь же фигурально, мировоззрением без «почти». Мир, который художник сперва образно выстраивает, воплощает, воздвигает на экране, потом вбирается, впитывается с экрана миллионами зрителей.

Великие люди прошлого — в том числе и Л. Н. Толстой, при котором зарождалось кино,— вряд ли могли даже вообразить себе возможность такого широчайшего, точнее, всеобъемлющего, контакта с людьми, которым нынче располагает искусство кино. Оно ведь имеет возможность разговаривать на своем языке с целым народом! Больше того — с народами мира.

Но на таком же — поистине глобальном — уровне общения со ВСЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ (которое стало теперь доступным всякой киноленте) должна постоянно пребывать и наша взаимная взыскательность, наша бескомпромиссная требовательность к самим себе. В этом я уверен.

Во всяком случае, закончив экранизацию «Войны и мира», я все эти проблемы ощутил как бы сызнова. И с какой-то особенной отчетливостью и остротой воспринял громадный **обязывающий** смысл ленинских слов, будто лично к каждому из нас, кинработников, обращенных. Это слова о гражданском, коммунистическом, широчайшем общественно важном предназначении литературы и искусства. О сути творчества. О том, что оно, как говорил Ленин, не может быть индивидуальным делом, «не зависимым от общего пролетарского дела».

Обоюдоважную эту зависимость, столь необходимую для дела революции, Владимир Ильич утверждал, разумеется, не механически. Не прямолинейно. Он воочию видел здесь живую, органическую слиянность сложнейшего творческого процесса, подспудно возникающего где-то внутри заветных, потаенных глубин духовной, человеческой сущности художника, с еще более сложным, диалектическим, революционным содержанием самой жизни.

Питая своими живительными соками творческие процессы, где бы они ни происходили: в литературе, живописи, музыке, театре, кино,—жизнь, революция, строительство социализма и коммунизма — короче, **общее пролетарское дело,** развиваясь, безостановочно устремляясь вперед, наполняет душу художника. А значит, **определяет смысл** произведений искусства социалистического реализма.

С тех пор, как В. И. Ленин категорически отверг принцип независимости литературы, искусства, творчества от главных дел жизни, дел, важнейших для партии и народа, немало воды утекло. Да и вся окружающая жизнь тоже изменилась до неузнаваемости. И тем не менее необходимость борьбы против так называемого независимого, свободного творчества не только не отпала, но, быть может, даже еще больше возросла. Ибо жизнь усложнилась. Новое по-прежнему рождается в схватках и борении против старого. А искусство по-прежнему является ареной жесточайшего столкновения мнений, вкусов и взглядов, ареной борьбы за влияние на человека, точнее — ареной **борьбы за человека.**

Свобода искусства, творчества, конечно, существует. Но, как всякая свобода, она и в искусстве есть **познанная необходимость.** В. И. Ленин учит, что свободу творчества следует понимать и «в смысле свободы от карьеризма» и «в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма...».

Думается мне, Владимир Ильич называет самые, быть может, трудные, самые запущенные болезни нынешнего искусства. И не только буржуазного. В какой-то мере болезни эти затрагивают и нашу творческую жизнь. И не только в искусстве кинематографа. Ибо, спросим себя со всем пристрастием, вполне ли свободны все люди, числящие себя «по разряду» творческих профессий, от примитива и верхоглядства, от налета дурной конъюнктурщины.

А теперь с той же строгостью спросим себя: полностью ли свободно наше искусство от индивидуалистических модных вывертов, от всевозможных всплесков внешне дерзкого, анархического «самоутверждения», за которым, увы, обычно и прячется самое жалкое, рабское подражание модным западным «образцам»?.. Если от чего и свободно такое «искусство», так только от заботы о народе, от мысли о народе, ради которого призван творить художник.

Правда, народ тоже свободен отвергать подобные «произведения искусства». Кстати сказать, он чаще всего и впрямь их отвергает. Притом отвергает самым простым способом: отказываясь смотреть подобные фильмы, несмотря на пылкие старания расхваливающей их критики.

А уж коль скоро речь зашла о критике, не могу не подивиться на бесплодность усилий иных критически мыслящих личностей. Ведь они отлично же видят, что народ наш — весь наш народ! — давным-давно дорос до понимания Пушкина и Толстого, как это и предвидел В. И. Ленин. Но почему-то «не видят» они, что тот же народ в эти же самые дни будто бы ни никак не может «дорасти»— вот беда-то! — до понимания заумных, мнимозначительных, а по сути дела пустопорожних режиссерских кинематографических упражнений какого-нибудь юнца, «соревнующегося» изо всех сил с Антониони или Феллини...

Зрителю эти критики тоже не очень-то деликатно «объясняют»; что-де разобраться в таких фильмах могут только настоящие знатоки, специалисты! Значит, нечего и соваться с суконным рылом в калачный ряд; а уж коли не понял, что к чему, так пеняй на себя, вот и вся недолга...

Элементов несвободы от карьеризма, как и элементов несвободы от буржуазно-анархического индивидуализма, когда они вдруг дают себя знать в искусстве, наша критика почему-то предпочитает не замечать вовсе. И это тоже плохо. Хотя какая из этих двух «несвобод» приносит больше вреда, какая из них «хуже», какая «лучше» — не берусь судить. Но уверен, что с обеими надо бороться в творчестве не щадя сил.

Большая тема, тема вечная, никак не может быть наскоро пристегнута даже к самым актуальным проблемам современности.

Часто проблемы бывают действительно важными. Но, к сожалению, тут опять часто не видишь человека как творца жизни; мелкий поток событий застит образ героя, призванного идейно формировать в зрительном зале доброе, активное, ясное мировоззрение, рождать желание победы и в мирные, нынешние дни...

Да, это дни мирные. Но борьба Добра со Злом продолжается. И она определяет задачи художника.

Поэтому я уверен, что и большие темы современности — если уж современность переходит из области информации в область творчества, искусства — должны прежде всего очеловечивать зрителя, волновать и заражать его, как говорил Толстой, совершенством образа героя. Если же этого не происходит, то возникают фильмы, которые вообще «свободны от творчества». В них нет ни полноты информации о нынешнем человеке, ни глубины его душевных, нравственных качеств. Это фильмы-«отписки». Их создатели, беря проблему на первый взгляд актуальную, решают ее приблизительно, сводя на нет самый замысел, а иногда даже компрометируя его.

Говорить о больших воспитательных задачах и целях искусства с людьми, создающими подобные картины, по всей вероятности, бесполезно. Но сами зрители, публика должны знать, что вред таких фильмов гораздо более велик, чем принято думать. Выходя из кинотеатра, люди иногда снисходительно замечают: «Ну что ж, время убили, и ладно». Убито бывает не время, хотя его тоже жаль «убивать».

Маленькими, незаметными порциями ЯДА РАВНОДУШИЯ убита бывает та самая «способность заражаться истинными произведениями искусства», которую Толстой справедливо считал столь необходимой и важной для человека. И уж, конечно, не такое «искусство» звал Ленин служить миллионам и десятками миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность.

Человек, приученный видеть на экране лишь мелкое, пустячное подобие жизни — смешит ли оно, либо рождает недолгое умиление, или забавляет дешевой интригой,— утрачивает нечто очень важное: он и сам начинает относиться к людям, к окружающему миру несерьезно. Он больше не вкладывает ни во что сильных переживаний, глубоких внутренних движений. Маленькое «искусство» незаметно обокрало его: человек стал беден и нищ душою.

Истинная, **ленинская глубина** чувств — вот единственный критерий, с которым можно подходить к произведению искусства, если оно обращено к народу. А кино всегда обращено к народу — уже по самой природе своей. И я думаю, что именно поэтому искусство кино беспощадно к человеку, если только человек избрал его для себя всерьез. Сколько бы ты ни отдавал ему себя, ему все мало! И ты сам это видишь, сам это знаешь... Тут происходит как бы цепная реакция. Конца ей нет, пока ты дышишь и думаешь.

Но ведь и то сказать: кем бы ты ни стал в жизни, какую бы профессию ни выбрал, она все равно начнет существовать для тебя лишь тогда, когда ты осознаешь себя не человеком для себя, а человеком для других. В искусстве, в творчестве — это закон нравственного состояния художника. Иначе — творчества нет.

Юные ружичане умеют грести и так...

Владимир Алексеевич Дубограй за ремонтом байдарки

СЕГОДНЯ — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

Озеро колхозное, озеро спортивное

Вот он, верный колхозный челнок. Станиславу Григорьевичу Гальчуку уже семьдесят, но он не расстается с веслом.

На озере всем хватает места — и челнокам и байдаркам.

Великолепная четверка.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото А. БОЧИНИНА.

Когда три года назад на озере у села Ружичного были проведены Всесоюзные соревнования по гребле на байдарках и каноэ, многие недоумевали: почему не в Москве, Ленинграде или Херсоне — признанных гребных столицах?.. Объяснения так и не нашли. А в предолимпийском, 1967 году в Ружичное съехались сильнейшие гребцы не только Советского Союза, но и Румынии, Польши, Чехословакии, ГДР и США. Причем результаты, достигнутые на этом озере, значительно превышали секунды, показанные в Химках, на Неве или Днепре.

Ладно, допустим, здесь не бывает ветров и вода мягкая, а следовательно, быстрая. Это понять можно. Но когда я узнал, что в том же году чемпионом СССР среди юношей стал ружичанский колхозник Николай Кравчук, а сельский шофер Надя Вишнева завоевала серебряную медаль на чемпионате Украины, стало ясно, что дело не столько в особенной воде, сколько в особенных людях, которые обычный колхозный водоем превратили в спортивное озеро, известное далеко за рубежами Родины.

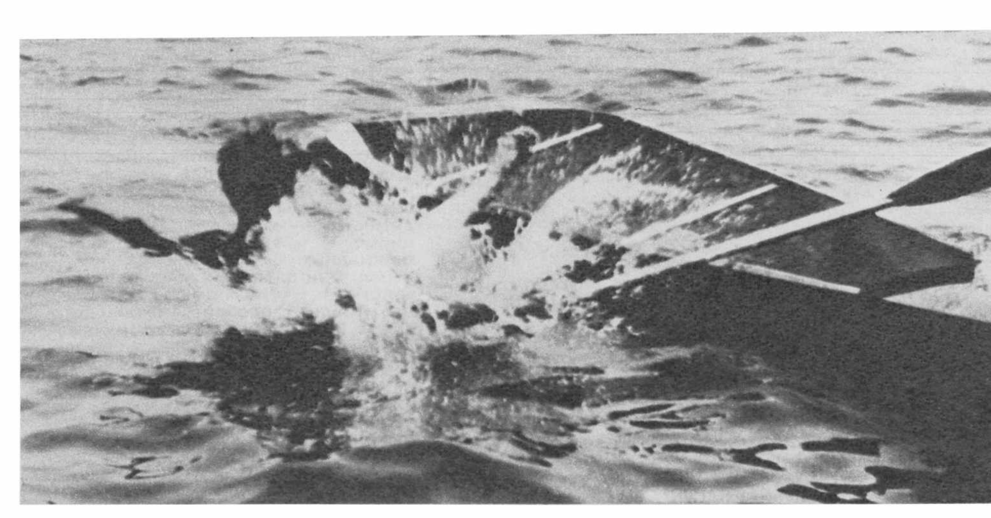
— Начиналось все так,— вспоминает председатель колхоза «Коммунар» Герой Социалистического Труда А. Л. Гуцалюк.— Приехал к нам в шестьдесят втором году выпускник Киевского института физкультуры Владимир Дубограй. Пришел однажды ко мне и говорит: «Под боком большое озеро, в селе крепкие хлопцы, а гребцов нет. Давайте деньги, поеду в Ригу за байдарками». Я, признаться, засомневался. Колхоз у нас, правда, богатый, миллионер, но тратить деньги на какие-то байдарки? Стоит ли? Опять же всю рыбу распугают, а мы уже много лет разводим зеркального карпа. Собрали правление, посоветовались и решили деньги выделить, и не только на лодки, но и на катера. Потом и эллинг для хранения нашего флота построили, а через несколько лет, когда гребцы стали приносить медали, мы соорудили гребной бассейн...

Так обычное колхозное озеро стало превращаться в спортивное. На первых порах колхозники недоверчиво поглядывали на утлые байдарки. Какой прок от них? Другое дело — привычный челнок. На нем и порыбачить можно, и сено перевезти, и в соседнюю деревню съездить. Но молодежь, выросшая на воде и хорошо знакомая с веслом, быстро приспособилась и к вертлявым байдаркам. А потом Владимир Дубограй поехал в Киев и уговорил федерацию гребли провести в колхозе юношеское первенство Украины. И сторонники традиционных челноков увидели, как хороши байдарки и каноэ. Соревнования прошли отлично, три колхозных девушки завоевали даже призовые медали.

Через два года на берегу озера появилась гребная станция с трибунами на 700 человек, с просторными эллингами, спортивным залом и даже корчмой «Веселка». Трудно представить, что несколько лет назад здесь был заросший камышами водоем с оплывшими, глинистыми берегами. Теперь берега одеты в бетон. С утра до вечера снуют бесчисленные лодки — ведь в секции гребли около ста человек.

Пример колхозников «Коммунара», живущих в селе Ружичном, оказался заразительным. Еще совсем недавно в Хмельницкой области понятия не имели о гребле на байдарках и каноэ, а теперь на первенство областного совета ДСО «Колос» приезжают гребцы из сел Корысговая и Летичев, из самого областного центра и других городов. Но тон по-прежнему задают «коммунаровцы». И в этом году Ружичное готовится к ответственным встречам: в конце лета здесь состоится чемпионат Украины и командные соревнования сильнейших гребцов Советского Союза.

...Так обычное озеро стало центром гребного спорта всей страны.

В каноэ устоять труднее, чем на плоту.

На тренировку.

ЭТО — КУРАШ!

Кураш... Так называется спортивный поединок, в котором издавна в Средней Азии испытываются сила и ловкость. Правда, правила борьбы не везде одинаковы. Ферганцы считают, например, что соперники вполне могут выяснить отношения, держа друг друга за пояс. По бухарским правилам разрешается браться и за одежду и за руки. Но в любом случае побежденный должен лично удостовериться, что «земля поката».

Во время народных празднеств, в воскресный день, а то и в рабочий — в обеденный перерыв на полевом стане — всегда находятся любители побороться, и в зрителях недостатка никогда не бывает. Словом, была бы ровная площадка да стеганые халаты с крепкими бельбогами — поясными платками или куртки с поясами. Из ста тысяч человек, занимающихся национальными видами спорта лишь в Узбекистане,— больше половины кураШисты.

В ташкентском парке имени Ленинского комсомола недавно проходили соревнования по курашу. Росли весовые категории участников, росли и их годы. Юношей вроде Марата Шарипова из «Спартака» и Тургуна Убайдуллаева из «Буревестника» сменили почтенные отцы семейств. Вот на брезент вышли ветераны спорта, неоднократные чемпионы республики 60-летний Адылхан Умарханов и 50-летний Мухамеджан Туляганов.

И думаете, победил Туляганов? Нет, успеха добился его маститый соперник! Но в общем-то победителем оказался вечно молодой кураш.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото Б. Мазура

Солнечный праздник

Сегодня один из самых любимых праздников советского народа — Всесоюзный День физкультурника. В этом году он совпадает с торжественным открытием финала IX Всесоюзной летней спартакиады профсоюзов СССР, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Чем мы встречаем наш праздник?

«Огоньку» отвечает секретарь ВЦСПС, председатель Всесоюзного совета добровольных спортивных обществ профсоюзов В. Ф. БОГАТИКОВ.

ВОПРОС. Прежде чем вы нам расскажете о развитии спорта в профсоюзах, несколько слов об общем развитии спорта в нашей стране.

ОТВЕТ. Советский Союз — поистине великая спортивная держава. Развитие спорта в нашей стране примечательно его многогранностью, тем, что более чем по сорока видам летнего и зимнего спорта Советский Союз вырастил чемпионов мира и Европы, лауреатов летних и белых олимпиад. Кроме того, нельзя забывать, что в союзных республиках у нас культивируются национальные виды спорта, в частности различные спортивные игры, лапта в России, лело в Грузии, конные состязания, разновидности национальной борьбы, гонки на оленях, метание аркана...

Нет такого вида спорта, в котором бы советская тренерская и научная мысль не вносила бы чего-то своего. Эти успехи не случайны. С первых дней становления Советской власти, еще со времен Всевобуча Коммунистическая партия и Советское правительство при активном участии профсоюзов и комсомола постоянно заботятся о здоровье, физическом совершенствовании, культурном досуге народа. Неоднократно партия выносила важнейшие, глубоко принципиальные решения по вопросам развития физической культуры и спорта в стране. Последние, августовские решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1966 года, трехлетие которых наши спортсмены отметят в эти дни, дали новый мощный толчок к дальнейшему подъему массового спорта. Весьма важным является и недавно принятое постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране.

Советское спортивное движение щедро делится опытом со спортсменами десятков государств. Наши тренеры, в частности специалисты из профсоюзных спортивных обществ, работают во многих странах. Наши учебники по спорту переведены на десятки языков. В советских физкультурных вузах обучаются посланцы многих стран.

ВОПРОС. Какими силами располагают сейчас спортивные общества профсоюзов?

ОТВЕТ. Я приведу вам несколько цифр, которые, на мой взгляд, достаточно ярко показывают размах спортивного движения в профсоюзах.

В настоящее время в профессиональных союзах объединены 28 добровольных спортивных обществ. Иные из них, такие, как ордена Ленина общество «Спартак», студенческое общество «Буревестник», общество железнодорожников «Локомотив», общество «Труд» (РСФСР), «Даугава» (Латвия), «Жальгирис» (Литва), «Калев» (Эстония), и ряд других широко известны в стране. В профсоюзах сейчас насчитывается свыше 27 миллионов физкультурников и более 100 тысяч коллективов физкультуры. Они культивируют 47 видов спорта.

ВОПРОС. А что можно сказать о физкультурном движении на селе?

ОТВЕТ. Бесспорно, оно растет. Думаю, что не погрешу против истины, если выскажу предположение о том, что создание профсоюзно-кооперативных сельских спортивных обществ в ряде республик, например, «Варпа» в Латвии, «Кайрат» в Казахстане, «Нямунас» в Литве, «Пахтакор» в Узбекистане, «Урожай» в России и Белоруссии, «Колос» на Украине, помогает активизации сельского спорта. Многие лучшие спортивные сельские коллективы получили почетное звание «Спортивный клуб». На селе действует около 50 тысяч коллективов физкультуры.

ВОПРОС. Какова материальная база профсоюзных обществ?

ОТВЕТ. Мы имеем достаточно разветвленную сеть спортивных сооружений. Более 2 200 стадионов. Около 12 000 комплексных спортивных площадок. Свыше 40 000 футбольных полей, свыше 12 000 катков для хоккея и конькобежного спорта.

К сожалению, кое-где стали увлекаться строительством только больших стадионов. А ведь надо совмещать строительство крупных спортивных объектов с оборудованием и простейших площадок близ предприятий, общежитий, при жэках, в зонах отдыха.

ВОПРОС. А теперь, Владимир Федорович, расскажите, пожалуйста, нашим читателям о самой Спартакиаде.

ОТВЕТ. Спартакиада впервые проводится (я имею в виду ее финальную часть) не только в столице, но и в ряде крупнейших спортивных, культурных и промышленных центров страны — Ленинграде, Ростове, Каунасе, Волгограде, Казани, Краснодаре, Одессе, Ульяновске, Пскове, а также столицах союзных республик — Киеве, Тбилиси, Минске и Риге.

Масштабы Спартакиады, ее программа (26 видов спорта) не уступают по массовости крупнейшим международным соревнованиям. Мы надеемся, что финал Спартакиады принесет ряд рекордов, тем более что уже на предварительных этапах, в частности на республиканских спартакиадах, были показаны отличные секунды, метры, килограммы.

ВОПРОС. Что бы вы хотели пожелать участникам финальных состязаний Спартакиады профсоюзов?

ОТВЕТ. Прежде всего, конечно, высоких результатов, новых знакомств, новой дружбы с товарищами по спорту из других коллективов, городов, республик, новых свершений во славу Родины!

БОГАТЫРСКАЯ УТЕХА

...Крохотная площадка под отвесной скалой. Выше нее — только орлы. И на этом пространстве идет азартный поединок. Тяжелые стальные мечи, лишь слегка закругленные на концах, зажаты в руках палаванов. Отразить удар кажется невозможным, но меч с лязгом ударяется о ловко подставленный маленький круглый щит. И тут же следует ответный выпад. Что же не поделили между собой богатыри? И чем закончится их ожесточенная схватка? дружескими объятиями, потому что сошлись не враги, а спортсмены.

Описанная сцена — обычное для Хевсуретии состязание палаванов — фехтовальщиков. Фехтование на мечах имеет свои особенности. Тяжесть почти метрового стального клинка и круглый металлический щит определяют необычную технику и тактику боя. Участники поединка передвигаются по кругу, стараясь нанести рубящий удар с незащищенной стороны. Удары следуют один за другим, однако соперники виртуозно отражают их и тут же сами переходят в атаку. А если поединок начинает приобретать опасный характер, то из рядов зрителей выходит горянка и бросает между сражающимися платок. И тогда, как по мановению волшебного жезла, бой прекращается.

Г. АБСАЛЯМОВ

Фото автора.

СИБИРСКИЕ ЛУЧНИКИ

Стрельба из лука заняла место рядом с классическими видами спорта. Сейчас проводятся даже чемпионаты Европы и мира. Но родился этот интересный спорт давно. На юге Сибири, в Агинском Бурятском национальном округе, стрельба из лука — любимая спортивная утеха. Стрельба ведется по сурам — кожаным мячам, туго набитым конским волосом. Десяток этих своеобразных мишеней выставляется в ряд на гладкой площадке. Стрельбу ведут двумя сериями, по десять стрел в каждой.

Юноши и девушки первую серию выпускают с дистанции 30 метров, затем отодвигаются еще на десять, у взрослых расстояние еще больше — 40 и 50 метров. Задача сводится к тому, чтобы ударами стрел выбить суры с площадки. Необходимость не только попасть в мишень, но и выбить ее за пределы площадки, обусловила и форму стрел. Они делаются массивными, с толстыми, тупыми набалдашниками. Предмет особой заботы спортсмена — лук. Он делается из лиственницы и порой больше самого стрелка.

В июле этого года в столице Тувинской АССР Кызыле состоялось X традиционное первенство Сибири и Дальнего Востока по национальным видам спорта. В программу его наряду с борьбой, прыжками и поднятием тяжестей была включена и стрельба по сурам.

В. СИНЯВСКИЙ

Старт на 100 метров.

Валерий Скворцов — один из лучших прыгунов в высоту.

Гимнастка Ольга Карасева.

На Балтийской регате.

Мировая рекордсменка по толканию ядра Надежда Чижова.

Фото Л. Бородулина и А. Бочинина.

Александр Тульк — чемпион Европы по скоростному подводному плаванию со своим сыном Эки.

Фото Ольги Жуковой.

Фантастика

крупным планом

Это произошло в городе польских шахтеров Хожуве 13 июля, во время матча сборных ГДР, Польши и Советского Союза. Все крупнейшие телеграфные агентства в этот день оповестили мир, что впервые за всю многовековую историю легкой атлетики спортсменке удалось бросить ядро за двадцатиметровую черту. Такого успеха достигла ленинградская студентка Надежда Чижова. А за полгода до этого точно в таком же сенсационном тоне писали журналисты из Мехико о мировом рекорде Маргитты Гуммель, студентки из Лейпцига. 20 октября прошлого года, в последний день олимпийского легкоатлетического турнира, в борьбе с мировой рекордсменкой Надеждой Чижовой она толкнула ядро на 19 метров 61 сантиметр.

Виктор Ильич Алексеев, тренер Чижовой, имел возможность воочию с трибуны мексиканского стадиона видеть, как спортсменка из ГДР установила новый мировой рекорд и завладела олимпийским первенством. Он глядел на пьедестал, глядел на третью ступеньку, на которой скромно стояла его ученица, а мысли его уже были устремлены вперед.

Виктор Ильич высказал эти мысли Надежде Чижовой в автобусе по дороге со стадиона в олимпийскую деревню: Карл-Хайнц Бауэрсфельд — просто молодчина. Ведь надо же, нашел ключик для Маргитты Гуммель, помог ей нарастить силу, и не потерять при этом скорость. И Маргитте Ланге, второй своей ученице, помог. Вот и заняли они две первые ступеньки олимпийского пьедестала. 19,61 — это здорово! Но посмотрим, подумаем. Кое-что он понял. Теперь надо искать... Надя вслушивалась в эти мысли вслух и улыбалась. Он все такой же неисправимый оптимист, Виктор Ильич. Поражение только подхлестывает его...

Всю зиму в Ленинграде Алексеев вместе с Чижовой искал точку опоры для атаки. Перепробованы были десятки различных вариантов, и в конце концов родилась идея включать в работу не только правую сторону тела, но и левую. Для этого надо разработать новую методику тренировки, потратить огромные силы.

30 мая в Лужниках, на традиционном матче легкоатлетов Москвы, Ленинграда, РСФСР и Украины, Алексеев и Чижова решили попытать счастья. Ведь на тренировках Надежда, пользуясь новой техникой, уже посылала ядро за рекордный флажок... И вот тайное стало явным: на глазах у всех Надя послала ядро на 19 метров 72 сантиметра. Рекорд Маргитты Гуммель, которому прочили чуть ли не вечность, пал. И снова, как после Мехико, многие зарубежные наблюдатели стали утверждать, что мы не скоро будем свидетелями новой сенсации, а Чижова тем временем регулярно посылала ядро за 19 метров, за тот самый рубеж, который считался до Мехико фантастическим.

Спортивный мир с нетерпением ожидал встречи Чижовой с Гуммель, на сей раз в Хожуве. Что там произойдет? Олимпийская чемпионка и рекордсменка мира достойны друг друга. И Гуммель после Мексики сделала в Польше все, на что была способна: она толкнула ядро на 19 метров 48 сантиметров. Такого результата ей было бы достаточно для победы в Мехико. Но в Хожуве она оказалась лишь второй. Этот бросок лишь подхлестнул Чижову, и вот впервые в истории легкой атлетики ядро приземлилось на отметке 20 метров 9 сантиметров. А когда Надежду пригласили к микрофону и спросили о ее планах, она сказала:

— Виктор Ильич считает, что 21 метр — это не фантастика.

С. БЛИЗНЮК

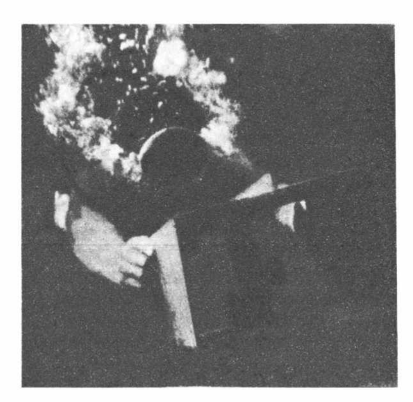
ЧЕЛОВЕК-РЫБА

Солнце в зените. Под водой много света, она на редкость прозрачна. Вокруг плавно парят медузы, стремительно проносятся стайки серебристых рыб. Доносится тихий необычный звук — это где-то далеко идет теплоход...

Я повисла в голубой толще воды, подо мной темнеет глубина, а над головой колышется зеркальная крыша волн. Проверяю еще раз готовность фотокамеры и жду. Из голубой дымки показалась фигура подводного пловца. Вытянув руки, аквалангист держит перед собой приборный столик, на нем — компас, лаг. Эти приборы помогают ориентироваться под водой.

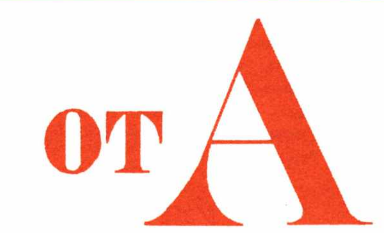
Человек, которого я снимала под водой,— замечательный спортсмен-аквалангист, мастер спорта Александр Тульк. Он один из ветеранов подводного спорта в нашей стране. Ему сорок лет, преподает физкультуру в одном из техникумов города Таллина. Среди его учеников немало перворазрядников и мастеров спорта. Имена его воспитанников Т. Карет, Б. Попова, П. Вайк, неоднократных призеров многих международных подводных соревнований, стали известны всему континенту.

На первенство Союза по подводному ориентированию прошлым летом Тульк привез команду Эстонии, а сам скромно решил выступить в личном зачете. Успех Тулька был сенсационным, он блестяще выполнил самое сложное упражнение — проплыл дистанцию с изменением курса без ориентиров за 9 минут 9,5 секунды, завоевал золотую медаль и почетный титул чемпиона СССР по подводному ориентированию. А недавно на III чемпионате Европы, который был проведен в Австрии, Тульк с рекордным временем — 8 минут 45,7 секунды — проплыл дистанцию 800 метров в акваланге, оставив позади молодого соперника — двукратного чемпиона Европы Сергея Тарасова. Так замечательный спортсмен стал чемпионом Европы 1969 года по скоростному подводному плаванию.

А. Тульк на дистанции.

Ольга ЖУКОВА

Марат ШИШИГИН,
директор издательства «Физкультура и спорт»

Еще никогда не наблюдали мы таких количественных и качественных изменений в нашем физкультурном движении. Оно расширилось, окрепло. Раскрылись двери сотен новых стадионов, бассейнов, спортивных залов. Значительно возрос выпуск и спортивной литературы. Широки планы нашего физкультурного издательства. Мы хотим рассказать читателю о том, что в основе всех этих изменений лежит огромная работа партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и физкультурных организаций. Коллективным рассказом об этом станет книга «Веление времени», которая выходит в свет в этом году.

Готовясь к столетию со дня рождения В. И. Ленина, мы поставили перед собой ряд серьезных творческих задач. С особым волнением и ответственностью мы работаем над ленинской темой.

Ленин, как известно, принимал непосредственное участие в разработке ряда декретов и постановлений Советского правительства, положивших организационное начало физкультурному движению. Учение Ленина о пролетарской культуре, о физическом воспитании как составной части коммунистического воспитания трудящихся стало идейно-теоретической основой развития советской физической культуры и спорта. Этим вопросам посвящена работа Г. Деметра «Владимир Ильич Ленин об охране здоровья трудящихся и физической культуре», которая выходит в свет к юбилею.

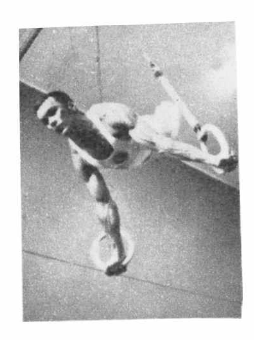
Высшей наградой нашего государства — орденом Ленина отмечена деятельность ряда выдающихся спортсменов и тренеров. О них будет рассказывать книга «Кавалеры ордена Ленина».

Николай Подвойский, один из соратников Ленина, является героем книги «Полпред здоровья». Читатель узнает, что Николай Подвойский был «первым физкультурником» — организатором и руководителем Всевобуча, заложившего организационные основы физкультурного движения.

Эта книга — одна из многих, которые объединены одной серией — «Сердца, отданные спорту». Выходит первая книга из этой серии — «Сталь и сердце», которую написал двукратный олимпийский чемпион по штанге Леонид Жаботинский. Над книгами этой серии работают замечательные наши фигуристы Л. Белоусова и О. Протопопов, двукратный чемпион Олимпийских игр боксер Б. Лагутин, выдающийся конькобежец Е. Гришин, рекордсмен мира по прыжкам в длину И. Тер-Ованесян и другие.

«Какая ты, Спортландия?». От А до Я по стране спорта Георгия Юрмина своеобразный букварь для детей, над которым мы с увлечением сейчас работаем. Но этим не ограничивается издание книг о спорте для семейного чтения. В этом году выходит вторым изданием книга «Физическая культура в семье». В ней рассказывается о физическом воспитании детей начиная с грудного возраста, но много полезного почерпнут для себя и родители. В будущем году мы начнем выпускать специальную библиотечку: «Родителям о физическом воспитании детей», «Советы начинающим», «Физкультура и здоровье», «Гимнастика для всех», «Учитесь плавать», «Спорт — детям». Но, кроме спортивных букварей, физкультурное издательство выпускает и серьезную учебную литературу, и именно это мы считаем главным направлением в нашей работе. Дело в том, что в нашей стране преподавателей и тренеров готовят 18 институтов физкультуры, 70 факультетов физического воспитания педагогических институтов и университетов, 22 техникума и 10 школ тренеров. Учебники и пособия для всех этих учебных заведений выпускает издательство «Физкультура и спорт».

Читатели ждут от нас увлекательных, умных, полезных книг о спорте — самых разных книг, как говорят, от А до Я, и мы стараемся оправдать эти ожидания.

Станислав ТОКАРЕВ

Здороваясь, Михаил Воронин обычно протягивает руку сжатой в кулак. Потому что видимся мы большей частью на тренировках и соревнованиях, и ладонь его, твердая от жердей, от турника, густо напудрена магнезией. Кистью его руки можно залюбоваться. Она велика — даже непропорциональна по отношению к сравнительно тонкой локтевой части, чем напоминает руку Давида работы Микеланджело, изваянную словно нарочно для пращи,— массивна и тяжела, мощной, грубоватой лепки, и отчетлива на ней тугая венозная ветвь.

Воронин смотрит в глаза собеседнику пристально, трезво, холодновато. Прежде чем ответить на вопрос, непременно делает паузу. Но впечатление, что он медленно мыслит, обманчиво. Его ответы четки, и он никогда не меняет высказанной точки зрения — его не собьешь. К цели размышления он идет кратчайшим и верным путем.

Стиль — это человек. Прославленная элегантность воронинского исполнения состоит в том, что текучие отрезки комбинаций у него почти идеально плавны, а неподвижные, статичные — подчеркнуто каменны, даже на долю мгновения больше, чем требуется, и в этом особая гимнастическая каллиграфичность, особое щегольство. Его талант — это умение включать ту или иную мышцу именно тогда, когда надо, ни на миг раньше или позже, и тратить усилий ровно столько, сколько необходимо, в аптекарской степени точности. Совершенство координации, совершенство темперамента. И коль скоро это так, то несложные движения производятся чисто автоматически, а исполнитель получает возможность по ходу дела продумывать следующие, наиболее сложные. Постоянно думать на ход вперед.

Ему сулили славу с первых шагов по помосту, и он быстро оправдал надежды. В девятнадцать лет попал на Токийскую олимпиаду, правда, запасным. Но роль запасного национальной сборной — это уже репутация. Запасной демонстрирует свою программу на судейском семинаре, и в случае удачи арбитры хранят на будущее благожелательную память о нем.

В двадцать лет Воронин стал чемпионом страны на кольцах, дважды подряд получив абсолютный балл — 10, что само по себе уникальное обстоятельство. А ведь судейскую бригаду возглавлял всемирно прославленный мастер и классик колец, могучий Альберт Азарян. Филигранному воронинскому выполнению оборотов на прямых руках вскоре стали подражать все гимнастические знаменитости.

В двадцать один год он абсолютный чемпион мира, самый юный за всю историю. Причем соперниками его были японцы, которые за шесть лет до этого ошеломительным броском ворвались на командные высоты мировой гимнастики. Японцы с их кошачьей легкостью, мягкостью и верткостью поистине непостижимой. Японцы, возглавляемые грозным Юкио Эндо, олимпийским чемпионом. Девять десятых отрыва от соперников имел Воронин — такого никогда не бывало. Президент Международной федерации Артур Гандер сравнил этого юношу сразу с двумя мастерами прошлого. «Элегантный, подобно Муратову,— сказал он,— и собранный, как Шахлин».

За три последующих года он дважды чемпион страны и дважды чемпион Европы. Он терпит поражение лишь раз — на олимпиаде в Мехико — и проигрывает кроху, каплю: пять сотых балла.

Таковы факты. Но снимем с них яркую обертку. Вглядимся пристальнее, чтобы понять, что почем в жизни Воронина.

В Дортмунде во время церемонии награждения нового чемпиона мира Воронин стоял на пьедестале, вскинув голову. Лицо — неподвижная маска, на которой были усталость, гордость и, кажется, печаль. Этот оттенок печали был едва уловим, и я подумал, что юноша просто старается соблюсти чемпионское достоинство. Я взял с судейского столика оценочную книжку — большой блокнот с цифрами баллов, которые судьи демонстрируют публике, да простит Международная федерация мою вину за давностью, и стал показывать Мише от края помоста оценку «10», стараясь его хоть немного развеселить. Но у него дрогнули лишь углы губ. Дрогнули, и только.

Он всегда был не совсем обычным мальчиком. Остается только догадываться, какие внешние или внутренние силы с детства воспитали в нем самодисциплину и умение не выказывать чувств. Да, он рос без отца, да, матери было трудно, и приходилось думать, не оставить ли Мише школу, не пойти ли на завод, а он так любил химию и геометрию! Любил мир линий и формул, мир точности. И пришел в мир точности и соразмерности и зашагал по его ступеням ровной и сдержанной походкой — лобастый строгий юноша, всегда выполняющий намеченный план.

Через полгода после Дортмунда у нас с ним был откровенный разговор. Он сказал, что срок занятий спортом положил себе до олимпиады 1972 года, не дольше. Предусмотрительность была в стиле юного рационалиста, я эту фразу запомнил, а о другой забыл, она же была важнее. Он жалел, что стал чемпионом слишком рано. Ему предстояло шесть лет доказывать право на титул...

Я забыл эту фразу, поскольку не оценил ее значения. А оно в том, что осенью 1966 года, став чемпионом, Михаил Воронин запретил себе проигрывать. Только побеждать — в любом турнире. Можно спорить, прав был он или нет, жестоко обрекая себя на постоянную предельную самоотдачу. Можно даже иронизировать над его максимализмом, над убежденностью, что титул поблекнет от малейшего срыва его обладателя. Можно жалеть подвижника. Но как бы то ни было, он решил. И не потому ли на пьедестале Дортмунда несколько печальным казалось его лицо, что с первой вершины он провидел маршрут траверза?

Геометрия есть поэзия мужской гимнастики. Вечный же конфликт ее состоит в противоречии между бесстрастием, необходимым исполнителю, чтобы выдерживать чертежную строгость комбинации, и его человеческими страстями. Выходя на помост, спортсмен как бы задает себе программу. Вспомните традиционную позу Шахлина перед началом выступления: как он стоял в глубокой задумчивости, отвернувшись от снаряда, склонив каменное, иссеченное могучими складками лицо. Это и было самопрограммирование.

Но четкость и выверенность выполнения программы зависят, естественно, от ее отрепетированности, и чем сложнее репертуар, тем больше требуется времени на обкатку. А времени, как правило, не хватает — хочется и, главное, необходимо придумывать новые элементы, новые трюки, иначе тебя обгонят. Значит, чистота, высокий класс твоих комбинаций еще не гарантируют тебе успех, потому что вдруг ты задержался в пути. А сложность не гарантирует тоже, потому что вдруг ты сорвешься на великолепной, но недоученной новинке.

Теперь оцените положение Воронина. Как признанный стилист гимнастики, он имел право лишь на филигранную работу. Как взыскательный художник, он предъявлял к этой филигранности высочайшие, порой просто невозможные требования. А как чемпион, запретивший себе проигрывать, он лишался возможности рисковать, потому что опробование — всегда риск.

Перед олимпиадой в Мехико Воронин побледнел и осунулся. Он предвидел силу японцев и чувствовал, что его собственная программа недостаточно сложна. Но он надеялся на первую ее часть, обязательную, где все равны в заданном рисунке, а его преимущество — четкость и элегантность. Здесь надо было создать отрыв от соперников. Но отрыв оказался слишком мал, и лучшим многоборцем стал Савао Като. Воронин, как он мне рассказывал, не

Улыбка лишь в первый миг победы. [Рядом с Ворониным его тренер Е. Корольков.]

БРЕМЯ ЧЕМПИО

верил в поражение до последней минуты. И после тоже не верил. Когда же осознал случившееся, стыдился показаться на улице Олимпийской деревни.

Почему же все-таки он потерпел поражение? Винить ли нам в этом судей, которые оценили выступление Като в 9,9, и это решило исход дела? Когда соперники равны, когда преимущество измеряется сотыми долями балла, в действие вступает фактор, не поддающийся учету: желание большинства судейской бригады, а может, даже одного-единственного судьи отдать победу тому или иному спортсмену. Като превосходно проделал вольные упражнения, но мог получить и 9,85 и 9,8, и во всех случаях опытный судья нашел бы оправдание оценке с помощью духа и буквы правил.

Но можно подойти к делу с другой стороны. Сам же Воронин допустил ошибку на своем последнем снаряде — коне. И был за нее наказан. Пусть так. Однако разберемся, случайна ли эта ошибка.

Есть в судействе любопытный, чисто психологический «закон наката». При всех равных гимнаст, выступающий в команде первым, чаще всего получает оценку ниже, чем, допустим, третий, а последний — наивысшую. Возможно, это потому, что арбитры привыкли к расстановке по нарастанию сил. Так вот, у японцев всегда и везде последним был Като. У нас же во время обязательной программы Воронин завершал выступление команды лишь в двух случаях из шести. Сколько он на этом потерял? Десятую наверняка, как минимум. А проиграл в итоге пять сотых. То есть стал жертвой тактического просчета...

Потом он стал чемпионом Европы. Он не мог им не стать — в нашей части света у него нет сейчас серьезных конкурентов. Но и тут при подготовке не обошлось без драмы.

Когда он вернулся из Мехико, среди тренеров пошел разговор — объективно вполне резонный, что с таким запасом сложности ему недолго оставаться среди лидеров. Он в ту пору, правда, вновь — и очень отчетливо, в привычном стиле — повторил мне свое кредо: «Пока не отшлифую элемент до блеска, в комбинацию вставлять не буду». Но незримое давление на него продолжалось, а Воронин даже при своем могучем характере все-таки человек.

И он дрогнул. Зная, понимая, что до чемпионата Европы не успеть, он бросился переделывать комбинации. То есть впервые сломал намеченный план. Правда, в этот момент был болен его тренер Евгений Корольков. Выйдя из больницы, Корольков сумел доказать Воронину, что программе необходим не лихорадочный косметический, а серьезный капитальный ремонт, что этот ремонт надобно отложить. Сумел, несмотря на угрозу ссоры, даже разрыва. Сумел, потому что и сам Воронин на сей раз не был уверен в себе. Теперь мы знаем, что Корольков оказался прав: Воронин смог победить даже без косметического ремонта программы.

Итак, решение отложено, проблема осталась. Чемпионат мира будет в Любляне, до него год с лишним. Воронин отчетливее, чем когда-либо, понимает, как дорого ему это время. Он сказал мне, что отдаст все, пойдет даже на риск. Как обычно, он предвидит на ход вперед. Все считают его главными соперниками Като и Накаяме, а он называет юного Цукахару, в манере которого сумел угадать близость к своему идеалу.

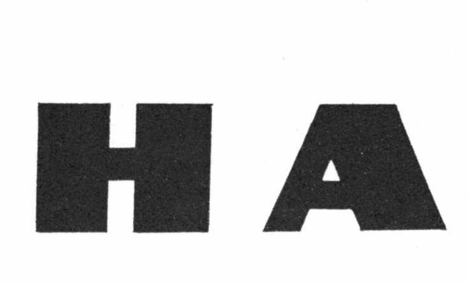
В спорте неведение легче знания. Во взгляде Воронина — ирония и грусть, признаки взрослости. Ему двадцать четыре, но если всмотреться, в короткой его стрижке заметишь первую соль седины. Его нынешнее стремление ввысь не назовешь простым честолюбием. Это — трезвое понимание своего долга, долга лидера гимнастической школы, которая дала миру Чукарина и Шахлина. Он наметил план, он знает, чего стоит план, и будет его выполнять.

Студент института физкультуры, он уже сейчас искоса наблюдает за тем, как неуклюже виснут на брусьях или перекладине голенастые мальчишки, не успевшие нагулять бицепсов и трицепсов, и думает о том, кто из них мог бы стать его учеником. Когда-то он говорил мне, что предпочел бы в будущем организационную работу, по части которой имеет кое-какие идеи. Сейчас передумал. Ему самому не свершить всего, что хотел бы. Человеческие возможности ограниченны. Он, Воронин, признанный мастер колец, его большие обороты, для которых потребна огромная сила рук и плеч, великолепны, но кто мог знать, что вот эти круглые мускулистые плечи от природы недостаточно подвижны и мышцы их начнут рваться? Да и не в этом только дело. Слишком высок гимнастический идеал Воронина, чтобы путь мог одолеть один Воронин,— сегодня у него просто потребность в последователях.

Вечный путешественник, он тоскует о семье, о матери, даже о том, например, чтобы вечером сыграть с бабкой в «дурачка». Но семья должна быть как семья, и когда его Зину, знаменитую гимнастку Зинаиду Воронину уговаривали не заводить ребенка, поскольку именно в этом году она запросто могла стать чемпионкой Европы, он стоял на своем и настоял, и ребенка ждут, а титулы, он считает,— дело второе, они не уйдут.

...Он висит — нет, парит на кольцах параллельно земле, раскинув руки, как птица крылья. А лицо от натуги наливается темной кровью, и вспухают жилы на висках и шее. Но взгляд устремлен вперед.

Я спросил, выбрал бы он снова гимнастику, если бы все начать сначала. Он ответил «да», не задумавшись. «Хотелось бы только,— прибавил,— не становиться чемпионом так рано». И все-таки выбрал бы. И потому, что он это мне ответил, я рискнул рассказать вам честно, не выбрасывая из песни ни слова, о бремени, которое несет чемпион. Я, правда, опасался: вдруг да этот рассказ напугает и оттолкнет от дверей гимнастического зала кого-то, кто только взялся за ручку. И вдруг этот кто-то мог бы стать да не станет учеником тренера Михаила Яковлевича Воронина? Но знаете, тот, кто испугается, кто пожелает более легкого пути, он спорту и не нужен. Сам-то Миша не струсил когда-то. И именно труд — не будем чураться этого слова — вел и ведет его от вершины к вершине. И орден, вознаградивший этот труд, так и называется — Трудовое Красное Знамя.

Allegro

Гу- -дит ве-сё-лый ста-ди-он, стар-ту-ют бе-гу-ны, и вот объ-яв-лен чемпи-он. При-зы по-де-ле-ны, И вот объ-яв-лен чемпи-он. При-зы по-де-ле-ны. -жит.

Ossia для 2-го, 5-го куплетов

Для повторения

Для окончания

poco rit.

А мог бы не бежать...

Слова Д. Костюрина.

Музыка М. Новохижина.

Обработка А. Паппе.

ШУТОЧНАЯ ПЕСНЯ

Гудит веселый стадион,
Стартуют бегуны,
И вот объявлен чемпион.
Призы поделены. } 2 раза

И слава в воздухе гремит
Горячим морем рук.
А тот последний все бежит
За кругом новый круг. } 2 раза

Хотя бы мог и не бежать:
Все решено и так.
Не перегнать и не догнать —
Остановись, чудак. } 2 раза

Теперь уже не будет вдруг,
Считай, не повезло,
А он бежит последний круг
И дышит тяжело. } 2 раза

На пьедестал по одному
Призерам путь открыт.
Я аплодирую ему,
Он все еще бежит. } 2 раза

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

5

Наконец опять поезд. Совсем другой, скрипящий, дергающийся всеми старыми суставами, и непривычные для московского слуха гудки паровоза.

И люди в вагоне другие. Их много. Лариса и Рая едва втиснулись на скамью. С одной стороны толстая женщина в цветастой косынке с аппетитом заедает брусочек мороженого бубликом, с другой — старичок то и дело заглядывает под сиденье; там у него в плетенке шевелится что-то живое, крольчата, что ли?

В вагоне многоголосый шум. В дальнем конце бренчит гитара. От сидящего напротив парня в комбинезоне попахивает соляркой и водочкой.

До Ларисы долетают обрывки, клочья разговоров.

— ...Этого, брат, голыми руками не возьмешь...

— Окунь на блесну не берет, ему первое дело червя!

Все перекрывает надорванный женский голос:

— Ты на алименты, на алименты подавай!

Тут уж никуда не уйдешь, так же как там, на станции, от воробьиного писка. А уйти надо: через два часа Зосимов и встреча. Непостижимая встреча...

Лариса закрыла глаза — пусть думают, что задремала. Оказалось, что везде и всегда можно остаться одной.

И она осталась. Опять возникло лицо, то самое, что не позволяла она себе видеть даже во сне... И уж, конечно, старалась не вспоминать... А сейчас она снова увидела это лицо таким, как в тот, последний раз: гневное и несчастное, взгляд то проникновенный, то неверный, скользящий, как она тогда подумала, нечистый.

Но белый смертный вихрь взрыва сразу же испепелил в ее памяти этот тягостный образ. И он исчез. А что же осталось? Ничего, кроме ужасного, кровавого и скорее всего непоправимого!

Только об этом нельзя, невозможно думать, лучше о другом. О самом лучшем, что было в ее жизни. Вспоминать...

Вспоминала кусками, словами, картинами. А если превратить в связное повествование — было так.

...Тогда она осталась совсем одна в старом дедовском доме. Пугливо слушала его скрипы и шорохи... Думала об отце то как о живом, то как об уже погибшем. Торопливо перебирала его рукописи, записки, книги. Не знала, что сжечь, а что увезти с собой в Москву и что продать. Вот этого она никогда не умела. А в маленьком южном городке найти покупателей особенно трудно. За бесценок продала японскую ширму с цаплями, мамину свадебную шкатулку, старый папин бинокль. Из книг купили совсем немного. Завтра должны увезти рояль.

Мало продала. Да и как продать? Ее уже сторонились.

Старушка, первая ее учительница музыки, встретившись на почте, кивнула так испуганно, что за нее стало стыдно. Хозяйка соседнего домика заявила, что теперь она молоко не продает.

Лариса поняла, что совсем одна и в доме и в городе. И во всей жизни одна...

Она это почувствовала еще в Москве, на платформе Казанского вокзала. Отцу было предложено незамедлительно выехать в Семипалатинск. И у вагона — ни одного знакомого лица. Проводить никто не пришел: ни друзья, ни ученики, ни просто знакомые.

Что он, старик, профессор, знаток литературы XIX века, будет там делать? Какая там, наверно, лютая зима, страшные метели, пыльный зной летом! И больное сердце и такое же, как у нее, безнадежное одиночество.

Приехала сюда попрощаться со старым дедовским домом, где они проводили каждое лето, ликвидировать маленькое хозяйство — и обратно в Москву. А там — будь что будет!

Последний вечер...

Вышла на веранду, села на ступеньку, глядела на темнеющий сад, стараясь ни о чем не думать.

Вот тут-то и лязгнула щеколда калитки, прохрустели шаги по гравию. В начале аллейки остановился незнакомый человек.

В сумерках рассмотрела — фуражка, гимнастерка, высокие сапоги.

Лариса заставила себя пойти навстречу.

Подошла еще ближе. Лицо? Не успела, не смогла разглядеть. Заметила только одно: смущен. Может, запоздалый покупатель?

— Вы ко мне?

Откозырял без щегольства, подчеркнуто почтительно. Звания не назвал, а просто:

— Зырянов Василий. Да, я к вам, Лариса Викентьевна.

В голосе — тоже волнение, неловкость.

— Вы по делу?

— По делу? Нет. Знаю, что вы распродаете вещи. Но я покупать ничего не собираюсь. Просто хотел побывать в этом саду, если позволите. А может быть, и в доме. Тоже, если позволите.

Удивительный посетитель!

Она молчала. Он заговорил с заметным затруднением:

— Прошлым летом я бывал здесь. За оградой, конечно. Слушал, как вы играли на рояле. И так, знаете, потянуло сюда...

Кто же он? Армейский сердцеед? Обстановка для похождения — лучше не придумаешь: пустой дом и одинокая девушка.

Пристальнее вгляделась в него. Ему можно дать и двадцать пять и тридцать. Лицо не суровое, но строгое. Взгляд сдержанный, внимательный. Такого не может быть у гарнизонного волокиты.

Она заметила, что уже идет рядом с ним к дому. У веранды остановились. Сели на верхнюю ступеньку.

— Я видел вас на вокзале четыре дня тому назад, вы только что приехали. Еще ничего не знал о вашем отце. И обо всем остальном... Узнал — и вот пришел.

Она сказала:

— А вы не боитесь? Ходить в этот дом опасно. Особенно вам, ведь вы военный.

Он ответил не сразу:

— Нет, Лариса Викентьевна, не боюсь.

Надо было бы что-то ответить, но слов не нашлось.

— Можно, я закурю? — попросил он.

Она кивнула. Огонек спички вспыхнул ярко. Увидела: чем-то похож на индейца, лицо — точно выточенное из темного дерева, черный блеск глаз и белый шрам, отсекший часть левой брови.

— А впрочем,— заговорил Зырянов,— впрочем, я сказал неправду. Боюсь, как и вы, конечно. Сразу этого сказать не мог. Боюсь. Хотя по всем уставам мне бояться и не положено. Думал о вас. И вообще о таком... И решил зайти. Если не кстати, то не обижусь, уйду.

— Не уходите,— ответила Лариса.— Только помолчим минутку: я подумаю.— Но почти тотчас же спросила: — Вы действительно летчик? Простой летчик?

Она не увидела, а услышала по голосу, что он улыбнулся. Первый раз с момента встречи.

— Так, так. Говорят, «воздушные извозчики». И еще — «гусары нашего времени». Этакие всеобщие обольстители с крылышками на петлицах.

Тут улыбнулась Лариса.

— Значит, вы исключение...

— ...Из общего правила? Не сказал бы. Не такое уж оно общее. Всякие у нас есть.

— Но все же я хотела бы знать...

— Анкетные данные? Можно. Год рождения — тысяча девятьсот десятый. Родом с Алтая. Из крестьян. Не женат. Под судом не был... Летчик. И действительно простой летчик,— снова усмехнулся он.— Однако бог с ней, с анкетой! Старики у нас еще теперь говорят: «Мы — из вольных казаков!»

— И вы тоже из «вольных»?

— Смотря что под этим понимать. Вопрос не простой.

Помолчали.

— Значит, росли вы в деревне,— первой начала она.

— Да.

— Там и учились?

— Начал там. Отцу помогал.

— Чем же?

— Чем мог. Отец крестьянствовал, на зверя ходил, да вдруг чуть ли не в толстовство ударился. Какие-то брошюрки раздобыл... Зато при колчаковщине здорово партизанил.

— Жив еще?

— Убили.

— На войне?

— Нет. Кулаки. Не доискались, кто. Многим

Продолжение. См. «Огонек» № 31.

он поперек горла стал. Селькорил, обличал. Вот и его они волчьей картечью в бок.

Ужасные какие слова — «волчьей картечью в бок»!

Посетитель, как видно, заметил ее невеселое молчание.

— В жизни, Лариса Викентьевна, всякое бывает. Сложная она штука. И все-таки занимательная... Разве не так?

Сидели молча.

Она боязливо подумала, что сейчас, как многие, обязательно возьмет ее руку. Однако он этого не сделал.

Совсем стемнело. Прибой как будто приблизился, острее запахло морем, пробежал короткий ветерок, и старый сад ответил ему мягким шелестом листвы.

Внезапно, впервые за все эти беспросветные дни, она увидела огромный мир, который живет и вечно будет жить...

Подумала и о жизни человека, что молча сидел рядом с ней. Почему он все-таки не побоялся и пришел сюда? Ответа не нашла, но сказала себе, что и она не должна бояться!

Уже вместе вошли в старый дом.

Пришлось зажечь свечу: в этом ничейном доме электричество отключили. Пляска огромных теней на стенах напомнила что-то детское, жутковатое, но и в этом была та же так неожиданно воскресшая жизнь.

Он несмело попросил ее сыграть. Когда она окончила прелюд Скрябина, заговорили не сразу.

— А вы завтра правда уедете? — тихо спросил он.

Она так же не сразу ответила:

— Если приедет этот... за роялем. Из коммунхоза.

Когда встала из-за рояля, он вместо того, чтобы поблагодарить или попрощаться, сказал запавшие ей в память слова:

— Мы еще не говорили о главном. О том, почему не надо бояться.

Она перебила:

— Знаю заранее, что вы скажете... Все к лучшему в этой занимательной жизни.

Не пыталась скрыть иронии, хотела, чтобы он ее почувствовал.

— Помните, что я летчик,— начал он сдержанно, суховато.— Так вот, когда испытывают машины, то проводят проверку на их совершенство.

Он как-то особенно произнес это последнее слово.

— Испытывают? Значит, в них есть недостатки?

— Их не может не быть,—ответил он твердо.

— А катастрофы, а жертвы? Разве я не одна из них? Поломка в моторе, просчет конструктора — и вниз... Да что я! Вот мой отец. И цель полета он знал и стремился к ней. Почему же с ним...

Она отвернулась, скрыла слезы. Он приблизился к ней и протянул руку, но сделал это совсем иначе, чем могло быть.

— И все же бояться не надо, несмотря ни на что. Допустим, я или вы разобьемся. Но и это послужит... ну, скажем, развитию авиации. Исследуют обломки и построят машину еще более совершенную. Только, конечно, надо сделать все, чтобы не было ни аварий, ни жертв! Ска́жете, банально, общее место?

Она не знала, что ответить, так спокойно и добро звучал его голос.

— Только разве все общие места банальны? В конце концов сама правда может показаться общим местом, банальностью. Верно? — Он пристально взглянул на нее.

— Да... так еще запутаешься...— Голос ее против воли прозвучал жалобно.

— Вот это вы очень хорошо сказали!

Они рассмеялись, смех окончательно растопил то, что стояло между ними.

— Василий Андреевич, а вы хотите быть совершенным? — улыбаясь, спросила она.

— Хочу,— серьезно ответил он.

Ей пришлось приподняться на носках, чтобы дотронуться до его рассеченной брови.

— А... ваш самолет когда-нибудь разбивался? Вы падали? Тут не от этого след?

— Падал,— ответил он, не двигаясь, точно продлевая ее прикосновение.— Только эта царапина у меня с детства. Лазил по деревьям, вот один сук и оказался не совсем... совершенным.

— Могли бы и совсем разбиться.

Он усмехнулся:

— Разбиться? Ну, нет! Мальчишки — народец небьющийся!

Он стал ближе, понятнее и еще нужнее. В детстве она сама лазила по деревьям, и взрослые со всегдашним скучным весельем называли ее «атаман-разбойник».

...За пыльным окном вагона что-то затарахтело. Замелькали ржавые фермы бесконечного, как показалось, моста. Этот мертвый грохот заставил ее оглядеться. Пассажиров стало меньше, исчез и старичок с кроликами и парень.

— Может, вам покушать, Лариса Викентьевна? Остановка сейчас большая, с буфетом, я сбегаю.— Раины голубые глаза тревожно и попрежнему как бы виновато смотрели на нее.

Муся... Мусю напомнил этот голубой взгляд... Мелькнула мысль, что все еще можно изменить. Еще не поздно вернуться, спокойно встретить мужа, а завтра поговорить с директором школы о Мусе. Главное же — не увидеть того, что предстояло увидеть и что было немыслимо, страшно!

А поезд гремел и гремел — упорно, бесстрастно, деловито.

Снова надо было, сделав мучительное усилие, уйти от этого деловитого грохота в иное, совсем иное.

...Рояль не увезли: завкоммунхозом прислал сказать, что все подводы заняты на уборочной. Теперь это было все равно. День сиял для нее уже по-иному!

Он снова пришел. Раньше, чем вчера: солнце еще освещало верхушки с детства любимого, заповедного тополя.

Не таким был и он сам. Теперь уже совсем не загадочный, не философствующий. Заговорил о будничном, обыденном, о том, что отпуск ему продлен, но в любой час могут срочно вызвать в авиачасть, потом объяснил, почему каждый свой отпуск проводит в этом приморском городке.

— Здесь брат мой старший служит. В рыбнадзоре. Приезжаю, помогаю ему помаленьку. Здоровье у него неважное, да и семья. А дело милое: охрана природы...

Запомнились, потом много лет не забывались его слова:

— Вас ведь, Лариса Викентьевна, я и раньше здесь видел. Вы-то меня, конечно, не примечали. Много народу вокруг вас вертелось. Особенно один молодой человек выделялся. Этакий кудрявенький...

Лариса подумала, рассмеялась.

— Это, наверно, Гриша Дьяченко. Он к папе приезжал. Ну и что ж, что кудрявенький?.. Разве плохо?

Он не ответил.

Слушателя курсов для периферийных культработников Гришу Дьяченко отец, читавший там лекции по русской литературе XIX века, ввел в дом как представителя одаренной молодежи из народа. Заботливо приглядывался к первым творческим опытам молодого человека, возлагал на него надежды.

Упований отца Лариса не разделяла. Посмеиваясь, декламировала строки из антиалкогольных «куплетов» румяного периферийца. Пародировала: «На столе — самогон, а добро из хаты — вон...»

Думала ли она тогда, что этот паренек со временем научится уверенно носить корректные костюмы, с достоинством держаться на официальных приемах и, наконец, даже примет участие в каких-то смелых новаторских начинаниях? И уж, конечно, меньше всего могла она представить его своим мужем!

Действительно, мало ли их вертелось вокруг нее? Гвоздецкий грозил самоубийством, Шапиро — тот даже улетел в Арктику... Уж не говоря о Вите Носове или о том же Дьяченко!

Она испытующе взглянула на Зырянова. Смуглое его лицо показалось ей слишком спокойным.

— А ваш брат, он что... по рыбе? — спросила.

И ответ его ей показался излишне деловитым.

— В рыбнадзоре,— уточнил Зырянов.— Дело это нужное — рыбнадзор.

— А разве за тюлькой тоже... надзирают? Он как бы не уловил насмешки.

— Чтобы ловили по правилам. Без браконьерства.

И начал рассказывать о сезонах лова, о дозволенных размерах ячеек в сетях, о разбивке моря на участки, о повадках разной рыбы, в том числе и тюльки...

Она слушала и не слышала все эти подробности. Для нее лишь звучали повышения и понижения его голоса да поблескивали черные, косоватого разреза глаза. Нет, совсем не так звучали голоса других, да и не такими были эти люди.

Год назад она была влюблена в одного очень красивого киноартиста. Купила его фотографию, наконец удалось познакомиться. Она не запомнила ни одного слова, ни одной фразы из тех, что он с умелым волнением говорил ей... Хорошо говорил и грозивший самоубийством Гвоздецкий. Все это скользнуло мимо, не затрагивая, не убеждая. А тут что-то о тюльке, о каких-то ячейках, об участках. А она не может двинуться и все смотрит, смотрит на чужого, в сущности, человека.

Вдруг сквозь странное это созерцание дошли слова:

— ...А давайте зайдем-ка завтра к брательнику. Он лучше моего расскажет.

Слово «брательник» ей не понравилось. Даже покоробило. Но через несколько дней побывали у него.

У Тихона Андреевича оказалось как будто тоже индейское лицо, только нос не с горбинкой, не Монтигомо Ястребиного Когтя, а грубой редькой. И весь он был рыжеватый. Откуда-то повысыпало множество таких же рыжеватых ребят, а жена была чернявая, похожая на старающую цыганку. Зато как радушно ее приняли! Как угощали! А главное — ни слова о ее беде с отцом или жалостливого: «Как же вы теперь-то одна?»

Что это? Василий... Василий Андреевич их предупредил? Ведь это его — «не надо бояться»?

С ней, с Ларисой, чокались особенно почтительно. Мелькнула несуразная мысль: «А вдруг закричат «горько»? Бог знает что!.. Какая нелепость в голову лезет!» И вдруг стало ясно: во всем этом семейном пиршестве, в том, что ее усадили во главу стола — рядом с Василием, есть что-то наивно-обрядовое, хитроватое и благожелательное...

За столом запели. Конечно, «Из-за острова на стрежень» и «Эй, баргузин, пошевеливай вал».

Когда уже поздно вечером шли к ее дому, она спросила:

— Это вы все нарочно подстроили?

Сначала он не понял:

— Как это подстроил?

— Хотя бы для того, чтобы доказать, почему не надо бояться.

Он пожал плечами.

— Знаете, если бы я был таким режиссером...

Не кончил, махнул рукой, засмеялся... И она сразу поверила, что все это получилось само собой, непроизвольно и было до конца искренне и правдиво. Правдиво, как он сам...

Когда она прикоснулась к кольцу калитки, метнулась тревожная мысль: «А вдруг сейчас уйдет?» Тогда — скрипы и шорохи в пустых комнатах, бессонница и видения: то вывозят на веранду умирающую мать, то шагает по скрипучим половицам и, как все это последнее лето, о чем-то неотвязном думает, думает отец...

Василий не ушел. Огарок желто и убого осветил комнату, и в потолок уперлись две тени.

Но ведь все равно уйдет. Промелькнет часдругой — и он уйдет!

И почему молчит? И она тоже? Ему нечего сказать? А ей?

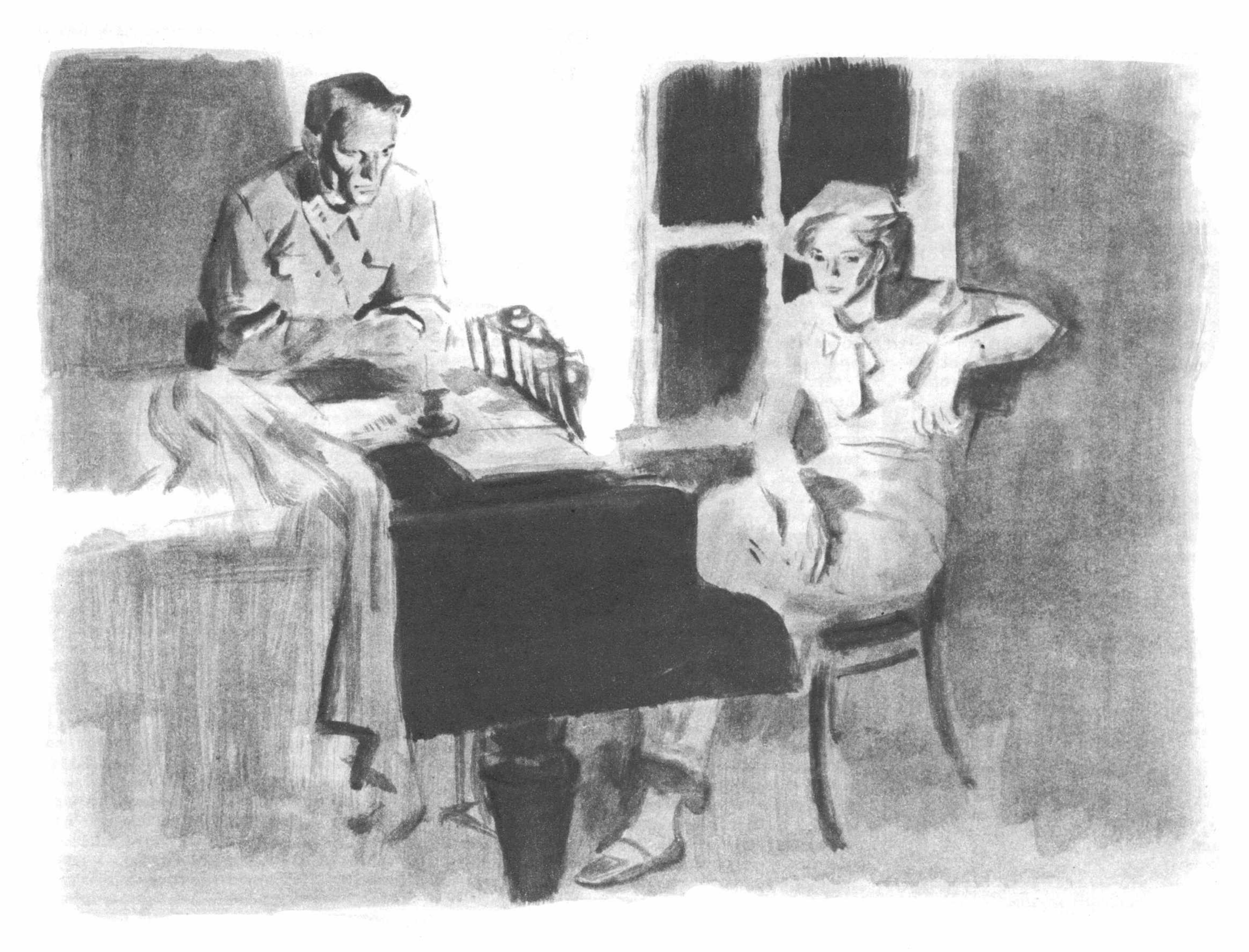
Он прервал молчание. Почуяла: голос изменился, это оттого, что говорит нарочно и не то...

— А свет я завтра включу. Черт с ним, с коммунхозом! Залезу на столб, соединю провода — и все!

Она испугалась:

— Что вы!

— И обязательно завтра, не откладывая...— упрямо повторил он.— Ведь меня в любой день могут вызвать туда, в часть.

Она не двинулась, молчала. Он заговорил — и опять каким-то новым голосом:

— И вообще надо успеть сказать вам все... Когда я увидел вас прошлым летом... во мне началось.... такое...

Он оборвал. Словно понял, что больше ничего говорить не надо.

Огарок, мигнув в последний раз, потух.

— У вас есть фонарик? — спросила она.— Электрический?

— Есть.

Кружок голубоватого неяркого света скользнул по ней. Она сказала неуверенно:

— Поздно. Там подумают....

— А они и так думают,— прошептал он.

Брат, «брательник»... баргузин... Неуклюжий штатский костюм, который почему-то сегодня на нем... И все равно. Нет, не все равно, а именно так и нужно. Только он. Потому что он — такой.

— Я никуда не уйду,— тихо, но внятно сказал он.

Так кончилась старая жизнь старого дома.

...Незадолго до рассвета, еще раз прикоснувшись к его груди, как бы проверяя, не почудилась ли ей глубокая, точно грубо обнесенная веревкой впадина у плеча, она решилась наконец спросить:

— А это тоже оттого, что падал с... дерева?

Он помедлил и ответил одним словом, его значение она поняла не сразу:

— Гвадалахара.

Потом скупо пояснил: гостинец от Франко. Осколком угораздило. Но об этом не стоит...

Больше не расспрашивала. Но всегда, даже не прикасаясь, чувствовала эту впадину — она точно светилась ей в темноте...

6

Новая жизнь началась весело...

Утром, часу в девятом, длинные, звонкие дроги остановились у калитки. Как, наверное, удивился коммунхозный извозчик, когда известный всему городу Василий Зырянов спокойно заявил, что рояль не продается. «И никогда не будет».

Как смешно изобразил он потом выражение лица возницы!

Так начались лучшие недели их жизни...

О вызове Василия в его часть не думалось. Говорили не об этом, а что будет после. Он уедет в свою часть, в далекую Сибирь, она — пока в Москву, надо уладить свои дела. Прежде всего договориться в консерватории о годичном отпуске «по семейным обстоятельствам». Как ей нравилось выговаривать эти веские слова: по семейным обстоятельствам. Он тем временем подготовит все к ее приезду: в их авиагородке семейным дают отдельные двухкомнатные коттеджики.

Говорили, что вместе — навсегда. Произносили это слово, как само собой разумеющееся,— без уверений, клятв, потому что оба верили. Обещали только одно: никогда и ни в чем друг другу не лгать. Правду, всегда только правду!

— И если ты разлюбишь...— начала было она.

Он посмотрел на нее так, что она долго не могла этот взгляд забыть.

Он старался появляться с ней в самых людных местах, там, где обычно прогуливались обитатели городка,— чаще всего на набережной. Под любопытными и недоумевающими взглядами спокойно и гордо шел с ней под руку.

Вскоре с ней снова начали приветливо раскланиваться, потом навестила старая учительница, а соседка сама предложила брать у нее молоко.

Порой она исподтишка всматривалась в лицо человека, который вернул ее к жизни. Можно было по-разному оценить его необычное смуглое лицо. И еще эта усеченная бровь...

Она открыла в нем очень для себя важное: оказывается, он понимал такое, что показалось бы сущей нелепицей любому из настоящих взрослых людей.

Когда она впервые сказала ему, что ей с ними скучно, что надо притворяться, он сначала понял буквально и удивился:

— Да ведь тебе самой уже скоро двадцать лет!

Потом подумал, тряхнул головой и, вздохнув, сказал, что верно, много на свете всякой почтенной нудьги.

Ей так понравилось это словечко — «нудьга»... Да, он все понимал! Случалось, и добавлял что-то свое, меткое и свежее...

Только иногда, как ей казалось, в нем прорывалась излишняя прямолинейность, угловатость, что ли.

Слушал ее игру, забившись где потемнее, и, хотя называл себя музыкальным профаном, бывал заметно взволнован. Особенно любил «Песню Сольвейг».

Когда же она призналась, что собирается посвятить музыке всю свою жизнь, спросил неожиданно:

— А талант у тебя есть?

Сразу же поняв, что «ляпнул», спохватился, даже покраснел...

Хотел поправиться:

— Ну, большой талант...

Снова оборвал.

Она было обиделась, но, взглянув на его смятенное лицо, расхохоталась. Вскоре «А талант у тебя есть?» стало их обычной шуткой. «Нарежь, Лариса, хлеб». «А талант у меня есть?» И оба смеялись...

Они так много смеялись в это необыкновенное время!

Телеграмма с вызовом в часть пришла в середине октября.

Последние его слова на вокзале были: «Ненадолго»,— и чуть слышно: «А люблю — навсегда».

Вместе ответа при всех, кто был на вокзале, она его поцеловала.

Какие письма почти ежедневно приходили к ней из его загадочной части!

Наивно, но он стал звать ее к себе чуть ли не в первом же письме. Писал, что товарищ обещал уступить ему с женой отдельную комнату, что начальство не возражает — там он сразу же по приезде обо всем доложил. Особенно укрепило ее это военное, мужское «доложил».

В Москве те немногие, кто еще заглядывал в их опустевшую пыльную квартиру, открыто удивлялись, что она не только спокойна, но как бы горда. Впоследствии утверждали, будто уже тогда ей было известно, что с отцом все обойдется благополучно.

Вскоре на почтамте, сама еще не веря радостным этим словам, она телеграфировала «Зырянову В. А.», что отцу разрешили преподавать литературу в Семипалатинском педтехникуме, есть надежда и на скорое его возвращение в Москву. Ответ был тоже телеграфный: «Рад, жду твоего возвращения ко мне».

Этот со временем пожелтевший телеграфный бланк она берегла долго, очень долго.

Московская ее жизнь тоже изменилась. Теперь уже не некоторые, а многие посещали их большую квартиру. Снова возникшая тетя Вера перетрясла и торжественно вывесила штофные драпри; постоянный их полотер с блеском натер полы, и замелькали подружки. В их числе была и Иза, ее уже тогда пророческие глаза сияли прежней дружбой. Все увенчала корзина цветов от Гвоздецкого. А несколько позднее появился и «кудрявенький» Гриша Дьяченко. Он преподнес нечто более прозаическое, но по-своему трогательное — горлачик с медом.

Объяснил, что вернулся только что от своих из Чугуева, был серьезно болен отец, теперь ему ничего, полегчало... Потом пришлось старику кое в чем помогать на овощной базе, где его недавно выдвинули в заведующие.

В те дни она снова вынула главное свое платье. Захотелось и в театр, и на концерт, и даже потанцевать!

А голос оттуда становился все настойчивей, все напряженней.

Он вспоминал все-все: и как дотронулась до шрама, и как осветил ее фонариком, и как для него играла, и как на вокзале при всех поцеловала...

Писал даже о том, что «для теплоты» взял к себе и поселил в унте желтоглазого, одинокого лисенка, гладит его по спинке... «И все же это не то... Понимаешь, совсем не то!»

Она писала реже, упиваясь втихомолку его тоской. Когда же писала, обдумывала каждую фразу. Старалась, чтобы было пооригинальнее, по-своему, чтоб и следа не было от общепринятой «почтенной нудьги»...

* * *

Лариса Викентьевна не сразу поняла, что это за усатый мужчина стоит перед ней.

— Ваш билет,— с профессиональной настойчивостью повторили усы, видимо, все еще не веря, что столь приличная гражданка может ехать зайцем. Торопясь, она сунула билет, и контролер, как всегда, приятно отщелкнул.

Чтобы не включаться в жизнь вагона и вообще ни в какую иную жизнь, кроме той, которая была ей сейчас нужна, Лариса Викентьевна снова закрыла глаза.

...Почуяв, что в жизни назревает какое-то важное и скорее всего нежелательное событие, тетя Вера старалась ее удержать «хотя бы до папиного возвращения»!

И снова замелькали концерты, лекции, спектакли, вечеринки...

Но однажды, точно очнувшись от пестрого, бестолкового и все же утомительного сна, она села к отцовскому письменному столу и написала самые простые слова: что любит, очень любит, что выезжает немедленно, даже не дожидаясь возвращения отца, даже не договорившись в консерватории. С каким радостным облегчением опустила она это письмо в ближайший почтовый ящик!

Если бы только знала, что другое письмо уже идет к ней. В тот день выпал первый снежок, и в их арбатских переулках поголубело и запахло не то свежим бельем, не то арбузом.

Она шла по белому покрову и думала, какое бы еще найти сравнение, чтобы потом написать, а лучше всего уже лично сказать ему.

Но потом уже не было...

Это поголубевшее, первозданное, чистое обернулось тем страшным, кроваво-развороченным, к чему с каждым поворотом колес она становилась все ближе и ближе.

Как же это? Почему случилось? С чего началось?

За окном замелькали строения, а под вагоном жестко затарахтело, точно поезд пошел по костям.

— К Зосимову подъезжаем,— тихо сказала Рая.

Продолжение следует.

ДВИЖЕНИЕ СВЕТА

Осип КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШИЙ ЭПИТЕТ

Я новые эпитеты ищу,
Чтобы природы выразить величье.
Не нахожу и мучаюсь,
грущу.
И не прощу себе
косноязычья.
Певцы былых эпох,
я думаю о вас,
Завидую поэтам,
кто впервые
На небеса взглянул
и в первый раз
Придумал им эпитет: голубые.

●

ЧУДО

Смотрю
и любуюсь на чудо
Березки,
еще не одетой,
Чей ствол удивительно чуток
К малейшим движениям
света.
Как будто
одним дуновеньем,
В пространстве —
воздушно и плоско —
Волшебным
одним мановеньем
Написана
эта березка...

ЧАС ТВОЙ ПРИШЕЛ...

Бывает, лиловый от ливней большак
С весенней травой гармонирует так...

Бывает, что лес под берез кисеей
Исполнен такой несказанной красой...

Бывает, так ивы прозрачно нежны
В одежде из воздуха и тишины...

Бывает, оттенков таких облака,
Бывает, подруги ладонь так легка...

Бывает, так сердце колотится вдруг
От прикосновения маленьких рук...

Что словом и цветом не выразишь зримое...
Час твой пришел,
невыразимое!

●

ВЕНЕЦ

Люблю березы прямоствольность
И кривизну люблю в ольхе,
Как поэтическую вольность
Ценю
в размеренном стихе.
В стволе изогнутом
я вижу
Сопротивление судьбе.
Тянулось дерево все выше,
Тащило беды на себе.
Но, вынеся все испытанья,
Оно достигло
синевы
И поднимает
в мирозданье
Венец ликующей листвы.

СЕРЬЕЗНОСТЬ ЛЮБВИ

Разлилась весенняя Ока. Прокричали гуси где-то. Хорошо в такую ночь послушать разговор случайный у костра и, ничем покоя не нарушив, просидеть до самого утра. Не шуми осокою, озеро лесное.

Я думаю, простит меня читатель, что не беру в привычные кавычки строки, взятые из разных стихов одного поэта, что превращаю их как бы в прозу. Верю, что простит меня за это и их автор, мой старший товарищ, скромный, удивительно скромный русский человек поэт Иван Петрович Бауков.

Я глубоко уверен, что истинная, идущая из глубины доброго сердца поэзия всегда останется поэзией, и ничем другим.

Один из моих товарищей както воскликнул: «Как, неужели Баукову шестьдесят?! Это явная ошибка в паспорте». В паспортах, правда, редко, но тоже бывают ошибки. И вообще-то неплохо на самом деле сбросить с себя годков двадцать. Но ошибки в паспорте Ивана Баукова нет. Есть точная, подтвержденная всей жизнью дата рождения — 5 августа 1909 года.

Я сказал: подтвержденная всей жизнью, потому что рязанский паренек, окончив начальную школу, стал работать в сельской кузнице, помогая отцу-кузнецу; 1930 год — чернорабочий на Днепрострое; потом — слесарь; студент Запорожского металлургического техникума. И снова работа на заводе, теперь уже высококвалифицированным специалистом; 1936 год — Литературный институт имени А. М. Горького... Иван Бауков поступает туда по рекомендации замечательного советского поэта Владимира Луговского: «Серьезность его любви к Родине, к «ленинскому веку», к друзьям и соратникам в работе, в жизни, в труде и радостях — все это привлекает наши симпатии к лирику Ивану Баукову, который так бережно и с такой хорошей чуткостью хранит в своем сердце самое достойное и ценное, самое трогательное и ясное». Вот эта «серьезность любви», так метко и точно замеченная Владимиром Луговским, не оставляет Ивана Баукова и по сей день.

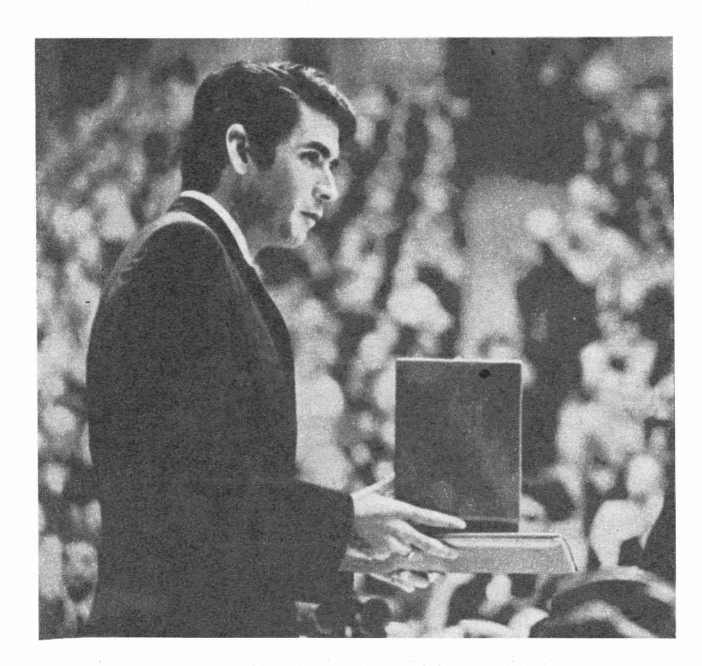
Она ведет его добровольцем на войну с белофиннами. Она возвращает его к труду, и снова, опять же добровольно, поэт защищает свою любовь на фронтах Отечественной. Солдатом он остается в каждом своем фронтовом стихотворении, удивительно добрым, чистым и каким-то до слез трогательным, любящим все живое, сыном своей земли. Его военная поэзия — поэзия солдата, защищающего свои и чужие мирные края, она мужественна, честна и непреклонна. Но это еще и поэзия, ведущая на войне войну против войны. Это думы мирного человека, привыкшего растить детей, хлеб, привыкшего созидать и строить. И где бы ни был поэт — всегда и везде несет он с собой память и любовь о самом дорогом, самом священном — о России.

Тонкий лирик, Иван Бауков светло и нежно пишет о родном. Но тем же светом серьезной любви озарены строки и о землях, по которым пришлось ему пройти...

За плечами шестьдесят. Шестьдесят — полных тревог, боев, большого труда, доброты, истинно русской скромности и стихов, проникновенных, чистых, идущих из глубин его молодого сердца, полных серьезной любви к самому дорогому, что есть у нас,— матери Родине.

Юрий СБИТНЕВ

ТРИ ЛЮСИИ ОДНОГО ФИЛЬМА

Этот темноволосый юноша — Умберто Солас — один из самых молодых кинорежиссеров Кубы, самой молодой социалистической страны. В руках Умберто — золотой приз VI Международного кинофестиваля в Москве, присужденный фильму «Люсия».

Люди, еще незнакомые с фильмом, могут спросить: почему же получила оценку столь высокую первая работа Соласа? На чем единодушно сошлись члены Большого жюри, представлявшие, как известно, на фестивале вкусы и взгляды самые разные?..

Кубинская картина, которую создал Умберто Солас, явление в полном смысле слова незаурядное. Прежде всего она привлекает глубиной и значительностью темы, обращением не к пустым, развлекательным сюжетам, а к наиболее важному, святому в жизни народа — истории его долголетней и упорной борьбы за освобождение.

Великая борьба Кубы получает в трех новеллах, составляющих фильм, живое образное выражение, наполняясь не только ощущением своеобразия сменяющихся эпох, но, что гораздо важнее, ощущением неистребимого свободолюбия, несгибаемой воли к победе как главной черты национального характера.

Героини трех новелл — три Люсии; каждая из них имеет свою собственную судьбу.

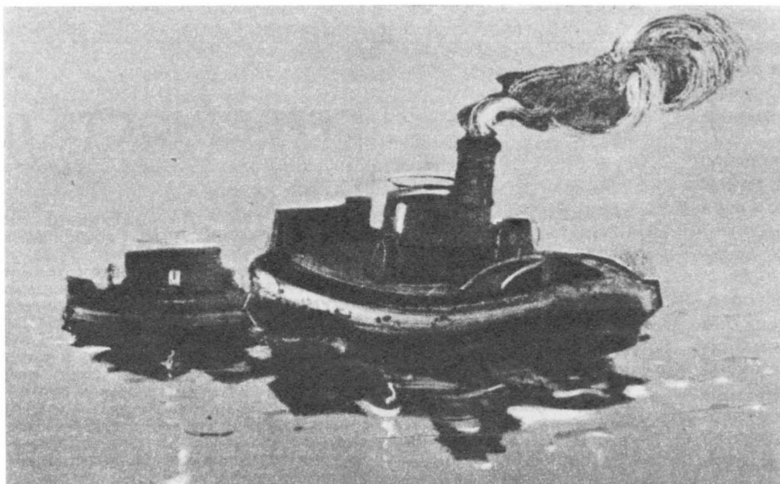
Актриса Ракэль Ревуэльта — ее Люсия начинает рассказ о событиях почти вековой давности — появляется перед нами в обстоятельствах, быть может, наиболее драматических. Она предстает невольной участницей борьбы кубинцев против испанских захватчиков: брат Люсии в рядах патриотов, а человек, которого она полюбила, оказался негодяем и предателем. Долг и честь, преклонение перед правым делом народа и ужас перед изменой — все чувства, раздирающие сердце Люсии,— крупно, сильно переданы Ракэль Ревуэльта.

Вторая Люсия — ее играет киноактриса Эслинда Нуньес — живет в эпоху борьбы Кубы против диктатуры Мачадо. Эта девушка тоже как бы против своей воли оказывается втянутой в круговорот событий, сотрясающих страну; родители ее — люди, далекие от политики, занятые мелкими делами. Такая же участь ждала и Люсию. Но она полюбила революционера Альдо. И вот мы уже видим героиню второй новеллы в рядах демонстрантов, протестующих против бесправия, против кровавых диктаторских порядков.

И вот, наконец, фильм знакомит нас с третьей Люсией. В исполнении артистки Аделы Легра это живая и славная девушка, наша современница. Люсия, которую показывает нам А. Легра, полна сил и энергии, но она, увы, неграмотна. Первейший долг ее — стать человеком, нужным своему народу, своей родине, человеком образованным. Но, оказывается, и тут возникают драматические обстоятельства. Муж Люсии — ревнивец Томас — не согласен, чтоб Люсию учил молодой, красивый парень. Между супругами возникают ссоры, назревает разлад. Люсия не может смириться с домашней деспотией, когда кругом торжествует победа новых, революционных нравов, и она — с большим юмором и столь же большой экспрессией — доказывает свою правоту...

...Зрители аплодировали фильму. А надо сказать, что на фестивале это случалось не так уж часто.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Ю. Рогозин.
БУКСИР.
Автолитография.

Увлеченность

«В дозор. Памир»—эта акварель, помещенная на вкладке, не только рассказывает, как на высокогорных тропах Крыши мира несут трудную вахту советские пограничники,— она говорит об увлеченности человека любимым делом...

Юрий Рогозин, цветокорректор офсетного цеха типографии «Правда», рисовать начал с тех пор, как себя помнит. А потом, уже учась в школе, Юра посещал сразу две детские художественные студии. Расстаться с рисованием хотя бы на день казалось мальчику невозможным. Но грянула война, и 15-летний подросток, оставив школьную скамью, пошел работать в цех цинкографии газеты «Правда». Сначала был пробистом, но уже несколько недель спустя стал гравером. Пригодились и природные способности к рисованию и навыки, полученные у педагогов в студиях. Зимой, в самом начале 1942 года, Юру послали на лесозаготовки под Истру — на трудовой фронт. А вскоре он добровольцем уходит в армию на настоящий фронт. Там парню исполнилось семнадцать...

Через Белоруссию, Литву, Польшу дошел Юрий Рогозин боевыми дорогами до предместий Берлина, где и встретил Победу.

И вот снова родной цех. И, конечно, снова художественная студия. Теперь уже при Доме культуры «Правда», где Рогозин—один из одареннейших и увлеченных любимым делом учеников Павла Шолохова, который, в свою очередь, занимался у замечательного живописца А. Е. Архипова. Окончил Рогозин еще и трехгодичную студию при журнале «Крокодил» под руководством К. Елисеева и Е. Шукаева.

С той поры каждое лето у Юрия Ивановича не просто отпуск — отпуск творческий. С этюдником и альбомом исходил художник-рабочий не один десяток километров. И из каждой поездки возвращается он в Москву с рисунками, акварелями, набросками. На них запечатлены Средняя Азия и Заполярье, Памир и Подмосковье, Алтай и Карелия, старый Таллин и исторические места Красной Пресни... Свободно владея цветом, линией, композицией, Юрий Рогозин точно улавливает особенные, неповторимые черты и краски каждого края. Глядя на листы его акварелей, мы узнаем окаймленные стрельчатыми елями северные озера и прихотливо извивающиеся среди прозрачной весенней зелени подмосковные речонки и сразу отличаем лазурное прокаленное небо Азии от мглистого, свинцово-серого северного горизонта. Не приходится удивляться, что выставки работ Юрия Рогозина пользуются большим успехом. И не только у его товарищей-правдистов. Его работы — живопись, графика — экспонировались на выставке молодых художников Москвы и Московской области, на выставках «Защитникам Москвы посвящается», «На страже границ» и других. А в 1967 году Ю. Рогозин стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельных художников. Сейчас он кандидат в члены Союза художников СССР.

В нынешний свой отпуск Юрий Рогозин побывал в Сибири, проехал через тамошние ленинские места по маршруту Абакан — Минусинск — Шушенское. Привез, как всегда, богатейший натурный материал. И к великой дате — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина — у рабочего-художника будет готова целая серия работ, посвященных Ильичу.

Е. СТЕПАНОВА

Ю. Рогозин (Москва). В ДОЗОР. ПАМИР.

Н. Виноградова. РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ.

Женский костюм Орловской губернии. Конец XIX века.

Праздничный девичий костюм Архангельской губернии. XIX век.

Девичий костюм Архангельской губернии. Конец XIX века.

Женский костюм Тамбовской губернии. Начало XX века.

Русский северный костюм. XIX век.

Женский костюм Тульской губернии. Начало XX века.

Женский костюм Рязанской губернии. Начало XX века.

Девичий костюм Воронежской губернии. Конец XIX века.

Женский костюм Воронежской губернии. Конец XIX века.

Соцветия фантазии

Валентин ЩЕРБАКОВ

И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

«Осенняя воля».
А. Блок

Вокруг Архангельска и на Терском берегу Белого моря, под Новгородом и на Вологодчине да и во всех губерниях, что севернее, западнее и восточнее Москвы, почти до наших дней сохранился длинный и изящный цветной сарафан.

Для работы на дому по хозяйству, для труда в поле, в лесу, для веселья на праздниках, чтоб плясать, петь, «стоять в столбах» или строить хороводы-«круги», как это умеют еще и сейчас на русском Севере, женщины шили для себя нарядную одежду.

Северорусские женщины надевали белые длинные рубахи из белого холста, кисеи и шелка, а поверх — бархатные, шелковые или парчовые сарафаны с яркими пуговицами в петлях, позументом и разноцветными лентами. Молодые оставляли голову и косу непокрытыми. А прямоугольный головной убор или убор в виде ажурного венца-полумесяца украшали они бусами, жемчугом, разноцветными стеклами и позументом. На затылке девушки скрепляли уборы широкими лентами. У замужних узорчатый кокошник или расшитая сорочка полностью закрывали волосы, а поверх надевали они еще и нарядные платки.

Хороводы и обрядовые танцы были самыми любимыми праздничными действами в северорусских селах. Выйдут девушки на широкий зеленый луг и, молча растянувшись цепочками на целую версту, начнут то сходиться, то расходиться, переходя друг к дружке и вроде бы что-то сообщая. А затем уж, выстроившись «в столбы» или «круги», начнут петь свои песни о счастье, о труде, о любви...

И под косыми лучами нетеплого солнца можно было увидеть удивительное зрелище: женская одежда на русском Севере вобрала в себя и переливы пушистых снегов, и нежность весны, и неярко льняную голубизну неба, и золото спелой ржи. Вся красочная гамма северной природы отразилась, как в зеркале, и в расцветке тканей, и в растительных узорах орнаментов, и в неповторимых украшениях.

Совершенно иными соцветиями поражают нас южнорусские женские наряды. Обилие солнца, плодородная земля, широта полей подсказали мотивы узоров, колорит красок и форму одежды. Полыхание малиновых рязанских или орловских юбок-понев, желто-красные и зеленые мягкие тона смоленских или орловских передников, глубокие темные краски различных безрукавок и насыщенные красным цветом головные уборы отличаются резким контрастом. Горизонтальная композиция всего костюма подчеркивала дородность и здоровье женщин. Богато расшитые душегрейки праздничных костюмов придавали девичьей фигуре скрытую женскую силу.

По старинному русскому обычаю женщины покрывали голову, прятали под убор волосы и могли носить украшения. Для девушек это было не обязательным, ибо считалось, что красота молодости не требует никаких прикрас. Выходить из дому девушкам без пояса и замужним женщинам — без головного убора казалось непростительным грехом или просто-напросто неприличным.

Нынче, еще и еще раз пересматривая серию открыток «Русский народный костюм», изданную Бюро международного молодежного туризма СССР, сожалеешь, что такой красоты теперь вокруг нас уже нет. Открытки молодой художницы Нины Виноградовой показали нам стародавние обычаи русских женщин одеваться индивидуально и неповторимо.

Воскрешение подлинной красоты русской крестьянской одежды для широкой публики достигнуто было кропотливым трудом художника.

Из сундуков и шкафов, в которых неизвестно на какое время были уложены костюмы старорусских губерний, Нина Виноградова и главный хранитель Музея народного искусства Антонина Андреевна Абрамова извлекли бесценные по своим художественным достоинствам сокровища.

Время сделало свое. Некоторым образцам было около двухсот лет. Многие обветшали, потеряли свой первоначальный блеск. Ни одна фотография не смогла бы передать их прежнюю красоту. Но ее надо было воссоздать. Для этого потребовалось осторожно реставрировать оригиналы. В восстановлении их приняли активное участие замечательные специалисты Государственных центральных художественных реставрационных мастерских имени Э. Грабаря. Бережливые руки прикоснулись к сокровищам с любовью и осторожностью. И женские костюмы вновь воскресли спустя много лет.

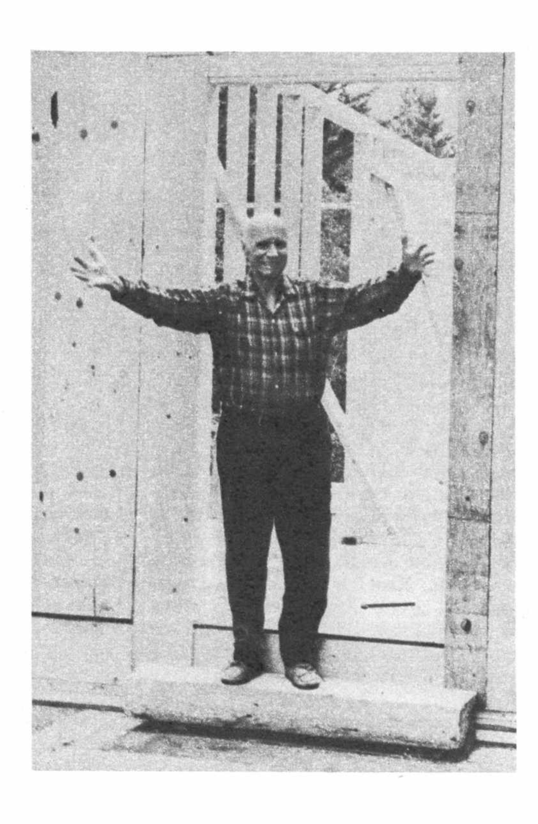
Осторожная примерка на манекенах...

И только после этого самое тщательное воспроизведение покроя, фактуры тканей, расцветки орнаментов.

И так в течение долгих месяцев.

Двенадцать открыток раскрывают нам мир неподдельной красоты и разнообразия форм русской женской одежды.

Русский костюм всегда ансамбль, в котором, как в лучших творениях зодчества, все элементы находятся в полной гармонии. Эту особенность хорошо изучила Нина Виноградова и с поэтическим чутьем сумела донести до нас всю полноту и многообразие колорита и форм покроя народной одежды. Это лишь песчинка в том бескрайнем море, которым является искусство русского народного костюма. Но и она дает нам цельное представление о неиссякаемой фантазии народного гения.

— Здесь будет,— говорит Кент,— мой новый дом. Приходите, друзья!

Фото автора.

Несгибаемые Кенты

Антон РЕФРЕЖЬЕ

Двадцать пятого июня мы выехали на автомашине из родного Вудстока в Монреаль, где должны были сесть на теплоход «Александр Пушкин» и совершить путешествие в Ленинград. День был чудесный. После полудня мы подъехали к развилке шоссейной дороги. Указатель показывал поворот в сторону городка Форкс, где находится резиденция Рокуэлла и Салли Кент. Моя жена и я бывали здесь раньше. Его очаровательный дом стоял на плато, окруженном горами, напоминающими те, что мы видели на его полотнах. Уютная жилая комната: полки, заставленные книгами; стены, завешанные гравюрами, запечатлевшими самые яркие эпизоды из его путешествий; специальный шкаф, где хранились книги либо написанные Кентом, либо им проиллюстрированные. Направо небольшая комнатка, заставленная картотеками,— досье Салли. Здесь сосредоточена вся переписка Кента с внешним миром. В другом конце дома весело декорированный бар, где Кент обычно угощает гостей легким мартини. На втором этаже несколько спальных комнат, где когда-то жили его дети и которые использовались для почетных гостей. Здесь останавливались художник Верейский и другие советские люди.

Месяц тому назад глубокой ночью Рокуэлл и Салли Кент были разбужены пожаром — разразилась гроза, и дом загорелся от молнии. Электричество и телефон вышли из строя. Выбегая из дома, Салли вспомнила о своей маленькой собачке и снова вернулась, чтобы взять ее. Затем она побежала к соседям и по телефону обратилась за помощью. Однако мало что удалось спасти. Кенты потеряли почти все свое драгоценное имущество.

...Мы ехали в Форкс через мост, под которым текла бурная речушка, затем по извилистой дороге, обрамленной сосновыми лесами. Наконец студия Рокуэлла. Я постучал в дверь, и тут же передо мной предстал Рокуэлл с его лучезарной улыбкой. Широким жестом он пригласил войти, поприветствовал и обнял меня.

— Ты видишь,— сказал он,— это все, что уцелело...

На столе лежали почерневшие от пожара книги. Некоторые из них, которые были залиты водой, лежали под прессом. Я взял в руки альбом его иллюстраций — переплет превратился в уголь.

— Я читаю сейчас,— продолжал Кент,— книгу Солсбери «Девятьсот дней» об обороне Ленинграда. Что моя утрата по сравнению с потерями русского народа? Что это в сравнении с жертвами, которые несет вьетнамский народ по вине нашей страны? Но я не унываю и снова принялся за дело!

Кент подошел к столу, на котором лежали исписанные листы бумаги.

— Это вторая часть моей автобиографии. В ней много места отведено советскому народу и нашим поездкам в Советский Союз.

Рокуэлл имел в виду период жизни, когда он был председателем национального совета Общества дружбы США — СССР, кстати, в состав бюро которого я также входил.

— Но как замечательны люди! — воскликнул Кент.— Сразу же после пожара местный учитель пришел ко мне со своим классом. Они оказали мне большую помощь. Мы постоянно получаем письма и подарки. Только вчера один совсем незнакомый человек из Калифорнии прислал мне ценные дары... Я пойду разбужу Салли. Она будет очень рада увидеть вас.

Мы тоже очень хотели ее повидать, но умоляли Рокуэлла не беспокоить Салли.

Затем Рокуэлл повел нас показывать строящийся новый дом. За все время, что мы были с Кентом, я не видел на его лице ни малейшего признака горечи или уныния. С типичной для него очаровательной улыбкой водил он нас вокруг сооружения.

— Здесь будет наша жилая комната,— говорил он,— а здесь — бар...

За все время свалившихся на Кентов невзгод Салли не покладая рук работала, беззаветно ухаживала за Рокуэллом, готовила пищу, печатала на машинке бесконечные письма. Благодаря ее воле и энергии стало возможным многое.

Я был очень рад, что со мной был сын Александр, который мог наглядно увидеть пример несгибаемой воли Рокуэлла и Салли Кент, способных начать новую жизнь, потеряв все, что они имели. Это был поучительный пример. Жизнь Рокуэлла — это борьба с напастями природы и силами реакции. Его жизнь — это любовь к природе — лесам и горам, любовь к людям, вера в будущее, в созидание и ненависть к разрушению.

Антон Рефрежье — крупный современный американский художник.

ПОЗИЦИЯ ТЕАТРА — ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

У колыбели Харьковского русского драматического театра имени Пушкина стояли такие большие художники, как режиссер Н. Петров, артист и режиссер А. Крамов. Они были горячими пропагандистами советской темы в театре. В то же время на их творческом счету было множество постановок произведений русской классики. Уже в первые сезоны шли на сцене Харьковского театра «Ревизор» Гоголя и «Горе от ума» Грибоедова. Шел «Чапаев» — спектакль, созданный по роману Фурманова.

Постановкой пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем» театр начал свою Лениниану в 1938 году.

На смену первому исполнителю роли Владимира Ильича на сцене Харьковского театра, А. Крамову, пришел народный артист УССР Ю. Жбаков. Еще в годы своей молодости он играл молодого Володю Ульянова в спектакле «Семья». Сейчас, в зрелые годы артиста, мы видим его в роли В. И. Ленина возмужавшим, окрепшим в своем артистическом мастерстве, органически впитавшим в себя многие нюансы великого образа.

В дни гастролей на сцене МХАТа шла премьера харьковчан «Кремлевские куранты». Этот спектакль был выпущен Харьковским театром перед самой поездкой в Москву. На сцену знакомой, стремительной походкой выходит человек, сразу позволяя увидеть живыми дорогие каждому из нас черты. Но в то же время Ленин Жбакова не является повторением ранее виденного нами сценического воплощения этого сложнейшего образа. Очень скупо пользуется артист внешними приемами, передающими приметы поведения Владимира Ильича. Артист Ю. Жбаков сосредоточен на главном, стремясь передать энергию и величие ленинской мысли, сочетающиеся так естественно с великим гуманизмом вождя, с его постоянным стремлением быть полезным людям.

Спектакль «Кремлевские куранты» поставлен заслуженным деятелем искусств УССР В. Ненашевым. Каждый персонаж выступает в нем очень убедительно, каждый образ несет свою индивидуальную нагрузку: это и инженер Забелин в исполнении народного артиста УССР И. Любича, с честью представляющего старшее поколение театра, и Рыбаков, сыгранный артистом Е. Лысенко, и Чуднов В. Шаповалова...

Главный режиссер театра В. Ненашев справедливо утверждает, что поиски идейно-четкого, художественно полноценного драматургического материала — первейший момент в жизни театра. Каждый коллектив волен свободно выбирать темы и художественные формы, но непреложным законом должна быть четкость позиций, страстная гражданственность. Тогда рождаются спектакли, волнующие сердце и разум зрителя.

Видно, что театр строго следует этим принципам. Героическая тема была и остается для харьковчан важнейшей. Недаром с таким волнением работали здесь над «Горлицей» — новой пьесой А. Коломиеца. «Горлица» — это сценическое повествование о смелых и гордых людях, решившихся пойти на борьбу с деникинцами. В исполнении артистки И. Смирновой-Шевченко Горлица — натура решительная, страстная, для нее не может быть компромиссов с велениями сердца. Также запоминаешь Наталку, сыгранную студенткой Института искусств С. Ковтун.

Театр показывает живую преемственность поколений. В своих делах, в стремлениях молодежь продолжает воплощать мечту дедов и отцов.

По своему образному строю, по накалу чувств, по гражданственности с лучшими сценами «Горлицы» перекликается спектакль «Девятая симфония». Эта пьеса Ю. Принцева посвящена последним, трагическим годам жизни Николая Островского. Но не страдания прикованного к постели человека интересуют театр, а величие духа героя, сумевшего взять судьбу в свои руки, продолжить свою прекрасную жизнь... Спектакль так и решен — в манере патетического концерта; трубачи в буденовках аккомпанируют действию. Н. Островский в исполнении Е. Лысенко — борец, преодолевший трагедию отчаяния.

Русская классика... «Три сестры» харьковчан по-своему продолжают эстафету чеховского творчества, которая более 60 лет назад была начата на сцене МХАТа знаменитой «Чайкой».

Большой психологический спор о жизни, который ведет в «Трех сестрах» Чехов, становится у харьковчан разговором о людях и судьбах, мыслях и чувствах, волнующих нас сегодня не меньше, чем вчера. Однако это не подделка классики под «злобу дня» и не слепок с классического те-

---

Константин ПАУСТОВСКИЙ

РАССКАЗ

К. Паустовский на Южном фронте.

В конце июня 1941 года по заданию редакции газеты Южного фронта «Во славу Родины» мне довелось побывать в Тирасполе. И вот здесь, в тихом молдавском городке, потревоженном войной, я встретился с писателем Константином Паустовским. Узнал его с трудом: так сильно изменила писателя военная форма.

Газета Одесского военного округа «Защитник Родины» с первых же дней войны стала армейской, покинула Одессу и некоторое время издавалась в Тирасполе. Константин Паустовский стал полноправным членом коллектива редакции. Правда, он не был штатным сотрудником армейской газеты, но он не мог в такие дни жить без коллектива. Писатель дежурил по типографии, ездил по заданию редактора на передний край, выступал на страницах газеты. Всем пришлись по душе его страстные статьи о Семене Михайловиче Буденном — «Любимый маршал» и о комиссарах — «Сердце полка». Потом он перешел работать в редакцию газеты Южного фронта «Во славу Родины».

В те дни, в июле и в августе, мы располагались в Одессе. Газету печатали в областной типографии, на Пушкинской улице, а жили в небольших дачках, в районе Пролетарского бульвара. Константин Паустовский редко ночевал в этих уютных дачках. Он вместе с нашим сотрудником А. Дуном колесил по фронту, встречался на переднем крае с интересными людьми, заполнял свои записные книжки мыслями и впечатлениями, а по возвращении радовал нас своими очерками.

Я очень благодарен Марку Колосову, который любезно подарил мне снимок, сделанный в июле 1941 года, запечатлевший Константина Паустовского на фронте.

Константин Паустовский написал три очерка для фронтовой газеты «Во славу Родины» — «Разведчик Волков», «Боец Садыков» и «Рассказ бойца Петренко»...

Один из них и предлагается вниманию читателей «Огонька».

Опубликован он был во фронтовой газете Южного фронта «Во славу Родины» 5 августа 1941 года.

Алексей ЗАМОТАЕВ,
полковник в отставке

До чего сейчас народ сделался неспокойный, любопытный — это даже удивительно! Каждому расскажи все, с самого начала до самого конца, и каждый еще, черт, сердится. «Ты,— говорит,— Петренко, скупо рассказываешь». Что значит скупо? Я врать не могу. Я боец подразделения лейтенанта Чубукова, а не артист, не рассказчик. Это у нас в селе был один престарелый царский солдат Трофим Онищук. Так он такие сказки про войну рассказывал, что верили ему только старухи, да и те другой раз сомневались. Такой был неверный старик. Сидит на завалинке, курит, слеза у него из глаза течет от древнего возраста, а все треплет, все треплет языком.

Служил Трофим в старой армии обозным, и было его дело лежать на повозке, тюкать на терпеливых коней да жевать хлеб с желтым салом. Такая тогда была обозная жизнь. Теперь обозный, конечно, другой. Теперь он полноправный боец. А раньше, в царское время, шинелька у него торчала горбом, и весь он был, как говорят у нас на селе, совершенно затрушенный.

Вот и вы тоже сердитесь, говорите: «Ближе к делу». Никакого дела почти не было. Дело было самое обыкновенное, и касается оно лейтенанта Чубукова. Когда я в часть пришел, он меня, конечно, осмотрел, усмехнулся и сразу определил. «Ты,— говорит,— днепропетровский». «Это верно,— говорю,— я с самой Днепропетровщины, из-под города Новый Буг». «Ну, вот,— говорит,— учись почетной службе, будь расторопным бойцом».

И взялся он меня учить. Учит, как положено, сурово, а глаз у него, я вижу, нет-нет да и за-

атрального образца. Театр нашел свое собственное сценическое решение пьесы, решение убедительное и глубокое.

С какой-то особой бережностью доносят актеры неповторимость чеховского языка. Она сказывается не только в монологах Вершинина (заслуженный артист УССР П. Антонов), Тузенбаха (Б. Табаровский), но и в ролях Соленого (Е. Лысенко) и Чебутыкина (Ю. Жбаков). Во всех эпизодах исполнители очень точно ощущают и передают все своеобразие речи героев. Мысли, слова Чехова стали словно своими и для сестер. И сдержанная Ольга — В. Сухарева, и очень юная в исполнении С. Ковтун Ирина, и эмоциональная Маша Н. Подоваловой пленяют «совпадением» с образами чеховских героинь.

...Судьба театра — судьба его актеров. И направление театра определяет каждый член коллектива, каждый артист, занятый в спектаклях. Меня особенно заинтересовала исполнительница роли Маши в «Трех сестрах» заслуженная артистка РСФСР Нина Ивановна Подовалова.

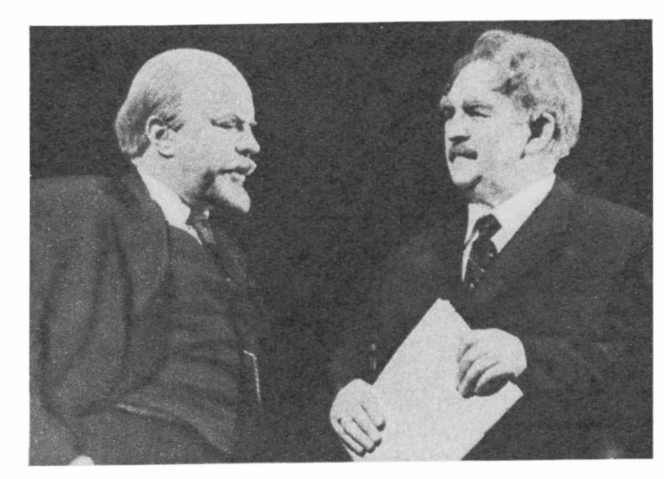
Это было много лет назад. Выпускной курс ГИТИСа показывал в 1945 году дипломный спектакль — «Мещане» М. Горького. Уже тогда внимание привлекала совсем юная, но смело и серьезно державшаяся на сцене Нина Подовалова — Татьяна. Уже тогда зрители, присутствовавшие на спектакле, почувствовали глубину образа, большую наполненность, значительность внутренней жизни молодой актрисы. Это обещало ей большую творческую жизнь. Так оно и оказалось. Сразу же после окончания курс отправлялся на родину А. П. Чехова — в Таганрог, чтобы создать театр, достойный имени великого русского писателя. После Таганрога Н. Подовалова стала играть на украинской сцене, и тут зрители тоже получили возможность узнать и полюбить актрису. Особенно запомнилась она в «Дяде Ване», где играла Елену Андреевну с одним из крупнейших артистов советской сцены, М. Ф. Романовым, в заглавной роли. Бережно сохраняя драгоценные навыки, полученные от мхатовской школы, Н. Подовалова развивала и укрепляла свое мастерство.

И вот сейчас в простом, строгом, традиционном по форме спектакле Харьковского театра «Три сестры» Н. Подовалова, играя Машу, показывает трагическую женскую судьбу, страстную, трепетную душу, жизненный талант, который не находит себе выхода.

После спектакля мы поговорили с Ниной Ивановной. Она сказала:

— Счастливо сложилась моя актерская судьба! Близкие мне образы русских женщин: Ларисы, Нины, чеховских героинь, Софьи Ковалевской, Александры Коллонтай — стали для меня тем духовным инструментом творческой жизни, который оттачивает и шлифует мою сокровенную тему: постижение пафоса женской души, ее гражданственности, ее человеческого достоинства. С благоговением несу я на сцену то богатство черт, что составляет понятие «русские женщины». Для меня, как и для всего нашего коллектива, актерское счастье заключено в одной великой цели — служении людям.

Н. ЗЫБИНА

«Кремлевские куранты». Ленин — Ю. Жбаков, Забелин — И. Любич.

Фото А. Бертика.

Сцена из спектакля «Три сестры». Маша — Н. Подовалова, Вершинин — П. Антонов.

Фото А. Гладштейна.

БОЙЦА ПЕТРЕНКО

блестит каким-то смешком. Веселые у него глаза. Он что в бою, что в резерве — всегда одинаковый, всегда для бойца хорошее слово где-то бережет, дружески о бойце заботится. Может, и сам по недостатку времени недоест, недоспит, но боец у него всегда сытый, спокойный, справный.

Пошли мы в бой, а теперешний бой совсем, товарищ, не тот, что при Трофиме Онищуке. Это тебе не откусывать патроны да не прикуривать от пушечного фитиля. За час немцы нагрохочут, нагремят, напылят, как за всю прежнюю турецкую кампанию. Но только от ихнего шума мало для них получается толку. Я так соображаю, что у которого человека скучно на душе или он, скажем, боится, то надо ему себя успокаивать собственным страшным шумом. Бывает, идет человек по городу ночью, конечно, опасается, а поет во весь голос, страх в себе забивает. Так, по-моему, и немцы действуют.

Да... Пошли мы в бой. День был ясный. Пшеница колышется. Даже какие-то беспечные жучки по колосьям бегают, будто нет им до войны никакого дела.

Дрались мы как надо, но тут мина ударила рядом с лейтенантом Чубуковым и ранила его в ногу. Он и говорит: «Петренко, я сам перевяжусь, а ты рви дальше, не выходи из боя, иначе я тебя, такого-сякого...»

Что тут сделаешь? Я ему и так и сяк. «Товарищ лейтенант,— говорю,— жизнь командира дорого стоит, разрешите, я вас выведу из огня». Одним словом, нехорошо получилось — поспорил я с командиром. За это следовало мне, конечно, припаять по-настоящему, по-армейски. Но я знаю, что правда моя: командира надо беречь, как голову от пули. Командир — человек народный.

Я упрямый. У нас на селе все настойчивые, все как я,— ну, командир и сдался. «Ладно,— говорит,— выводи, тебя не переспоришь, характер,— говорит,— у тебя очень вредный».

Идти он не может. Вместе ползем. Вечер незаметно подходит, и вижу я, что попали мы в неинтересное дело. Свои в этом месте немного отошли, а мы попали вроде как в немецкое расположение.

Ночью проползли до подсолнухов, залегли. Говорим тихо, больше шепчем друг другу. Просит лейтенант пить, а у меня фляга пустая. Ну, думаю, Петренко, негодный ты, выходит, боец: воду до боя всю высосал. А напоить надо,— у человека боль и жар, и, вижу, томится он сильно.

Выглянул я из подсолнухов. Вижу — в ложбинке камыш. Значит, там вода. Полз я до той ложбинки целый час. Два раза рядом немцы проходили, гудели что-то по-своему. Однако воды я набрал. Вода из болота, тухлая вода, не нарзан, конечно, и не ситро, но все же раненому облегчение.

Ползу я с той водой обратно. Чуть начало развидняться. И вижу — ползет немецкий солдат в наши подсолнухи, ползет осторожно, как гончая собака. Остановится, послушает и снова ползет,— прямо к моему лейтенанту. Кровь у меня застыла в жилах. Ну, думаю, все равно лейтенанта я тебе не отдам. Тихо было ночью, и тут-то я догадался,— стонет мой лейтенант, должно быть, сомлел от ранения, а немец на его стон и ползет.

Я откинул флягу, быстро пополз, навалился на того немца сзади, сразу за горло,— тишком, быстро, справно. Одним словом, нет немца, а мне досталась его винтовка с патронами.

Нашел я флягу, напоил лейтенанта и прошу его не стонать, а он говорит: «Я лежал тихо, я не стонал, а только сам с собой разговаривал, досадовал на рану». «Вот и не надо этого делать,— говорю ему тихо.— Нельзя себя демаскировать, товарищ лейтенант». Он поглядел на меня, вошел в сознание, улыбнулся.

На рассвете опять начался бой, немцы отходили по-над бугром, и я бил их с фланга со своей и с немецкой винтовки. Наделал шухеру!

Скоро нас свои подобрали. Я опять пошел в бой, а лейтенанта отправили в санбат.

Вот и все. Ничего тут нет особенного. А вы все просите: расскажи да расскажи. Нам, бойцам, полагается правильно действовать, а за нас и другие расскажут, другие напишут. Уж что-что, а писать наш брат, советский человек, научился. Так напишет, чтобы был пример для других. Без примера нельзя жить. Хороший пример каждому нужен, как кружка воды в жаркий день.

Вот и все, товарищ. Вы случайно не будете в санбате? Тогда передайте вот это письмо лейтенанту Чубукову. Это от всего подразделения. Писали его целый час, а подписывали тоже час: у нас есть узбеки, им писать еще трудно. Но пулеметчики они знаменитые. Их будто и родили для пулеметов. Ну, прощайте, только про меня ничего не пишите. Может быть, впоследствии чего-нибудь добьюсь — тогда и напишете.

Принадлежит народу

В журнале «Огонек» № 6 за этот год был опубликован материал «Искусство принадлежит народу» о прошедшем в редакции совещании художников и искусствоведов. Речь шла о том, как на страницах журнала с помощью изобразительного искусства лучше отметить 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, о путях советского искусства, о творчестве молодых художников, о пропаганде живописи, графики, скульптуры.

Разговор мастеров изобразительного искусства продолжили наши читатели в своих письмах в редакцию. Их интересуют все вопросы, поднятые на этом совещании, они поддерживают одних выступавших и возражают другим, вносят свои предложения, обращаются с просьбами...

В сегодняшнем потоке писем многие посвящены ленинской теме.

Служащий из Николаева В. Сахаров просит напечатать картины, которые любил Ленин. Педагог XXVI лицея польского города Лодзь З. Выпшко ждет публикации снимков новых памятников Владимиру Ильичу. Д. Вахрамеев из села Красная Поляна, Карагандинской области, К. Самойлов из Омска, В. Коржина из города Подольска и многие другие пишут, что репродукции «Огонька» — основной материал для коллекции, для организации школьных выставок. Некоторые учителя просят редакцию подбирать репродукции в номере для тематических стендов. В журнале будет напечатано много картин, посвященных В. И. Ленину: из фондов советской классики и новые произведения художников-современников. Они помогут нашим читателям пополнить свои собрания, посвященные деятельности великого вождя революции, и составить выставки о жизни и работе Ильича.

Во всех письмах читатели поддерживают начатый редакцией широкий разговор о требовательности в искусстве.

Н. Локтев из Кремгэса пишет:

«Из напечатанных выступлений участников совещания видно, что работников искусства волнует не только обязанность встретить полноценными, реалистическими произведениями великую дату — 100-летие Ленина, но и дальнейшие судьбы советского изобразительного искусства.

Эти судьбы небезразличны всем любителям живописи. Думается, что вполне назрела необходимость широкого обсуждения как на страницах печати, так и на конференциях любителей живописи вопросов современного искусства. Прав товарищ Лактионов, высказавший мысль о необходимости прислушиваться к мнению зрителей, которое должно быть первым критерием качества и значения трудов художников».

Многие озабочены появлением на выставках большого числа слабых работ, уводящих в сторону с дороги социалистического реализма. Одной из причин И. Гильмутдинов из Воронежа считает недостаточную профессиональную подготовку, отсутствие настоящей живописной школы, другую он видит в том, что понижены требования жюри при отборе картин для экспозиции.

«Очень хорошо,— пишет К. Гадашевич из Свердловска,— что на совещании в «Огоньке» огонь критики был направлен против абстракционизма, в защиту жизнеутверждающего социалистического реализма». Эту же мысль поддерживает рабочий В. Харламов из города Богородска.

Большое письмо пришло из Хабаровска от инженера Н. Ушакова: «Мне приходится бывать в Москве не каждый год, но всякий раз, бывая там, я посещаю Третьяковскую галерею и выставки живописи. Ведь к живописи нельзя относиться безразлично. Изобразительное искусство — удел не только тех тысяч, которым посчастливилось развить свой талант художника. Если они отображают на полотнах моменты истории и нашей действительности, целиком этому отдаваясь, то остальные принимают их труд и наслаждаются, если он затрагивает их чувства, пробуждает в душе радость или гнев, восхищение или умиротворение». Возмущаясь псевдоноваторами — «художники, не умеющие, или не желающие по-настоящему трудиться, всегда могут прикрыться фразами о «поисках», об «эксперименте», о «промахах, без которых нет движения вперед»,— Ушаков пишет далее, что «пропускать в выставочные залы и музеи чуждые советским идеям полотна недопустимо».

А. Николаев из Волгограда соглашается с выступлением народного художника РСФСР А. И. Лактионова на совещании:

«Совершенно правильно говорит художник Лактионов о том, что надо поднять роль зрителя в оценке произведений, экспонируемых на выставках. Ведь до сих пор книга отзывов является формальным приложением к выставке. Выставка закрывается, книга убирается в дальний ящик и забывается. А ведь выставку посещают граждане, любящие изобразительное искусство, интересующиеся путем его развития, и им небезразличны удачи или неудачи в творчестве художников. Книга отзывов должна быть основой для конференции по обсуждению итогов выставки и оценки творчества художников.

Конечно, не все зрители дают правильную оценку произведению, и, следовательно, обсуждение книги отзывов поможет не только художнику, но и зрителю, неправильно оценившему произведение, узнать свою ошибку.

Выставкомам предоставлены большие права, но сами выставкомы не всегда объективны. А ведь качество выставки изобразительного искусства и ее идейная направленность зависят от отношения выставкома к искусству, а иногда и к художнику. Прав Е. Вучетич, что выставкомы иногда отбирают произведения нелепо, по-приятельски. Это не только не приносит свежий ветер на выставки, но создает обстановку, при которой одни и те же художники получают контрактации, а другие никогда ее не получают».

«Прав Вучетич,— поддерживает автор другого письма, техник-смотритель из Енакиева К. Бугаев,— когда говорит, что вопросы в выставочных комитетах решаются келейно, без должной принципиальности, по-приятельски. Вот это и порождает такие неудачи, как выставка «50 лет ВЛКСМ». Просто не верится, что выставка, посвященная такой знаменательной дате, так провалилась. По словам Б. Щербакова, в книге отзывов записей было немногим более 800?! И это в Москве, где население — миллионы! Значит, выставку не принял народ. Это должно послужить сигналом, что в нашем изобразительном искусстве не все обстоит благополучно».

Не нравятся последние выставки и скульптору Н. Конгисеру:

«К глубокому сожалению, последние годы на художественных выставках в Манеже появляется систематически все больше и больше работ — картин, скульптур и графики, исполненных в духе зарубежного модернизма, в самом неприкрашенном его виде. Образы советских людей искажаются. Появился уже какой-то грубо оболваненный штамп, с условной, фальшивой позой, гипертрофированный стилизованными формами, условного цвета, порой с ничего не выражающими, бессмысленными лицами. Так было уже на нескольких выставках, пожалуй, кроме выставки «Советская Россия», куда не были выставкомом допущены формалистические произведения.

Много картин, далеко ушедших от социалистического реализма, экспонировалось и на последней выставке — «50 лет ВЛКСМ», и это особенно больно и обидно.

Советский зритель реагирует на эти формалистические вылазки — все меньше и меньше посещает Манеж. А ведь десять — пятнадцать лет тому назад в студеные зимы клубился пар над очередями на Всесоюзную выставку в Манеж. А сейчас пусто в залах. Не идут. Вот на выставках художественной фотографии или цветов битком набито — там жизнь».

Художник В. Казаков из Москвы тоже поддерживает критику в адрес выставки «50 лет ВЛКСМ» и журнала «Творчество».

Обеспокоен искусством некоторых молодых художников, как он пишет, «новаторов», и рабочий В. Харламов из города Богородска:

«Скажу кратко: народу не нужны такие творения, где люди изображаются с ногами-бревнами, булыжными лицами... Выдавать за «новаторство» свою бесталанность и притом еще обливать грязью лучшие произведения советского реалистического искусства — это уж совсем недопустимо. И единственное стремление таких художников — это не увековечивание на полотнах красоты человеческого тела, духа, благородных порывов, а вытягивание своего «я». Я — новатор, я — искатель, но меня затирают, меня не понимают, и т. д. и т. п.».

Продолжает эту тему слесарь-электрик Е. Кириченко из города Ровеньки:

«Мода и искусство — понятия взаимно враждебные. Или художник утверждает красоту нашей планеты, ведет увлекательный рассказ о счастье жизни, а значит, зовет к борьбе за это счастье, или он абстрактными категориями старается увести зрителя от этой борьбы. И, хочет или не хочет, льет воду на мельницу буржуазного мировоззрения. Быть реалистом трудно, много надо знать, много уметь. Надо хорошо владеть рисунком — это не просто, живописно оперировать цветом тоже трудно, да и знать хорошо жизнь нелегко. Вот и приходится «новаторничать», выдавать грубо сляпанное панно за станковую картину. А ведь станковая картина — это симфония».

Интересы читателей разнообразны, разнообразны и их письма. У одних находит отклик в душе тема выступления Е. Вучетича, у других — А. Лактионова, третьи поддерживают Н. Соколову, Ф. Решетникова, А. Плотнова.

Мастер цеха из Кишинева Н. Киреев пишет, что ему **«...самыми интересными представляются три выступления — Н. Соколовой, А. Плотнова и Ф. Решетникова.**

В них видно истинно доброе отношение к творческой молодежи и забота о воспитании художественного вкуса у нашего народа.

То, что Плотнов рассказал о Малой Третьяковке в Данкове, это пример, как не на словах, а на деле могут сделать доброе дело художники. История культуры России знает немало примеров служения творческой интеллигенции народу. И теперь советские художники продолжают эту традицию. В частности, создание, организация музея в Данкове — прекрасный тому пример...

С выступлением Н. Соколовой я согласен. Молодежи надо верить, ей надо помогать советами и примером.

Решетников — хороший художник. Он свое творчество посвящает самому трудному в искусстве — отражению повседневной жизни. И его доброе отношение к молодым художникам — это еще одно раскрытие его таланта».

А читатель А. Кортунов с Аральского рыбокомбината по-другому отнесся к выступлению этого художника:

«Картины Решетникова по праву стали хрестоматийными. Из поколения в поколение люди будут восхищаться его произведениями: «Прибыл на каникулы», «Опять двойка» и другими. Тем более удивительно, что он защищает позиции, совершенно противоположные его творчеству».

И снова, как на совещании, в письмах видно разное отношение к картине Савицкого «Партизанская мадонна».

Чертежник В. Комаров из Раменского восхищается картиной «Партизанская мадонна»:

«...в ней есть чистота материнства, как в картинах живописцев Возрождения. И в то же время это современная живопись. Поэтому меня удивила критика Азгура картины Савицкого и понравились выступления в защиту его Соколовой и Решетникова. Очень приятно мне было узнать, что Академия художеств СССР присудила Савицкому серебряную медаль за это произведение.

Мне кажется, что надо устраивать больше выставок молодых художников, ведь они — наша современность и наше будущее».

Слова Решетникова о том, что резкая категорическая критика по поводу творчества того или иного автора может повредить художнику, находят поддержку в письме инженера-строителя С. Викторова из Вологды:

«Видно, что Решетников искренне озабочен развитием советского искусства. Спасибо ему за смелое и честное выступление. Правильно он пишет, что нельзя обрушивать критику в искусстве исходя только из своих личных вкусов, привычных представлений,— это может быть несправедливо и может

лишить права молодых художников на творческий поиск».

Письма, письма... Пишут люди с разными взглядами, разными вкусами, но все те, для которых искусство — часть жизни. И письма эти снова возвращают нас к выступлению А. Плотнова о создании новой картинной галереи. «Малые Третьяковки,— пишут Ф. Бортник из Полтавы и Н. Ватлин из Ялты,— безусловно, являются интересным решением вопроса о пропаганде изобразительного искусства». Необходимо, подчеркивают они, чтобы во вновь организованных музеях собирались работы только профессиональные, высокого художественного качества, определенной идеологической направленности. «Нам довелось осмотреть картинные галереи в селе Диканьке и в селе Ковалевке на Полтавщине. В Диканьке, в помещении сельского клуба, на выставке есть мастерские работы. К сожалению, есть работы и довольно низкого качества... В селе Ковалевке, тоже в помещении клуба, размещен колхозный музей. На главной стене солнечной стороны комнаты, в два ряда,— пейзажные и жанровые работы одного автора. В центре экспозиции — портрет автора. Работы не блещут мастерством. Напрашивается вопрос: это картинная галерея или стенд саморекламы?

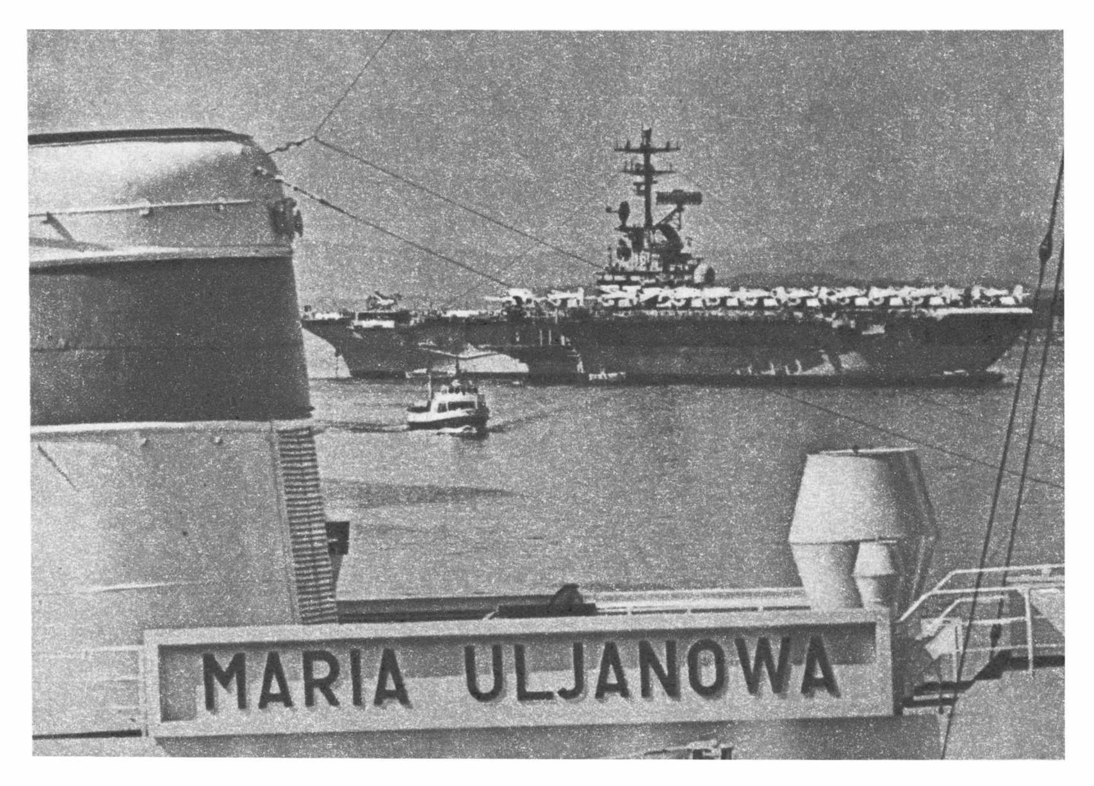
Вопросом малых Третьяковок необходимо заняться немедленно. Дело это прекрасное».

Отталкиваясь от выступлений художников, искусствоведов, читатели сообщают о судьбе изобразительного искусства, которое находится рядом с ними. Так, горный инженер П. Морочкин из Тулы прислал письмо и снимки. «Мне хочется продолжить важный разговор, начавшийся на страницах «Огонька», высказываниями тех, для кого работают художники, кому принадлежит искусство. В Туле, на проспекте Ленина, в центре города, сооружено надгробие на братских могилах коммунаров, борцов за революцию и Советскую власть. На обелиске сделаны рельефные изображения. Об этих рельефах мне приходилось слышать много неодобрительных отзывов. Многие туляки воспринимают их как малопонятные юмористические картинки, никак не вяжущиеся с прославлением памяти погибших борцов за народное дело. Поэтому надписи под рельефами теряют свой смысл, а все сооружение вызывает чувство, далекое от преклонения перед светлой памятью погибших коммунаров.

Неужели авторы монумента ушли в искусстве далеко вперед, а мы являемся отсталыми невеждами? В этом нужно обязательно разобраться, и товарищи Вучетич, Азгур, Решетников и другие участники встречи в «Огоньке» могли бы помочь тулякам. Ведь речь идет не о спорных произведениях на выставке, которая потом закрывается, а о святых для нас и вечных монументах. И поэтому лучше, чтобы эти произведения были в первую очередь понятны народу.

Хочется, чтоб на деле поддержали высказывания товарища Кербеля: «Особенно внимательным должно быть отношение к новым памятникам, устанавливаемым в городах нашей большой страны. Ставятся памятники не так уж часто, а стоять им века. Поэтому хотелось бы, чтобы наряду с показом лучших памятников на страницах «Огонька» выявлять и явно плохие и ненужные произведения. Это может послужить только на пользу дела монументальной ленинской пропаганды. Поэтому я и написал в «Огонек» и поддерживаю художника Б. Щербакова в том, что «ни один человек, кому дороги интересы отечественной культуры, не имеет права оставаться в стороне!».

Каждый день редакция получает множество писем своих читателей — ревностных ценителей изобразительного искусства. Естественно, что в обзоре мы смогли опубликовать лишь небольшую часть из этого потока. Редакция продолжит публикацию писем и постарается учесть предложения и пожелания своих читателей.

Два корабля — два мира.

ГНОМЫ, МУНК И АВИАНОСЕЦ „ВОСП"

Надежда КОЖЕВНИКОВА

И вот Норвегия. Рыжая стена старинной крепости на горе. Светлый летний день. Сказочное сборище гномов в витрине сувенирного магазина. Гномы добродушные, с пухлыми розовыми щечками. Гномы-злюки, скорчившие злобные гримасы. Гномы, продающиеся по дешевке, в измятых остроконечных колпачках, гномы-беднота, спящие вповалку в одном картонном ящике, с оголившимися ногами-спичками. И гномы-бары, пестро разряженные, дорогие, неприступно взирающие на покупателей узкими щелочками глаз. Сказочное сборище гномов. Сказочная страна Норвегия. Яркие, плоские автомобили с раскосыми фарами на улицах Осло, города, основанного в 1048 году королем Харальдом, мужем Елизаветы Ярославны, киевской княжны.

И порт. С множеством судов, больших и маленьких, трансатлантических, огромных, и рыбачьих лодок, торгующих масляно-розовыми креветками и атласными, матово-темными угрями.

Но в эти дни в порту Осло стояли только два судна. Только два судна поглотили внимание всего города, только их прибытие обсуждалось в порту. И дело было не в размерах этих пришельцев, не в диковинности их внешнего вида. Нет, просто очень уж контрастным было одновременное их присутствие в норвежском порту, прямо-таки по-газетному сенсационным. У одного — белый, строгий корпус, палуба в разноцветных флагах, трап, гостеприимно спущенный на берег: «Просим всех желающих посетить наше судно, будем рады гостям».

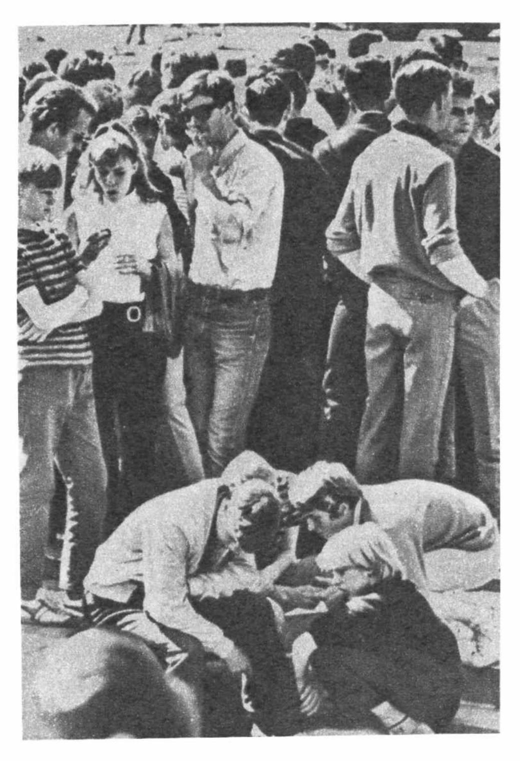
Другой серой, туманной хламидой прячется в глубине порта, и добраться к нему можно только на катере.

Одним был теплоход «Мария Ульянова», совершавший рейс мира по странам Балтийского моря, другим — американский авианосец «Восп».

Вот так получилось, что в порту Осло одновременно стояли два этих судна, а по городу ходили пассажиры с «Марии Ульяновой» и матросы с авианосца «Восп». И те и другие были иностранцами, а, как известно, иностранцы всегда толпятся в центре, поэтому и выходило, что, стоя рядом в порту, мы в городе постоянно оказывались рядом. Правда, мы не встретились ни в парке Вигеланда, ни в музее Мунка, ни в Национальном музее, и на встрече с норвежскими защитниками мира не увидели мы матросов с авианосца «Восп».

Зато главная улица, где много кабаков и ресторанов, зачернела, как бы зачервивела от них. Они сидели, развалившись на лавочках, как-то подчеркнуто лениво двигались, скучали, провожали глазами проходящих мимо девушек, пьяно галдели у входа в ресторан и излишне часто вынимали из карманов толстые пачки долларов. Они были очень молоды, с розовыми, как у подростков, прыщавыми лицами. А жесты их, и походка, и манера высоко закидывать голову, так, что форменная фуражка блином еле держалась на затылке,— все это производило впечатление неумелости, заученности, плохо сыгранной роли.

При взгляде на этих юнцов, видя их бес-

На набережной.
Фото В. Бородина

смысленное томление, незнание, куда девать себя и время, хотелось недоверчиво улыбнуться и спросить:

— Неужели эти?..

Да, но у многих из них, таких же молодых и прыщеватых, было много нашивок на форме. Слишком много нашивок. Когда и где успели они их получить? Наверно, успели. И те, которые пока еще без нашивок, тоже успеют. Есть в мире места, где быстро раздаются нашивки, где быстро умирают и быстро становятся «героями». Правительство не скупится там. Все молниеносно — и карьера и смерть. Не стоит ли рискнуть? Но даже тех, кто не хочет рисковать, отправляют туда без их согласия, четким маршем, на самолетах, на авианосцах — убивать.

Мы возвращались из музея Мунка. Этот талантливейший художник иногда бывает неприятен своей высокомерной недоброжелательностью, своей болезненной раздражительностью, но никого не оставляет равнодушным. При всем разнообразии его творчества у Мунка нет ни одной картины, которую можно было бы просто созерцать. Нет, смутное беспокойство в его картинах, иногда доходящее до отчаяния, передается зрителю, и вот уже чувствуешь тяжелый ком у горла, чувствуешь, что задыхаешься, как та женщина, сидящая в углу комнаты за кроваво-красным столом, вдавленная в угол этим столом, загнанная в него, с обезумевшими от тоски глазами... Или смерть весной, где голубая в лиловость старуха лежит на смертном одре, а над головой ее — салатово-зеленый абрис окна.

Но самая известная картина Мунка висит в Национальном музее. Небольшого формата. По узенькому мосточку бежит человек. Рот его искажен в долгом крике. Все лицо раздирается от этого крика. Даже слабенькое его тельце тоже как бы сведено судорогой этого звенящего, непрекращающегося крика. А за спиной у человека радужное, огненное зарево. Человек бежит из последних сил.

— А-а-а-а! — кричит он. — А-а-а!

Эту картину Мунк так и назвал — «Крик» или «Война».

Мы возвращались в порт на теплоход, а в ушах у нас будто звенел еще крик бежавшего по мосту маленького человечка:

— А-а-а!

И мутно-огненное зарево войны за его спиной.

Норвегия — страна викингов. Норвегия — страна «Фрама» и «Кон-Тики». Недаром наш знакомый норвежец так гордо сообщил нам, что живет он не в городе, а на острове и вместо автомобиля предпочел купить моторную лодку.

— Морские дороги куда приятнее земных: и спокойней и чище, — сказал он.

Что ж, истинно норвежское предпочтение всему морскому. Пригласив нас к себе домой на остров, наш знакомый предложил перед этим совершить небольшую прогулку по морю на его лодке.

И вот мы осторожно объезжаем глыбастые корабли и рыбачьи суденышки. Видим наверху зеленые обрывистые холмы Осло, и ветер рвет веселую мелодию из транзистора, путает волосы.

Норвежец очень нетороплив и раздумчив. Каждое его движение будто бы сопровождается медленным скрипом чуть заржавевших шарниров. Он уже пожилой, наш норвежец, пожилой и медлительный. Красноватый загар и сухие, как бы спекшиеся морщины делают его похожим на индейца. Но глаза у него очень светлые и очень живые на неподвижном лице, глаза викинга. Он крутит руль своей лодки, и мы проходим мимо «Марии Ульяновой», белизна которой на солнце ослепительна.

— Сейчас обойдем авианосец — и к фиордам, — говорит норвежец.

А мы приближаемся к тому, что с берега казалось туманной, серой хламидой, а теперь надвигается на нас отвесной, мрачной стеной. Стена эта заслоняет собой все: и зеленые холмы Осло, и порт, суда которого кажутся отсюда ребячьими, хрупкими корабликами, и голубые фиорды. Будто нет больше уже ничего в мире, кроме этой серой, мрачной стены, и ни обойти, ни пробиться через нее нельзя. Пугающая неподвижность этой громады, невозможность охватить одним взглядом все ее надстройки, площадки, выпуклости, отсеки, вся ее кажущаяся бесформенность создают ощущение какой-то дичайшей, безумной, злой выдумки, кажется, что вся эта серая масса мертва и бесполезна, чуть ли не бутафорна своей устрашающей мрачностью. И только медленное вращение радара да скопище самолетов на площадках приоткрывают другой, более страшный смысл этого сооружения. Что-то тяжелое начинает давить на тебя, когда ты смотришь на эту громаду, на отсеки и выступы ее, забитые самолетами, похожими на личинки. И даже закричать нет сил.

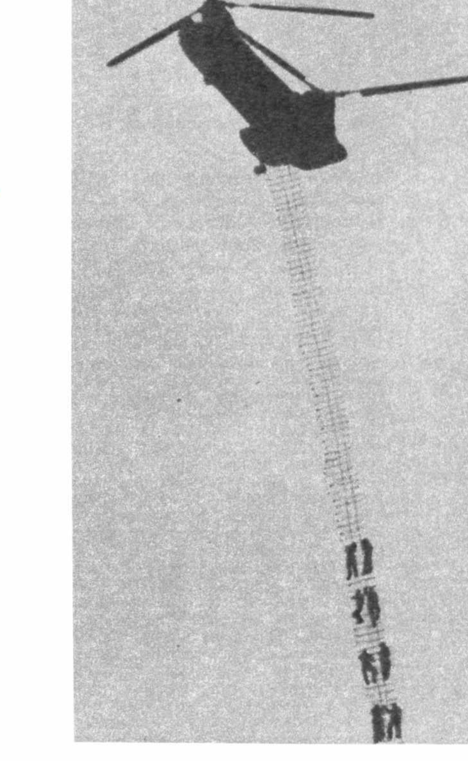
— А-а-а! — кричал человечек, бегущий по узкому мосту.

— А-а-а! — кричал он, весь сведенный судорогой страха.

От страха человек становится маленьким-маленьким, а крик его сплошным, диким воплем. Это уже не мольба о спасении и не предупреждение об опасности, этот крик—смерть.

Рядом со мной в лодке сидела женщина. Она была очень маленького роста и для того, чтобы лучше видеть, стала ногами на деревянную скамеечку. Она вообще была любопытна и общительна, подробно записывала все объяснения гида, требуя точных ответов на свои вопросы. Очень беспокойной туристкой была наша Катюша. Ее все так и звали Катюшей, и молодые и старые,— ласково: Катюша. Сейчас ей было больше сорока. А тогда, в начале Великой Отечественной войны, ей исполнилось шестнадцать. Война застала ее, когда она ехала в Брест, к брату, служившему на границе. И с того момента в поезде, разбомбленном фашистами, началась ее трудная солдатская жизнь. Медсестрой с морским десантом, по морю, по суше прошла она всю войну — Катюшей, сестричкой. А теперь врач-биолог в городе Электросталь, она смотрела на американский авианосец «Восп», и лицо ее было спокойным, только очень усталым. Как-то особенно внезапно усталым. А глаза строги. Я даже не представляла, что у нашей всегда улыбчивой Катюши могут быть такие строгие глаза... Она стояла на скамейке, приподнявшись на цыпочки, и казалась совсем девочкой, если бы не эта внезапная усталость лица и не нога, лодыжка которой была искривлена ранением на фронте. К авианосцу подплывали катера, высаживали матросов, вернувшихся из города, забирали других — развлекаться, слоняться в бессмысленном томлении по городским улицам. Медленно вращался радар. Серая громада авианосца заслонила собой все побережье. А внизу, у самого подножия плавучего гиганта, стояла на деревянной скамеечке маленькая женщина со строгими, внимательными глазами.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВОЗДУШНАЯ ЛЕСТНИЦА

Вертолет зависает в воздухе и выбрасывает 80-метровую лестницу, сделанную из нейлона. По трапу поднимается несколько человек. Этот трап сделан в США, он предназначен для спасательных экспедиций.

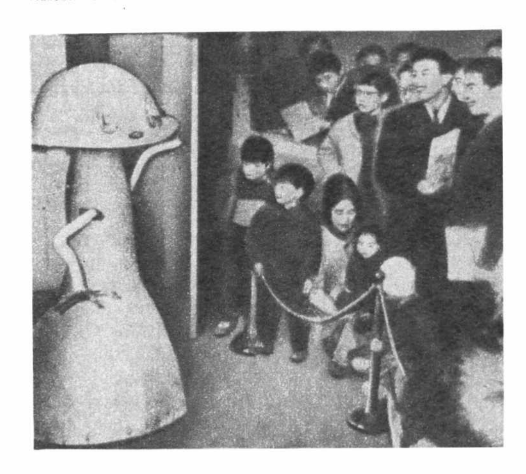

КУШЕТКА-БАНАН

Одна английская фабрика начала выпускать мебель, по форме напоминающую различные фрукты.
НА СНИМКЕ: кушетка в виде банана демонстрируется на улицах Лондона.

ВЕСЕЛЫЙ РОБОТ

Внимание посетителей одного токийского магазина детских игрушек больше всего привлекает робот, умеющий говорить, петь и лихо отплясывать твист.

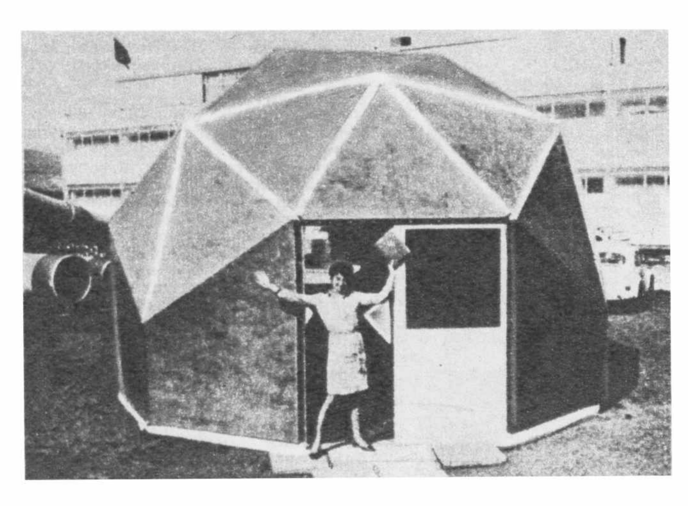

МЕХАНИЗАЦИЯ ДЛЯ СКУЛЬПТОРА

Англичанин Вильям Мичел считается самым продуктивным в мире ваятелем. Он выдалбливает различные украшения на зданиях при помощи аппарата, выбрасывающего под большим давлением мелкие камушки.

БУМАЖНЫЙ ДОМ

В ФРГ стали выпускать легкие летние домики из бумаги, пропитанной специальным раствором. Дачи устанавливаются за несколько минут.

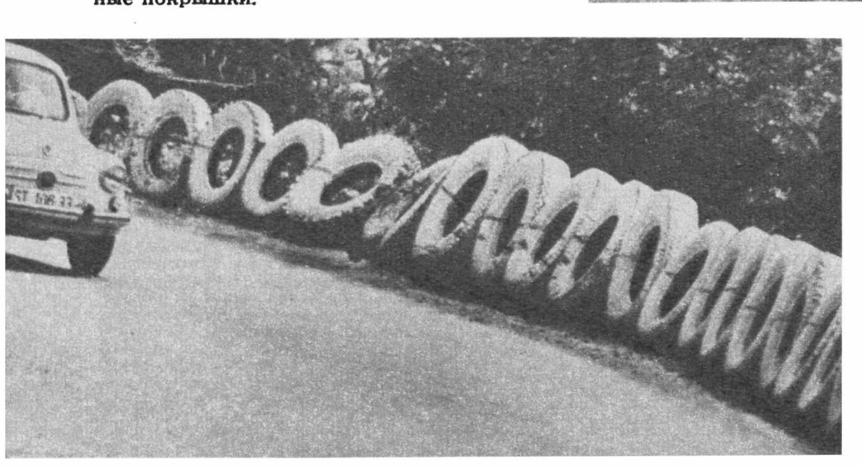
ЗАГАДКА

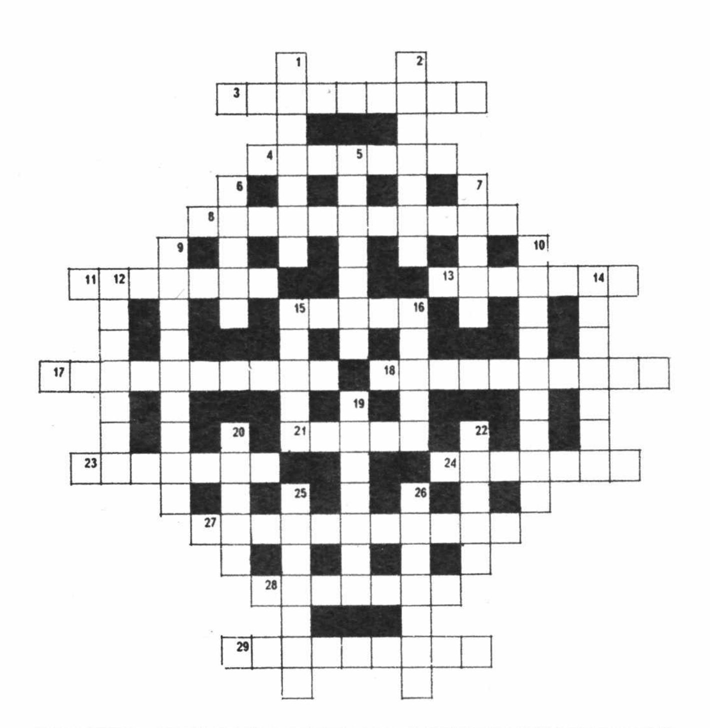
На побережье близ Токио выплыла огромная рыба. Никто не может определить, что это за существо.

ЭЛАСТИЧНЫЙ ПОВОРОТ

На крутом повороте дороги вблизи города Сплита (Югославия) в целях безопасности поставлены использованные автомобильные покрышки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Раздел математики. 4. Место для приема солнечных ванн. 8. Теплообменный аппарат. 11. Река в Красноярском крае. 13. Комнатная собака. 15. Бухта моря Лаптевых. 17. Музыкальный инструмент. 18. Прибор для измерения величины механической силы. 21. Засахаренный плод. 23. Прохладительный напиток. 24. Узкая глубокая долина. 27. Вид задачи, загадки. 28. Регулятор в часовом механизме. 29. Курорт в Туркмении.

По вертикали: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Музей в Ленинграде. 5. Растение-медонос. 6. Персонаж произведения А. С. Серафимовича «Железный поток». 7. Квант света. 9. Русский поэт. 10. Согласованное сочетание звуков. 12. Юмористический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 14. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 15. Зодиакальное созвездие. 16. Роман Ф. М. Достоевского. 19. Вывоз товаров за границу. 20. Аллюр. 22. Шахматная фигура. 25. Рыба семейства карповых. 26. Армянский композитор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 5. Владивосток. 8. Волокно. 10. «Воевода». 11. Нерпа. 16. Бабочкин. 17. «Богатыри». 18. Лемма. 19. Прима. 20. Циолковский. 21. Виток. 23. Планк. 24. Поплавок. 25. Сказание. 27. Офорт. 30. Сенегал. 31. Айсберг. 32. Диссертация.

По вертикали: 1. Гудзон. 2. Косьва. 3. «Алеко». 4. Гомер. 6. Глюкоза. 7. Монотип. 9. Трансформатор. 12. Разметнов. 13. Микроскоп. 14. «Поликушка». 15. Ирригация. 22. Колонна. 23. Планшет. 26. Углич. 27. «Олеся». 28. Талас. 29. Осмий.

На первой странице обложки: Чемпион мира по гимнастике, заслуженный мастер спорта СССР Михаил Воронин. (См. в номере очерк «Бремя чемпиона».)
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Момент игры между московскими командами «Спартак» и «Торпедо». Внизу: бег на 3 000 метров с препятствиями.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00163. Сдано в набор 22/VII 69 г. Подписано к печ. 5/VIII 69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1406. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2121.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Загляните в душу спорта!

Лев КАССИЛЬ

Всякий раз, когда я, собираясь в дальний путь, укладываю чемодан с наклейкой очередных Олимпийских игр или какого-нибудь международного чемпионата, любезно присланную мне заранее в порядке официальной аккредитации, кое-кто из друзей моих осторожненько осведомляется:

— И не надоело?.. Может быть, хватит? Не пора ли угомониться на старости лет? Солидный же человек, а все носит тебя по всем этим Олимпиадам да чемпионатам.

И не понимают эти горе-соболезнователи, что для тех, кто любит спорт по-настоящему, кто умеет видеть не одни только цифры на табло да очки турнирных таблиц, этой самой «старости лет» не существует. Ибо настоящий, большой спорт таит в себе секрет вечной молодости сердец, им захваченных, покоренных и постоянно воспламеняемых заветной близостью с полнокровной, жаждущей самосовершенствования и самоутверждения юностью. А разве это может надоесть?..

Речь идет, конечно, о настоящем спорте, всепоглощающем, по внутреннему существу своему бескорыстном, таком, в котором, как нигде, торжествует пленительная триада: самоутверждение — самосовершенствование — самопожертвование. И пусть некоторые очень уважаемые мною и дорогие для меня литературные критики иной раз не соглашаются со мной, утверждая, что вышеупомянутая, рассмотренная мною в спорте триада, о которой я не раз писал, присуща и другим видам человеческой деятельности, я все же утверждаю, что именно в спортивном состязании с особой силой и пленительной наглядностью раскрывается бескорыстная рыцарская, полная самоотдачи до последнего донышка физических и душевных сил готовность к самопожертвованию.

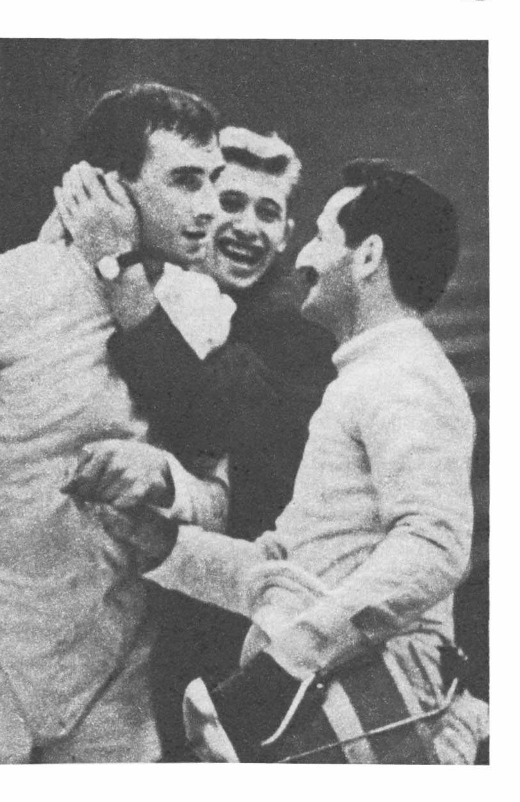
И сейчас, когда я перебираю в памяти наиболее запавшие в сердце моменты, очевидцем которых я был, или роюсь в своих походных корреспондентских блокнотах, перед глазами моими как бы снова раскрывается многое из того, что не заносится обязательно в международные спортивные летописи и подчас остается невидимым для десятков тысяч зрителей на стадионах и миллионов телезрителей во всех концах мира... Но порой именно в этих деталях, в чертах, ускользающих от судейских протоколов, видятся мне многие тайники истинной души спорта, сложной, в чем-то затаенной, мужественной, благородной.

Пусть фотографии, помещенные здесь, помогут и вам заглянуть в искреннюю душу спорта.

1

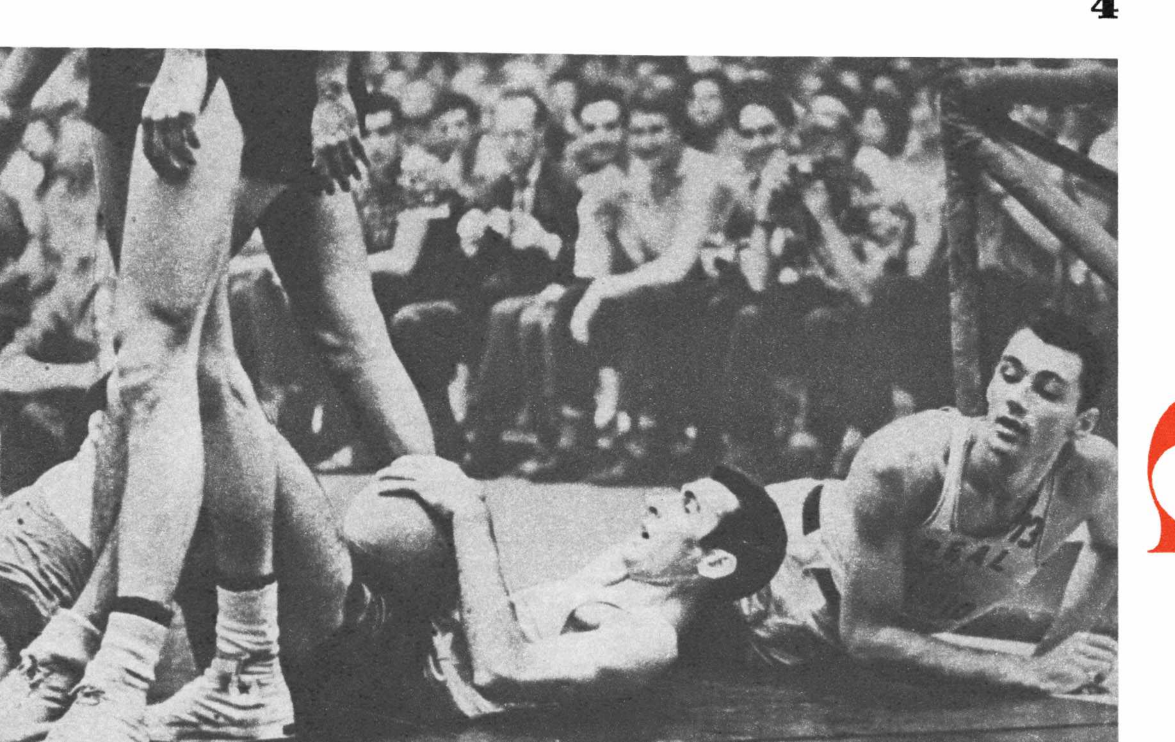
2

3

4

1

Не таинственная «летающая тарелка», не бог, снисходящий с небес, не жар-птица, раскинувшая самоцветные крылья свои над головами этих ребят, собрали тут, словно лучи в оптическом фокусе, внимание, волю, взоры, устремленные вверх и сведенные в единую готовность к мгновенному порыву... Только не упустить! Не дать перекинуть или пронести взлетевший над полем от рук противника дынеобразный мяч, которым играют в регби!

Вот она, магия спорта, магия не черная, не белая, а играющая всеми красками и оттенками спектра чувств человеческих!

2

Посмотрите, какую яркую, благородную гамму чувств вызывает к жизни спортивная схватка. Счастье победы, гордость за успех друга, восхищенное удивление проигравшего. Алексей Никанчиков и француз Клод Буркар только что скрещивали свои боевые клинки, теперь в дружеском рукопожатии скрещены их руки.

3

Лариса Латынина от радости смеется и плачет. Сколько волнений доставила ей эта девчонка, только что победившая всех самых знаменитых гимнасток. Да-да, она, славившаяся столько лет своей несокрушимой выдержкой, прославленнейшая чемпионка мира Лариса Латынина, не может сдержать своих чувств. Юная чемпионка Наташа Кучинская растеряна, смущена, а ее тормошат, целуют, поздравляют. «Наташка, молодец!.. Спасибо тебе, Наташенька!..»

4

Рослый, привыкший обычно видеть игру с высоты своих двух метров да плюс еще прыжок вверх на добрый метр, Геннадий Вольнов сейчас видит игру снизу. Он на полу. Но он все равно в игре. Вокруг путаница ног, но все равно не спускает с него напряженного взгляда его сторож — игрок мадридского «Реала». Мяч вышел из игры, Вольнов — нет!

5

Все, братцы... Победа! Три первых места в велокроссе за нами. Все позади — и бесконечные километры и непроходимая слякоть. И ветер, забивающий рот, как удушливая вата. И крутой характер упорствующих противников. И тяжкие круги подъемов и коварные косогоры спусков. И бешеные струи шоссе, хлещущие под колеса. Для литовских гонщиков Р. Рудиса, А. Беранкиса и Ф. Кнежа все позади. Все преодолено. Победа!

6

Яакку Кайлаярви сейчас предстоит единоборство со штангой, на которую уже навинчены «блины» огромного веса. Надо взять этот вес. И финский штангист яростно шепчет штанге:

— Я подниму тебя! Соберусь — и подниму! Я одолею твою тяжесть, проклятая железка! Вот сейчас возьмусь за тебя, стисну твой гриф — и ты сдашься...

7

Что поделаешь, поражение!.. Мексиканское высокогорье победило двукратного рекордсмена мира бегуна Рона Кларка. Неуютной, холодной и жесткой кажется ему мексиканская земля. И склонился над ним его наставник, тренер. Сколько потрачено сил — и все зря. Что делать! Надо подбодрить, утешить питомца, а он вот сам...

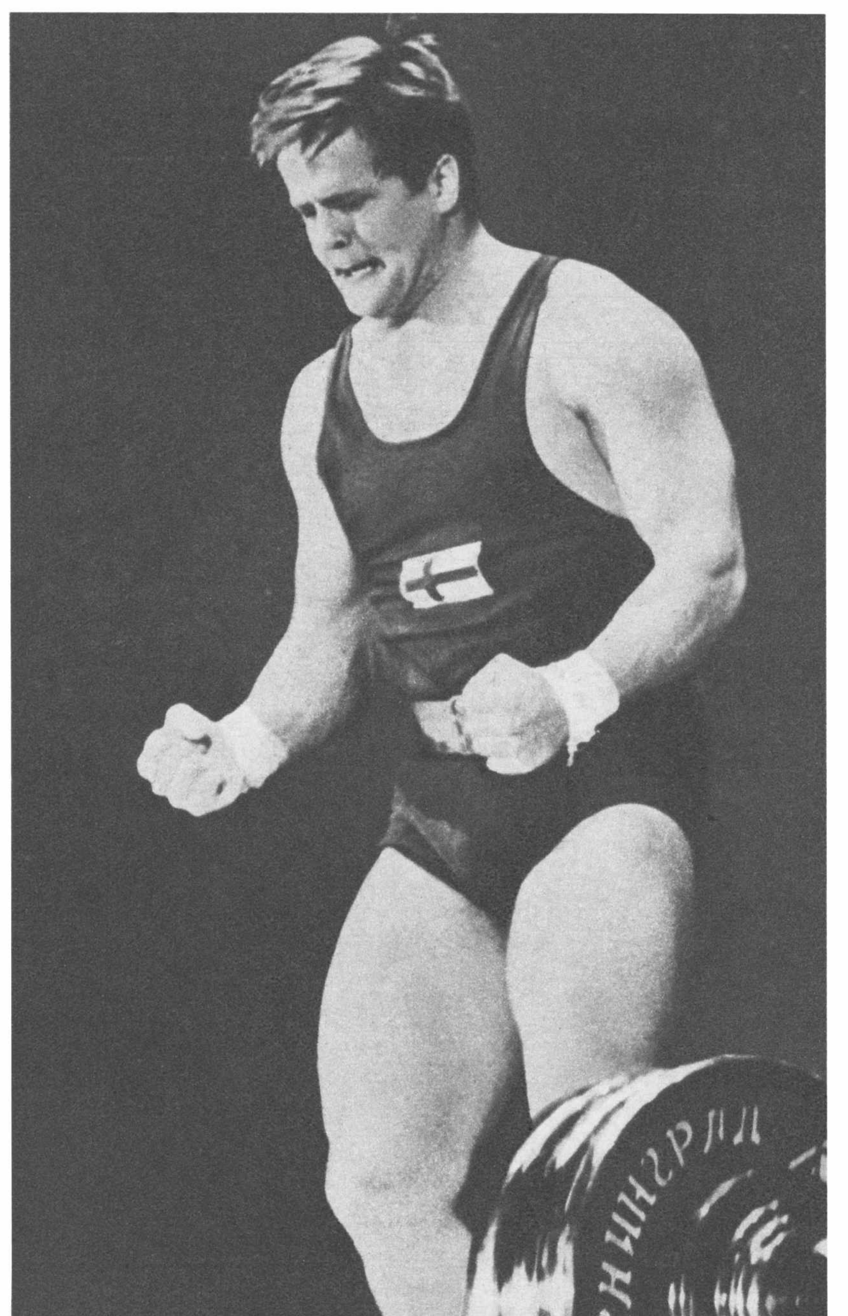
8

«Ну как?!» «О'кэй!» Два исконных соперника с двух полушарий планеты: наш Игорь Тер-Ованесян и его постоянный конкурент из Америки Ральф Бостон. Не раз приходилось им сходиться на дорожке для разбега перед прыжком. Им все известно друг про друга. И каждый год в биографии, каждый шаг на жизненном пути и каждый сантиметр в результатах, отмеченных в спортивных протоколах. В прыжке в длину они, давние соперники, долго были сильнейшими в мире. А пока судья не вызвал на дорожку, они друзья, старые товарищи.

* * *

Таков спорт, великий, благородный, порой неумолимый в своих требованиях, терзатель и утолитель миллионов бескорыстных душ!

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.